

ПОЛНАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКИЙ НАРОД

СКАЗАНИЯ,
ЛЕГЕНДЫ
И
ПРИТЧИ

А. Афанасьев

, 2005

FB2: , 04.11.2021, version 1.0

UUID: 9B8E06CC-C273-4C04-88BB-4601399415E6

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Николаевич Афанасьев

Сказания, легенды и притчи

Этот сборник — один из шедевров А.Н. Афанасьева (1826 — 1871), выдающегося русского собирателя народного слова.

Содержание

Предисловие собирателя	0008
Кто меньше желает, тому больше дается . . .	0024
Христос-странник	0029
Награда и наказание	0034
Марко Богатый	0039
Певцы	0044
Апостол Петр	0046
Господь и церковный староста	0048
Чудесная молотьба	0050
#1	0050
Примечания	0053
Чудо на мельнице	0056
Бедная вдова	0058
#1	0058
Примечания	0072
Исцеление	0075
Поп – завидущие глаза	0082
#1	0082
Примечания	0088
Превращение	0095
Пиво и хлеб	0097
Христов братец	0106
#1	0106
Примечания. Варианты из собрания В. И. Даля.	0109

Егорий Храбрый	0121
#1	0121
Примечания. Варианты из собрания В. И. Даля	0131
Илья-пророк и Никола	0138
#1	0138
Примечания	0143
Касьян и Никола	0147
#1	0147
Примечания	0148
Золотое стремя	0156
Пятница	0161
#1	0161
Примечания	0162
О Ное Праведном	0169
#1	0169
Примечания	0177
Соломон Премудрый	0183
#1	0183
Примечания	0184
Солдат и Смерть	0185
#1	0185
Примечания	0211
Видение	0225
#1	0225
Примечания	0230
Потанька	0233
Поездка в Иерусалим	0234

#1	0234
Примечания	0235
Пустынник и дьявол	0242
#1	0242
Примечания	0248
Пустынник	0252
Повесть о бражнике	0255
#1	0255
Примечания	0258
Царевич Евстафий	0259
Повесть о царе Аггее и како пострада гордостью	0261
#1	0261
Примечания	0266
Гордый богач	0267
Смерть праведного и грешного	0274
#1	0274
Примечания	0276
Ангел	0278
Кумова кровать	0281
Грех и покаяние	0284
#1	0284
Примечания	0293
Горький пьяница	0299
#1	0299
Примечания	0303
Крестный отец	0308
#1	0308

Примечания	0315
Кузнец и черт	0334
#1	0334
Примечания	0339
Волк	0347
#1	0347
Примечания	0350
Петух и жерновцы	0352
#1	0352
Примечания	0355
Сказки	0358
Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	0358
Сказка о золотом, серебряном и медном царствах	0361
Сказка о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе	0369
Сказка о семи Семионах, родных братьях	0384
Сказка о богатыре Иван-Царевиче и его прекрасной супружнице Царь-девице	0387
Сказка про перстень о двенадцати винтах	0403

А. Афанасьев

Сказания, легенды и притчи

Предисловие собирателя

Наряду с другими эпическими сказаниями, живущими в устах народа, существует еще целый отдел небольших повестей, запечатленных тем особенным, отличительным характером, вследствие которого получили они название легенд. Для своих эпических произведений народ, как известно, берет содержание из преданий своего прошлого, вносит в них свои собственные верования и нравственные убеждения, присущие ему в ту или другую эпоху его развития; и потому если языческая старина служила обильным материалом для народной поэзии, то в свою очередь и христианские представления, воспринятые юными новообращенными племенами, должны были найти в ней свой живой отголосок. Народная песня и сказка, в самом деле, не раз обращались к священному писанию и житиям святых, и отсюда почерпали материал для своих повествований; такое заимствование событий и лиц из библейской истории, самый взгляд на все житейское, выработавшийся под влиянием священных

книг и отчасти отразившийся в народных произведениях, придали этим последним интерес более значительный, духовный; песня обратилась в стих, сказка в легенду. Само собою разумеется, как в стихах, так и в легендах заимствованный материал передается далеко не в совершенной чистоте; напротив, он более или менее подчиняется произволу народной фантазии, видоизменяется сообразно ее требованиям и даже связывается с теми преданиями и поверьями, которые уцелели от эпохи доисторической и которые, по-видимому, так противоположны началам христианского учения. История совершает свой путь последовательно, и в малоразвитых массах населения старое не только надолго уживается с новым, но они взаимно проникаются друг другом, перепутываются, пока истинное просвещение не укажет несостоятельности подобной связи. Так возникли многие средневековые апокрифические сочинения; так возникли и народные легенды, повествующие о создании мира, потопе и страшном суде с примесью древнейших суеверий и окружающие некоторых угодников атрибутами чисто

сказочного эпоса. Поэтому, хотя простолюдин смотрит на легенду, как на что-то священное, хотя в самом рассказе слышится иногда библейский оборот, тем не менее, странно было бы в этих поэтических произведениях искать религиозно-догматического откровения народа в его современном состоянии. Нет, это все памятники глубокой старины, того давно прошедшего времени, когда благочестивый летописец, пораженный действительным смешением в жизни христианских идей и обрядов с языческими, назвал народ наш двоеверным.

Если они и уцелели в устах народа до нашего времени, если и подвергались в течение многих и многих лет различным изменениям, если, наконец, и заметны в них некоторые яркие следы позднейших влияний, то все-таки главным образом они любопытны для нас как плод поэтического творчества народа в древнейший период его истории.

Старинный эпос, согласно с воззрением первобытного человека на природу и со значением самих мифов язычества, дал в своих повествованиях довольно видное место раз-

личным животным. Конь, бык, собака, волк, ворон и другие звери и птицы одарены вещим характером и принимают в деяниях и судьбах людей живое и непосредственное участие.

С водворением новых, христианских, начал народная фантазия не позабыла и не отринула тех прежних образов, в которых представлялись ей взаимные отношения человека и природы; она по-старому любила обращаться к миру животных, любила наделять их умом и волею, и, касаясь событий, описанных в Ветхом и Новом заветах, свободно допустила их в свои легендарные сказания.

Приводим из этих любопытных сказаний те, которые нам известны:

а) собака первоначально была создана голою, но черт, желая ее соблазнить, дал ей шубу, т. е. шерсть. Мышь прогрызает Ноев ковчег; уж затыкает эту дыру своею головою. (Смотри легенду о Ное праведном);

б) в старину незапамятную, рожь была не такая, как теперь: снизу солома, а на макушке колосок; тогда от корня до самого верху все был колос. Раз показалось бабам тяжело

жать, и давай они бранить Божий хлеб. Одна говорит: «Чтоб ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!» Третья: «Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу доверху!» Господь, разгневанный их неразумным ропотом, забрал колосья и начал истреблять один за другим. Бабы стоят да смотрят. Когда осталось Богу выдернуть последний колос — сухощавый и щедушный, тогда собаки стали молить, чтобы Господь оставил на их долю скольконибудь колоса. Милосердный Господь сжалился над ними и оставил им колос, какой теперь видим Другое предание говорит, что самое зерно было необыкновенной величины.

Был-жил какой-то царь, ездил-гулял по полям с князьями и боярами, нашел житное зерно величиной с воробьиное яйцо. Удивился царь, собрал князей и бояр, стал спрашивать: «Давно ли это жито сеяно?» Никто не ведал, не знал. И придумали разыскать такого человека из старых людей, который мог бы про то сказать. Искали-искали и нашли старика — едва ходит о двух костылях; привели его к царю и стали спрашивать: «Кем сеяно

это жито, и кто пожинал?» — «Не памятую,— отвечал старик,— такого жита я не севал и не знаю; может, отец мой помнит». Послали за отцом, привели к царю об одном костыле. Спросили о зерне; он тоже говорит: «Я не севал и не пожинал; а есть у меня батюшка, у которого видел такое зерно в житнице». Послали за третьим стариком; будет ему от роду сто семьдесят годов, а пришел к царю легко, без костыля, без вожатых. Начал его царь спрашивать: «Кем это жито сеяно?» — «Я его сеял, я и пожинал,— сказал в ответ старец,— и теперь у меня есть в житнице; держу для памяти! Когда был я молод — жито было большое да крупное, а после стало родиться все мельче да мельче». Спросил еще царь: «Скажи мне, старик! Отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» — «Оттого,— сказал старец,— что жил по Божьему: своим владал, чужим не корыстовался». (Записано в Архангельской губернии);

с) ивановский светящийся жук керспица (Kersnica) пользуется у словенцев особенной любовью за то, что летал по дому родителей Иоанна Предтечи и освещал колыбель свято-

го младенца";

d) когда архангел Гавриил возвестил Пресвятой Деве, что от нее родится Божественный Искушитель, она сказала, что готова поверить истине его слов, если рыба, одна сторона которой была уже съедена, снова оживет. И в ту же минуту рыба ожила и была пущена в воду: это однобокая камбала. Такое сказание живет между русскими поселянами"; между тем народы литовский и самогитский уверяют, будто камбала потому с одним глазом и наружностью своею походит на отрезанную половину рыбы, что царица Балтийского моря Юрата отгрызла у нее одну сторону, а другую пустила в воду"": знак, что древне-языческое предание получило у нас под влиянием христианства и другой смысл, и другую обстановку;

e) когда родился Христос и начались гонения Ирода, Богоматерь положила Божественного младенца в ясли и прикрыла его сеном. Прожорливая лошадь всю ночь ела корм и беспрерывно открывала убежище Спасителя; а вол не только перестал есть, но еще собирал разбросанное сено рогами и набрасывал его

на младенца. Бог проклял лошадь за ее жадность, а вола благословил; оттого-то лошадь постоянно жрет и никогда не насыщается; оттого-то вол употребляется человеком в пищу, а лошадь нет;

f) у моряков есть поверье, будто два черных пятна, видимые на жабрах трески произошли оттого, что апостол Петр взял ее двумя пальцами, когда вынимал изо рта рыбы монету для уплаты подати";

g) во время земной своей жизни зашел однажды Спаситель в дом еврея. Толпа окружала его. Неверующий хозяин вздумал посмеяться и сказал Спасителю: «Если ты Бог, скажи нам, что под этим корытом?» — «Свинья с тремя поросятами», — отвечал Господь. Какой ужас оковал предстоящих, когда вместо спрятавшихся хозяйки и детей выползла из-под корыта большая свинья с тремя поросятами. Вот почему евреи не едят свинины";

h) медведь, говорят поселяне, был прежде человеком; он и теперь пьет водку, ест хлеб, ходит на задних лапах, пляшет, и не имеет хвоста.

Когда-то В старину странствовали по земле

св. Петр и св. Павел. Случилось им проходить через деревню около моста. Злая жена и муж согласились испугать святых путников, надели на себя вывороченные шубы, притаились в укромном месте, и только апостолы стали сходить с моста — они выскочили им навстречу и заревели по-медвежьи. Тогда св. Петр и св. Павел сказали: «Щоб же вы ривили отныни и до вика!» С той самой поры и стали они медведями.

Такой рассказ можно услышать от поселян Харьковской губернии; в Херсонском уезде он передается несколько иначе.

Мужик с женою вздумали испугать Спасителя, стали под греблею и принялись кричать: мужик заревел медведем, а баба закуковала кукушкою (зозулею). Господь проклял их, и с того времени они навсегда превратились в медведя и кукушку;

і) в Норвегии существует рассказ о превращении одной женщины в дятла (Njrweg. Volksm rchen, № 2).

Христос, странствуя по земле вместе с апостолом Петром, увидел женщину, которая приготовляла хлебы. Ее звали Гертруда. Спа-

ситель попросил у нее хлеба. Гертруда отделила для странников небольшой кусок теста, и только стала месить его, как он тотчас же вырос и сделался огромным хлебом. Скупая хозяйка пожалела отдать его странникам; снова отделила для них небольшой кусок теста, но и с этим, и со всеми другими кусками случилось то же; тогда решила она лучше вовсе им отказать, нежели дать так много. За такое жестокосердие Господь обратил ее в птицу, которая осуждена искать себе пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствует мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel.

Русские поселяне также рассказывают о птичке, которая в сухое время летает всюду и жалко чирикает: пипи-пить! «Когда Бог создал землю и вздумал наполнить ее морями, озерами и реками, тогда он повелел идти сильному дождю; после дождя собрал всех птиц и приказал им помогать себе в трудах, чтобы они носили воду в назначенные ей места. Все птицы повиновались, а эта несчастная — нет; она сказала Богу: «Мне не нужны ни озера, ни реки; я и на камушке напьюсь!»

Господь разгневался на нее и запретил ей и ее потомству даже приближаться к озеру, реке и ручейку, а позволил утолять жажду только той водою, которая после дождя остается на неровных местах и между камнями. С тех пор бедная птичка, надоедая людям, жалобно просит пить, пить!»";

к) когда жиды преследовали Спасителя, чтобы предать его на распятие, то все птицы, особенно ласточки, старались отвести их от того места, где укрывался Христос. Но воробей указал им это место своим пискливым чириканьем; жиды увидели Спасителя и повели его на мучение. Потому Господь проклял воробья, и мясо его запретил употреблять в пищу. Этот рассказ записан в Харьковской губернии; в других местностях уверяют, что в то время как предали Христа на распятие, воробьи непрерывно кричали: «Жив-жив! Жив-жив!» — вызывая чрез то врагов Спасителя на новые муки. Ласточки напротив чирикали: «Умер, умер!» Они старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили их и приносили назад. Оттого гнездо ласточки предвещает дому счастье,

убить ее считается за великий грех; а если воробей влетит в избу — это предвестие большой беды. О воробье рассказывают, что он один не знает праздника Благовещенья и вьет в этот день гнездо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому он может только прыгать, а не переступать"

1) в Галиции ходит в народе такое предание: когда воскрес Христос, его увидела жидавская девочка и сказала о том своему отцу. Но старый еврей не поверил и сказал: «Тогда он воскреснет, когда этот жареный каплун полетит и запоет!» И в ту же минуту жареный петух сорвался с вертела, полетел и закричал: «Кукареку!»

Легенды, хотя и касаются некоторых действительных событий и лиц, тем не менее, подобно всем другим народным произведениям, не знают и не преследуют исторической верности. Они даже раскрывают перед нами целый ряд происшествий, связанных с именем Спасителя, о которых не упоминается в источниках, но которые справедливо обращают на себя пытливые внимание ученых. В

этих рассказах не столько важна историческая правда передаваемого события, сколько правда гуманного христианского одушевления, проникающая собой все поэтическое создание. Чувство сострадания к чужому несчастью, вложенное в человека уже самую природою, под влиянием возвышенных идей христианства, получило новое торжественное освящение. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповедью о любви к ближнему и милосердии к нищей братии: убогим, больным, пораженным язвами, заточенным и страждущим; по вознесении на небо им оставил он в наследие свое святое ИМЯ:

*Как вознесся Христос на небеса,
Расплакалась нищая братия,
Расплакались бедные, убогие, слепые и хромые:
«Уж ты истинный Христос, Царь Небесный!
Чем мы будем бедные питаться?
Чем мы будем бедные одеваться,
обуваться?»
— Не плачьте вы, бедные, убогие!
Дам я вам гору да золотую,*

Дам я вам реку да медвяную...
Тут возговорит Иван да Богословец:
«Ведь ты, истинный Христос да Царь Небесный!
Не давай ты им горы золотые,
Не давай ты им реки медвяные;
Сильные богатые отнимут:
Много тут будет убийства,
Тут много будет кровопролитья.
Ты дай им свое святое имя;
Тебя будут поминати,
Тебя будут величати:
Будут они сыты да и пьяны".
Будут и обуты, и одеты».
Тут возговорил Христос да Царь Небесный:
«Ты Иван да Богословец,
Ты Иван да Злотоустой!
Ты умел слово сказати,
Умел слово рассудити»...

По народным сказаниям Спаситель вместе с апостолами и теперь, как некогда — во время земной своей жизни, ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого; испытывая людское милосердие, он наказывает жестокосердых, жадных и скупых и награж-

дает сострадательных и добрых". Это убеждение, проникнутое чистейшим нравственным характером, основано на том, что Спаситель о делах любви и милосердия к нищей братии проповедал как о делах любви и милосердия к нему самому: «Речет Царь сущим одесную его: «Приидите блagosловеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо — и даете ми ясти, возжадахся — и напоисте мя, странен бех — и введосте мене, наг — и одеясте мя, болен — и посетисте мене, в темнице бех — и приидосте ко мне». Тогда отвечают ему праведницы, глаголюще: «Господи, когда тя видехом алчуща — и напитахом, или жаждуща — и на-поихом, когда же тя видехом странна — и введохом, или нага — и одеяхом, когда же тя видехом боляща или в темнице — и приидохом к тебе?» И отвечав Царь речет им: «Аминь, глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братии моих меньших — мне сотвористе» (Евангелие от Матфея, гл. XXV, ст. 34—40).

В настоящем сборнике довольно приведено народных рассказов, в которых Христос является испытующим людские сердца стран-

ником, и поэтическое достоинство которых также истинно и цельно, как и нравственное. Подобные рассказы живут и между другими славянскими и германскими племенами. Представляем здесь некоторые, наиболее интересные, в переводе.

Кто меньше желает, тому больше дается

Было три брата; ничего больше не имели. Они на белом свете, кроме одного грушевого дерева, и стерегли то дерево по очереди: один оставался подле груши, а двое других уходили на поденщину. Однажды Бог послал ангела посмотреть, как живут братья, и если плохо — то наделить их лучшим пропитанием. Ангел Божий сошел на землю, обратился в нищего и, подойдя к тому, который оберегал дерево, попросил у него одну грушу. Этот сорвал из своей доли, подал ему и говорит: «Вот тебе из моей доли; из братниных не могу тебе дать». Ангел поблагодарил его и удалился.

На следующий день остался другой брат стеречь дерево; опять пришел ангел и попросил одну грушу. И этот сорвал ему из своей доли, подал и говорит: «Вот тебе из моей доли; из братниных не могу тебе дать». Ангел поблагодарил и ушел. Когда настал черед третьему брату оберегать дерево, опять подошел ангел и попросил уделить ему одну грушу. И

третий брат сорвал из своей доли, подал ему и говорит: «Вот тебе из моей доли — из братниных не могу тебе дать». Когда настал четвертый день, ангел сделался монахом, пришел рано поутру и застал всех троих братьев подле избы. «Идите за мною, сказал им ангел; я наделю вас лучшим пропитанием». Они пошли за ним, не говоря ни слова. Приходят к большому бурливому потоку. «Чего бы ты желал?» — спросил ангел старшего брата. А он в ответ: «Чтобы из этой воды сделалось вино и досталось бы мне». Ангел перекрестил посохом ручей — и вместо воды потекло вино: тут готовят бочки, тут вино наливают... «Вот тебе по твоему желанию!» — сказал ангел старшему брату и оставил его на том месте, а с двумя другими пошел дальше.

Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросил ангел среднего брата: «Чего ты желаешь?» — «Чтобы все это были овцы и принадлежали бы мне». Ангел Божий перекрестил поле своим посохом — и наместо голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, одни бабы доят, другие молоко разливают, третьи снимают сливки, иные

сыр делают, иные масло топят... «Вот тебе по твоему желанию!» — сказал ангел. Взял с собой младшего брата, пошел с ним по полю и спросил: «А тебе чего б хотелось?» — «Мне ничего другого не надо, только бы дал мне Господь жену от праведной христианской крови». Тогда сказал ангел: «О, это не легко достать; во всем свете только и есть три такие: две замужем, а одна девица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они в один город, в котором был царь, а у него дочь от праведной христианской крови. Как пришли в город — сейчас к царю просить у него невесту, а там уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидел их царь, сказал своим приближенным: «Как же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищие перед ними?» — «А знаете ли что? — сказал ангел.— Сделаем-ка так: пускай невеста возьмет три лозы и посадит их в саду, назначив каждому из женихов какую хочет; на чьей лозе будет поутру гроздь, за того пускай и выйдет замуж». Все на то согласились; царевна посадила в саду три лозы и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозе бедняка гроз-

дье. Тогда царь, нечего делать, отдал дочь свою младшему брату, и обвенчали их в церкви. После венца отвел их ангел в лес и оставил там; здесь жили они целый год. А когда исполнился год, сказал Господь ангелу опять: «Пойди, посмотри, как живут те сироты; если в нужде, надели их больше». Ангел спустился на землю, обратился опять в нищего; пришел к тому брату, у которого поток лился вином и попросил у него чашу вина. Но тот отказал ему, говоря: «Если всякому давать по чаше, так и вина не достанет!» Когда услышал это ангел, тотчас перекрестил посохом — и полился поток, как прежде, водою. «Нет же тебе ничего,— сказал он старшему брату,— ступай под свою грушу, стереги ее!» Затем удалился оттуда ангел; пришел к другому брату, у которого все поле овцы прикрыли, и попросил у него кусок сыра. Но тот отказал ему, говоря: «Если всякому давать по куску, так и сыра не достанет!» Когда услышал это ангел, тотчас перекрестил посохом поле — и наместо овец вспорхнули голуби. «Нет же тебе ничего,— сказал он среднему брату,— ступай под свою грушу, стереги ее!» После того пошел ангел к

младшему брату посмотреть, как он живет; приходит, а он со своей женою живут в лес) бедно, в хижине. Ангел попросился к ним переночевать; они охотно, от всего сердца, его приняли, и стали упрашивать не поставить им того в вину, что не могут угостить его так, как бы желали: «Мы люди бедные!» — говорили они. «Ничего, отвечал ангел; я доволен и тем, что есть». Что будешь делать? Муки у них не было, чтобы замесить настоящий хлеб; так они толкли древесную кору и из той приготавливали хлеб. Такой-то хлеб замесила теперь хозяйка для своего гостя и посадила в печь. Стали они разговаривать; после, глядь, — готово ли? А перед ними настоящий хлеб, и такой славный, так поднялся высоко... Увидя то, муж с женой возблагодарили Бога: «Слава тебе, Господи, что можем угостить странника!» Подали хлеб гостю, принесли кувшин с водою, и только стали пить — а в кувшине вино. В то время ангел перекрестил своим посохом хижину, и на том самом месте стал царский дворец, а в нем всего много. Ангел благословил их и оставил там, и прожили они счастливо весь свой век.

Христос-странник

А. Однажды Христос и апостол Петр пришли поздно вечером в деревню. Господь хотел искать ночлега в бедной избушке, но св. Петр настаивал, что они могут пойти в один из богатых домов, где во всем достаток. Господь не удерживал его; позволил ему идти, а сам присел подле бедной избушки. Петр отправился в самый что ни есть богатый дом. «Здесь во всем изобилие, здесь дадут нам добрый ужин и хороший ночлег!» — думал он; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: «Нет у меня для бродяг ни ужина, ни ночлега!» Рассердился Петр, однако не потерял надежды и пошел в другой дом. И здесь, и в третьем доме получил он точно такой же отказ. С досадою вернулся он, наконец, к Спасителю. «Пойдем, поищем в этой избушке», — сказал Господь, и оба вошли в хижину. Они застали хозяйку с детьми за столом. Повсюду заметна была нищета. «Ну, хорошо мы будем приняты, — подумал Петр, — у бабы у самой нет ничего!» Но он ошибся. Когда Господь попросил ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвечала: «Если вы не

побрезгаете тем, что есть у меня, я очень рада вас угостить». Господь был всем доволен. Вдова тотчас встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что суп недовольно жирен; она охотно бы приготовила его жирнее, да масла нет. «Петр, сказал Спаситель, считай глазки', что в супе плавают!» Апостол сосчитал глазки; их было более шестидесяти, и то, считая не пристально. Когда они поели и стали собираться на чердак, где приготовила вдова им постели, Спаситель отсчитал столько же золотых монет, сколько плавало в супе глазков, и подарил их вдове. Бедная женщина не знала, что делать от радости.

Рано утром пошла она в соседний богатый дом за молоком, чтобы изготовить странникам хороший завтрак, и рассказала тамошней хозяйке, как щедро наградили ее странники за плохой суп: . они дали столько же золотых монет, сколько плавало в супе глазков. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдове, чтобы та ничего не варила для странников, что она сама желает их пригласить, что у ней всего много, и суп может

быть изготовлен лучше. Когда передала о том вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказал: «Пойдем, Петр!» Они пошли в дом той крестьянки, сопровождаемые благословениями вдовы. Богатая крестьянка приготовила им жирный-жирный суп. «Если они так щедро заплатили за худой суп,— думала она,— то как же заплатят за хороший!» — «Петр,— сказал Господь,— считай глазки, что в супе плавают», — «О Господи!» — воскликнул Петр, которому суп показался очень вкусным, суп так хорош, что весь жир на нем слился в один глаз. Хозяйка заслуживает, чтоб ты вознаградил ее вдвое больше». Уходя, Господь подарил крестьянке только один золотой. Она была недовольна этим, однако Господь не дал ей ничего более: «Сколько глазков, столько и золотых!»

Дорогою осуждал Петр Господа, но Господь сказал: «Петр, не в величине достоинство дара, а в той внутренней цели, с какою он дается. Истинно говорю тебе, что худой суп бедной вдовы в шестьдесят раз более стоит, чем вкусный суп богатой крестьянки».

В. Раз пришел Спаситель в деревню и уви-

дел убогого старика, который со слезами вышел из богатого дома. «О чем ты плачешь, старик?» — спросил Господь. «О, Господи! — жаловался нищий, — я голоден и не могу выпросить ни кусочка хлеба. Везде бабы трудятся над коноплею; все мне отказывают, говорят: некогда, и ни одна не хочет уделить на столько времени, чтобы отрезать мне ломоть хлеба!»

Господь велел ему обождать и пошел в тот дом, из которого нищий был прогнан. Хозяйка и работницы были заняты делом: они вязали коноплю, чтобы потом ее намочить. Спаситель попросил кусочек хлеба. «Ишь таскаются толпами, один за другим! — заворчала на него крестьянка. — Проваливай! Мне некогда вам прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжал просить, говоря, что Бог заплатит ей за то, что сделает она для бедного, раздраженная крестьянка закричала: «Мне не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствия я не кину работы!» Господь удалился и пошел в другой дом, где не лучше ему посчастливилось. Везде ему отказывали. Тогда Господь сказал кре-

стьянке, к которой обратился он с просьбою после всех: «Попомни меня — на будущее время вас ожидает двойная работа за коноплей!» С этими словами он удалился и взял с собой нищего. С того времени приходится бабам дважды дергать коноплю: сначала посконь, после ту, что семена приносит.

Награда и наказание

В одной деревне жили два соседа; у одного было сто овец, у другого только три. Бедный сказал богатому: «Позволь моим овцам пастись вместе с твоими, тебе ведь это все равно!» Сам же он не имел никакого пастбища. Богатый не хотел было, но после позволил; мальчик бедняка погнал свои три овцы на поле, к соседскому стаду, и остался там заместо пастуха.

Спустя некоторое время случилось, что король прислал к богатому мужику и потребовал от него одной жирной овцы. Мужик не мог отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну из сотни собственных своих овец, поэтому он приказал своим работникам поймать одну из трех овец бедняка и отдать ее королевским слугам. Работники так и сделали. Сын бедняка горько плакал, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскоре после того потребовал король у богатого мужика другой овцы; этот опять приказал своим работникам отдать одну из тех, что принадлежали бедному. Так и было, и

мальчик еще более плакал, когда увели у него другую овцу. «Король,— подумал он про себя,— скоро потребует еще одну овцу, а работники богатого соседа возьмут у меня и эту последнюю; лучше убраться мне, пока есть время!» Он так и сделал и ушел далеко-далеко на высокую гору; там нашлось довольно корму и свежей воды, и овце его было привольно.

Спустя несколько дней сказал бедный сам себе: «Пойду посмотрю, что делают мои овцы и мальчик!» Когда пришел он к стаду и спросил работников о своем ребенке, они отвечали: «Две из твоих овец отданы нами по приказанию хозяина королю, а с последнею ушел куда-то твой мальчик». Бедный стал жаловаться. «Где я теперь его найду?» — говорил он; но тотчас же оправился и пошел искать. Долго не было заметно никакого следа. Он спрашивал у Солнца, не может ли оно указать ему путь-дорогу. К сожалению, Солнце не знало дороги. Наконец он пришел к буйному и свирепому Ветру, и спросил его: «Не знает ли он, где находится его сын?» — «Да, я знаю, я отправляюсь туда и охотно возьму тебя с собой?» Тут подхватил его буйный Ветер и в од-

но мгновение перенес на гору к сыну; мальчик находился в долине, которую никогда не озаряло Солнце. Бедный мужик обрадовался, увидя сына и услыша, как он сберег последнюю овцу: «Мы теперь оба останемся здесь, сказал он, и будем заботливо за нею смотреть, потому что эта овца составляет все наше богатство!»

Через несколько времени после того случилось двум странникам взойти на горы; они пристали к бедному мужику и расположились на отдых. Это были Христос и св. Петр. «Мы Издалека пришли,— сказал Христос,— и так утомлены, так голодны, что, конечно, должны умереть, если не достанем вскоре хотя немного мяса». Бедный почувствовал сострадание и тотчас отвечал: «Я могу вам пособить!» Он быстро отправился, взял свою овцу, убил ее, разложил огонь и приготовил для своих гостей добрый кусок жареного, которое показалось им очень вкусным.

После угощения сказал Христос мальчику, чтобы он собрал все кости и положил их в овечью шкуру. Мальчик исполнил, и потом все они вместе легли спать. Ранним утром

поднялся Христос со св. Петром, благословили бедняка и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужик со своим мальчиком, он увидел перед собою большое стадо овец; впереди стояла та самая овца, которую он вчера зарезал, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записку, в которой было сказано: «Все принадлежит бедному и его сыну!» Три собаки прыгали около них и ласкались. Бедный не мог скрыть своей радости и счастья и отправился со стадом домой. Когда он воротился, собралась целая деревня посмотреть, на его многочисленных и красивых овец; бедному то и дело приходилось рассказывать, как через двух убогих странников досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его соседу: «Если так,— думал он,— то я вскоре должен получить еще более!» Он пошел, созвал отовсюду бедных странников и нищих, перебил всех своих овец, нажарил мяса и предложил убогим. Потом старательно собрал все кости: в шкурку каждой овцы положил именно те, которые ей принадлежали, и улегся спать. Он, однако, не мог заснуть; в мыслях своих он, не переставая

до самого утра, высчитывал, во сколько больше должно быть у него овец, нежели у соседа, потому что он убил целую сотню, а тот только одну. Когда рассвело, он тотчас вскочил, чтобы взглянуть на свое огромное стадо, но перед ним лежали только кости в овечьих шкурах, и ни одна не двигалась и не шевелилась. «А! — подумал богатый,— так я знаю же, отчего эта помеха: надобно, чтобы удалились странники и нищие!» — «Эй вы, бродяги убирайтесь-ка отсюда!» Солнце уже стояло высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократ, оно совсем пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, он пошел с проклятиями и утопился

А бедный сосед стал богат и счастлив; рассказывают, что в последствии сын его женился на одной королевне.

Марко Богатый

В некоем царстве, в некоем государстве жил был купец Марко Богатый; казны и всякого имения было у него столько, что и счесть нельзя! Жил он, веселился, а нищих к себе и на двор не пускал: таков был немилостив.

В одно время приснился ему сон: приготовься де, Марко Богатый, и ожидай — сам Господь будет к тебе в гости! Поутру встал Марко, призвал жену и велел готовить большой пир; весь двор свой выстлал алым бархатом да золотыми парчами и по всем закоулкам расставил батраков и приказчиков, чтобы не пускали никого из нищей братии, а гнали бы взащей. Вот собрался совсем Марко Богатый и сел поджидать Господа: час ждет, другой ждет — не видать гостя. А нищие как услышали, что у Марка Богатого приготовлен большой пир, так и повалили к нему со всех сторон за святым подаянием, только батраки и приказчики никого не пропускают, всех так и гонят взащей. Вот один убогий старичок, древний-древний, одет весь в рубище, и зашел как-то на Маркин двор. Как увидел его из

окна Марко Богатый, закричал он своим громким голосом: «Эй вы, агути мои, неслухи! Али глаз у вас нету? Вишь, какой-то невежа по двору расхаживает; чтоб сейчас его не было!» В ту же минуту подскочили слуги, подхватили убогого под руки и вытолкали через задний двор. Увидала убогого одна добрая старушка и говорит ему: «Пойдем ко мне, нищенкой! Я тебя накормлю, я тебя упокою». Привела его к себе, накормила, напоила и спать уложила; а Марко Богатый так и не дождался Господа!

В самую полночь проснулась хозяйка и слышит — кто-то постучался под окном и спросил: «Праведный старче! Ты здесь ночуешь?» — «Здесь», — сказал убогий. «В такой-то деревне у бедного мужика родился сын; каким наградишь его счастьем?» Отвечал убогий: «Владеть ему всею казною и всем именем Марка Богатого!» На другой день убогий простился с хозяйкою и пошел странствовать, а старушка сейчас на двор к Марку Богатому и про все ему рассказала.

' По другому списку: Спаситель в нищенских лохмотьях попросился ночевать к одно-

му мужику, вошел в избу и лег на лавке. Спустя немного заехал туда же Марко Богатый, увидел убогого, прогнал с лавки и сам улегся на его месте. В полночь явился под окно Михаил-архангел, постучался и спрашивает: «Господи Иисусе Христе! Здесь ли ночуешь?» — «Здесь», — говорит Господь. «У бедного мужика сын родился, у Марка Богатого — дочь; Господи, каким их счастьем, какую судьбою наделишь?» Отвечал Господь: «Пускай сын бедного владеет и дочерью и всею имением Марка Богатого».

Марко поехал к бедному мужику и выпросил у него мальчика: «Отдай, — говорит, — я возьму его в приемыши, вырастет — добру научу, а как стану умирать — все богатство за ним запишу». Говорит эти речи, а в голове иные думки. Взял мальчика, поехал домой и на дороге бросил его в сугроб: пускай де замерзнет; тогда и увидит, каково владеть Маркиной казною! На ту самую пору выехали в поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наехали на ребенка; взяли его с собою, вырастили и уму-разуму наставили. Прошло много лет, много воды утекло: случилось Марку Бо-

гатому заехать к тем охотникам; увидел молодого приемыша, слово за слово, разговорился о нем и узнал, что это тот самый мальчик, которого он бросил в поле. Стал просить его Марко Богатый: «Сходи, говорит, ко мне на дом, отнеси к жене письмо». А в письме написал, чтобы его тотчас затравить собаками. Бедный приемыш отправился в путь; идет дорогою, а навстречу ему убогий старик в рубище, и то был не простой нищий — то был сам Христос. Он остановил путника, взял у него письмо и только подержал в руках — как в ту же минуту все сказанное в письме переменялось: жена Марка Богатого должна принять посланного с честью и тотчас женить его на своей дочери. Как написано, так и сделано. Воротился домой Марко Богатый, еще пуще осерчал на зятя и говорит ему «Вечером попозднее сходи на винокурню да посмотри за работою». А сам приказал работникам: «Как придет молодец — сейчас его, не говоря ни слова, бросить в горячий котел». Стал было зять собираться на винокурню, и вдруг ему попритчилось, напала на него такая хворь, что поневоле пришлось дома остаться. А Мар-

ко Богатый, выждав время, пошел посмотреть, что случилось с его зятем, и таки прямо попал винокурам в лапы и угодил в горячий котел! (Из собрания В. И. Даля).

Подобный же рассказ находим в издании: «Ungarische Volksm rchen».

Певцы

Случилось как-то — Христос и святой Петр странствовали по свету. Пришли они в деревню; здесь в одном доме так хорошо пели, что Господь остановился и заслушался: святой же Петр отправился далее. Пройдя несколько шагов, он оглянулся назад: Христос стоял на прежнем месте. Св. Петр снова пошел дальше; сделав еще несколько шагов, он оглянулся в другой раз: Христос стоял все там же. Снова дальше и дальше пошел св. Петр; пройдя опять несколько, он оглянулся в третий раз и увидел, что Христос все еще стоял и слушал. Тогда поворотил он назад и подошел к дому, из которого неслась прекрасная народная песня. Послушали они некоторое время и двинулись оба в путь; вот подошли к другому дому, где также раздавалось пение. Св. Петр остановился было послушать, но Господь направил свои стопы дальше. Пошел и св. Петр; он был сильно изумлен. «Что так сильно тебя изумило?» — спросил Христос. «Меня то поразило, — отвечал св. Петр, — что ты остановился там, где пелась народная пес-

ня, и проходишь мимо здесь, где поются духовные стихи». Тогда сказал ему Христос: «О, мой любимый св. Петр! Там пели народную песню, но сохраняя всевозможное благоговение; здесь же поют духовные стихи, но без малейшего чувства благоговения».

Апостол Петр

Однажды рядом со Спасителем шел апостол Петр, весь погруженный в думы; вдруг он сказал: «Как хорошо, думаю, быть Богом! Хоть бы мне на полдня сделаться Богом, после я опять готов быть Петром!» Господь усмехнулся и сказал: «Пусть будет по твоему желанию, будь Богом до вечера!» Между тем приблизились они к деревне, из которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала их на луг, оставила там и поспешила назад в деревню. «Как, ты хочешь оставить гусей одних?» — спросил ее Петр. «А что, неужели стеречь их и сегодня? У нас нынче храмовой праздник», — возразила крестьянка. «Но кто же должен беречь твоих гусей?» — спросил Петр. «Пусть Господь Бог бережет их сегодня!» — сказала крестьянка и удалилась. «Петр! Ты слышал, — сказал Спаситель. — Я бы охотно пошел с тобою в деревню на храмовой праздник, но ведь гусям может приключиться что и худое, ты сегодня Бог до вечера, ты должен и беречь их». Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тем не менее он должен был сторо-

жить гусей; но дал зарок, что никогда более не пожелает быть Богом.

Господь и церковный староста

Один церковный староста в набожной заботливости о своей церкви пожертвовал в нее великолепный подсвечник с большою восковою свечою. Тогда явился ему Господь в образе старца и в воздаяние за этот дар обещал, что он трижды возвестит ему о смерти — прежде, нежели отзовет из сего мира. Обрадованный этим староста зажил в роскоши и в веселье, ел и пил, пользовался церковным погребом и вовсе не думал о смерти. Прошло несколько лет, и тело его стало отказываться выносить далее такую жизнь: колени его согнулись, спина сторбилась, и он был вынужден взяться за костыль; немного погодя он потерял зрение, а потом и слух. Сгорбленный, слепой и глухой он продолжал жить все так же безумно и пышно, как и прежде. Наконец предстал Господь, чтобы взять его от сего мира. Церковный староста был встревожен и смущен; он обратился к Господу с упреками, зачем Он трижды не возвестил ему, как сам обещал? Тогда сказал ему Господь в праведном гневe: «Как? Я не возвестил тебе? А

разве я не ударял тебя сначала по плечу и коленам так, что ты должен был согнуться? Разве я не наложил потом мой перст на твои глаза так, что ты ослеп? Разве напоследок не коснулся я твоих ушей — так, что ты потерял слух? Так исполнено все, что я тебе обещал; теперь следуй за мною!» Староста смиренно стал молить о прощении: ему, право, непонятны были эти напоминания, и он не приготовился еще к смертному часу. Кротко взглянул Господь на кающегося грешника и сказал: «Пойдем, пойдем; я не хочу для тебя быть справедливым более, нежели сколько милостивым!»

Чудесная молотьба

Раз как-то принял на себя Христос вид старичка нищего и шел через деревню с двумя апостолами. Время было позднее, к ночи; стал он проситься у богатого мужика: «Пусти, мужичек, нас переночевать». А мужик тот богатый говорит: «Много вас попрошаек здесь таскается! Что слоняетесь-то по чужим дворам? Только, чай, и умеете, а небось не работаете». И отказал наотрез. «Мы и то идем на работу,— говорят странники,— да вот застала нас в дороге ночь темная. Пусти, пожалуйста! Мы ночуем хоть под лавкою». — «Ну, так и быть! Ступайте в избу». Впустили странников; ничем-то их не покормили, ничем-то их не напоили (сам хозяин-то поужинал вместе со своими домашними, а им ничего не дал), да и ночевать им довелось под лавкою.

Поутру рано стали хозяйские сыновья собираться хлеб молотить. Вот Спаситель и говорит: «Пустите, мы вам поможем за нос(ч)лег, помолотим за вас». — «Ладно, сказал мужик; и давно бы так! Лучше чем попусту без дела слоняться-та!». Вот и пошли мо-

лотить. Приходят. Христос и гутарит хозяйским сыновьям: «Ну, вы разметывайте адонье», а мы приготовим ток».

И стал он с апостолами готовить ток по-своему: не кладут они по одному снопу в ряд, а снопов по пяти, по шести, один на другой, и наклали, почитай, целое поладонье. «Да вы такие-сякие совсем дела не знаете!» — заругались на них хозяева.— Зачем наложили такие вороха?» — «Так кладут в нашей стороне; работа, знаешь, от того спорее идет»,— сказал Спаситель и зажег покладенные на току снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дескать, весь хлеб погубили. Ан погорела одна солома, зерно осталось цело и заблистало в большущих кучах крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шись в избу, сыновья-та и говорят отцу, так и так, батюшка, смолотили, дискать, поладонья. Куда! И не верит! Рассказали ему все, как было; он еще пуще дивится: «Быть не может! От огня зерно пропадет!» Пошел сам поглядеть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое на диво! Вот покормили странников, и оста-

лись они еще на одну ночь у мужика.

Наутро Спаситель с апостолами собирается в путь-дорогу, а мужик им гуторит: «Пособите нам еще денек-та!» — «Нет, хозяин, не проси; неколи, надыть идти на работу». А старшой хозяйской сын потихоньку и говорит отцу: «Не трож их, бачка; не замай, идут. Мы тапереча и сами знаем, как надыть молотить».

Странники попрощались и ушли. Вот мужик-то с детьми своими пошел на гумно; взяли, наклали снопов, да и зажгли: думают — сторит солома, а зерно останется. Ан вышло не так: весь хлеб поняло огнем, да от снопов бросилось поломя на разны постройки; начался пожар да такой страшной, что все до гола и погорело!

Примечания

В издании Вольфа напечатана совершенно сходная с записанною мною легенда, но с следующим характеристическим дополнением в начале.

Однажды Христос с апостолом Петром, странствуя по земле, пришли поздно вечером к крестьянину и попросились у него переночевать. Мужик пустил их, но с условием, чтобы утром следующего дня пособили ему молотить. Рано проснулся он и велел будить странников и звать на работу.

Следует чудесная молотьба огнем, как и в русской легенде. Когда таинственные странники распростились с хозяином и отправились в свой путь, апостол Петр стал жаловаться на жестокосердие крестьянина. «Оборотись!» — сказал ему Господь. В то время они взошли на холм; апостол взглянул назад: весь двор и изба крестьянина стояли в пламени. Подобный рассказ можно слышать и у нас в некоторых местностях. Приводим здесь вариант, записанный П. И. Якушкиным в Орловском уезде.

В одну зимнюю ненастную ночь шел по дороге Иван Милостивой с двенадцатью апостолами. В поле ночевать было холодно; они и постучались к одному мужику: «Пусти обогреться!» Мужик сначала не хотел пускать их, да потом согласился и пустил с условием, чтобы завтра чуть свет обмолотили ему три копны ржи. Наутро хозяин толкнул Ивана Милостивого, а он вместе с апостолами лежал на полу: «Пора молотить, собирайтесь!» Толкнул и пошел на двор. Вот апостолы поднялись было, и хотели идти на гумно, да Иван Милостивой уговорил их еще немного поспать. Мужик ждал-ждал, нет помощников! Взял кнут, пошел в избу и давай стегать крайнего, а крайний-то был Иван Милостивой. «Полно! — закричал Иван Милостивой, — вслед за тобою иду». Мужик ушел. Апостолы опять было поднялись, но Иван Милостивой снова уговорил их остаться и еще хоть немного отдохнуть. «Будет с него! — молвил он, — отстегал кнутом, теперь больше не придет». А у самого на уме: «Как придет мужик, опять примется за крайнего!» — и залез на самой зад.

Мужик ждал-ждал, воротился в избу с кну-

том и думает сам с собою: «За что ж я буду бить одного крайнего? Сем-ка примусь за заднего!» — и принялся за Ивана Милостивого.

Только ушел мужик, Иван Милостивой и в третий раз уговорил апостолов не вставать на работу, а сам залез в середину. Вот хозяин ждал: ждал, не дождался, и снова пошел в избу с кнутом; пришел и думает: «Крайнему уже досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за среднего!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего делать, поднялся он, и сам начал просит апостолов, чтоб шли помогать мужику.

Чудо на мельнице

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичек привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость! Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал,— думает мельник,— да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» Ну, хорошо.

Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпется, да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намо-

лолось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется, да сыпится... Мужик не знал, куда и собирать-то!

Бедная вдова

А. Давно было — странствовал по земле Христос с двенадцатью апостолами. Шли они раз как бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христос и апостолы. Вот пришли они в одну деревню и попросились на ночлег к богатому мужику. Богатый мужик их не пустил: «Вон там живет вдова, она нищих пускает; ступайте к ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бедная, пребеднеющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлебца, да с горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та без молока — не отелилась к тому сроку. «У меня, батюшки», — говорит вдова, — избенка малая, и лечь-то вам негде!» — «Ничего, как-нибудь упокоимся».

Приняла вдова странников и не знает, чем напитать их. «Чем же мне покормить вас, родимых, — говорит вдова, — всего-навсего есть у меня одна махонькая краюшечка хлебца да с горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нетуть: все жду — вот отелится... Не взыщите на хлебе, на соли!» —

«И, бабушка!» — сказал Спаситель, — не кручинься, все будем сыты. Давай что есть, мы и хлебушка поедим: все, бабушка, от Бога... Вот сели они за стол, стали ужинать, одной краюшечкой хлебца все напитались, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вот, бабушка, ты говорила, что нечем будет накормить, — сказал Спаситель, — гляди-ка, мы все сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, от Бога...»

Переночевали Христос и апостолы у бедной вдовы. Наутро говорит вдова своей невестке: «Подь, поскреби мучицы в закроме, авось наберешь с горсточку на блины покормить странников».

Невестка сходила и несет муки таки порядочную махотку". Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невестка говорит: «Там в закроме и на другой раз осталось». Напекла вдова блинков

'Вариант. Шел Христос с 12 учениками, словно нищенки. Пришли они в город и попросились ночевать к богатому купцу; купец не пустил., и потчует Спасителя и апостолов! «Кушайте, родимые, чем Бог послал...» —

«Спасибо, бабушка, спасибо!».

Поели они, попрощались с бедною вдовою и пошли себе в путь. Идут эдак по дороге, а в стороне от них сидит на пригорке серый волк; поклонился он Христу и стал просить себе еды: «Господи,— завыл,— я есть хочу! Господи, я есть хочу!» — «Пойди,— сказал ему Спаситель,— к бедной вдове, съешь у нее корову с теленком. Апостолы усомнились и сказали: «Господи, за что же велел ты зарезать у бедной вдовы корову? Она так ласково приняла и накормила нас; она так радовалась, ожидая от своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитание на всю семью».— «Так тому быть должно!» — отвечал Спаситель, и пошли они дальше. Волк побежал и зарезал у бедной вдовы корову; как узнала о том старушка, она со смиреньем промолвила: «Бог дал, Бог и взял; Его святая воля!»

Вот идут Христос и апостолы, а навстречу им катится по дороге бочка с деньгами". Спаситель и говорит: «Катись, бочка, к богатому мужику" во двор!» Апостолы опять усомнились: «Господи! Лучше б велел ты этой бочке катиться во двор к бедной вдове; у богатого и

так всего много!» — «Так тому быть должно!» — отвечал им Спаситель, и пошли они дальше. А бочка с деньгами прикатилась прямо к богатому мужику во двор; мужик взял, припрятал эти деньги, а сам все недоволен: хоть бы еще столько же послал Господь, думает про себя. Христос и апостолы идут себе да идут. Вот в полдень стала большая жара, и захотелось апостолам испить. «Иисусе! Мы пить хотим», — говорят они Спасителю. «Ступайте, — сказал Спаситель, — вот по этой дорожке, найдете колодезь и напейтесь».

Апостолы пошли; шли-шли и видят колодезь. Заглянули в него: там-то срамота, там-то сквернота — жабы, змеи, лягува... там-то нехорошо! Апостолы не напившись, скоро воротились назад к Спасителю. «Что ж испили водички?» — спросил их Христос. «Нет, Господи!» — «Отчего?» — «Да ты, Господи, указал нам такой колодезь, что и посмотреть-то в него страшно». Ничего не отвечал им Христос, и пошли они вперед своею дорогою. Шли-шли; апостолы опять говорят Спасителю: «Иисусе! Мы пить хотим». Послал их Спаситель в другую сторону: вон видите колодезь,

' Вариант: Собрала вдова ужинать и говорит: «Я бы вам, родимые, блинков растворила, да муки нетути». Христос отвечает: «Посмотри, может быть найдется». — «Нет, батюшки вы мои! Я уж в ларе крылушком муку повымела». — «Ступай, посмотри, — опять говорит Христос, — может и найдется». Пошла вдова и видит: полон ларь муки! Откуда что взялось! Принесла она муки, сделала раствор, а поутру встала и напекла блинов.

В. В давние времена ходыв по земли Бог и з святым Мыколаем и святым Петром, и уже святой Петро совсим обдерся" так, що й не стало на йому ньякого шматя". А Господь каже ему: «Пиды, Петре, та украды соби шматя деныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни?» От св. Петро пишов и покрав повишане на тынови людське шматя, и убрався, пишов до Бога, тай каже: «Я вже украв шматя, алы ж хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала: "Нехай йому Бог звыдыть и избачить!» А Бог, выслухав цее, тай каже: «Ну добре, колы так!"». От Бог, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы в обидранную хату до одной

найбиднищой вдовы-мужычки, упросылысь в ней на ничь и стали спрощуваты: «Чы ныма чого у тебе пометы? А хозяйка одвичает: «Ныма в мене ничего. Я бидная, хлеб соби заробляю, и тильки маю хлеба, що одын окрайчык на польци». А Бог до нея каже: «Дай же нам хоть борщу». Вона знов одвичает: «Та ныма у мене ни якої стравы"', и ничогисынько не варыла».

От Бог знов сказав: «Погляды лыщ, молоде, добре в пичи, може и найдеш там чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, а дали Бог як причыпывея добре до ней: «Таки погляды в пичь та погляды». От вона, абы витчыпытьця, иде до печи; колы заглянула туда в пичь, аж там богацько всякой всячины — понаварывано разной хорошей стравы и варынухи. Тай каже вона: «Що це таке на свити значыт, я не топыла, аж богацько есть понаварывано всякой всячины?» От вона повинымала все с печи, и вси воны понайидалысь, тай полягалы спаты; а хозяйка все не знала, що то Бог прийшов до ней. На другый день вранци Бог, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно хозяйци,

"Вариант: Первый колодезь приготовлен богатому купцу, а второй бедной вдове." Ободрался. " Платья. "" Кушанья. " Поблагодарили усердно. тай пишлы дальше, и почулы воны высильне гранье: аж надходять воны туда, колы дывятця, а там высилья у одного богатого мужыка. От св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! Ходим же и мы на те высилья, чы не дадут и нам по чарци горилки та чого пойисты?» А Бог каже: «Добре, ходым».

От воны пишлы туда замисть старцев, будим" просыты мылостыни, а богатый хозяин теи хаты оглянувшысь до них, тай знов став частуваты за столом своих высильных гостей, богатых хозяинив, а дали став гукаты на свою жинку: «А дай лыш там старцам мылостыни». А жинка його — така в убраньи, щой куды! — закрычала сердыто: «Ты гляды своих людей, що частуеш", и не оглядайся до старцев; бо як ты принадыш сых дидив""", то й не будут через ных двери зачынятьця!»""

Дали погодывши, той хозяин як оглянувшысь побачыв, що довго старци стоять в хати, та нагумонив добре на свою жинку,— аж тоди вона дала тым старцам по маленький чароци

горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла их за двери.

От Бог з св. Петром и Мыколаем идучи звиттыля", тай каже Бог: «Ну тай богатый же цей чоловик, що мы булы в него на высильи, алы ж и крепко вин скупый, а його жинка ище гирше скупица и дуже велька злоедныця, та и обое воны не вмиють в счастья шануватысь"" и не хотят помогать! другим бидным людям».

От Бог з св. Петром и Мыколаем пишлы щляхом"" и на поли полягалы спочываты, аж прибиг до ных вовк, тай просыть Бога: «Дай мини, Господы, що пойисты; бо я цилые сутки нычого не йив и дуже охляв з голоду».

Бог выслухав цее, тай говорыть: «Пиды, вовче, в село; там есть найбиднища вдова-мужычка, що мы в ней ночувалы; у ней есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъйиж». А св. Мыколай начав просыть Бога: «Господы милостивый! Нащо ж обижагы бидную вдову, нехай вовк не бере в ней послидней коровы, бо вона буде гирько плакать и мучытьця; а лучше нехай вовк возме яку-ныбудь скотыну у того богатыря , де мы

буллы на высильи, бо вин богатый чоловік та ще й дуже скупый». А Бог каже: «Не можно так! Нехай возьме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе"" , бо вона на сим свити талану не мае».

От вовк побиг до ней, а воны полягалы спаты. Св. Мыколай и став жаловаты бидной вдовы, тай начав вин придумуваты, як бы ухытрытьця и помогты для ней, а дали надумав и подывувся, що Бог уже спыть (а Бог все знае, та навмысне буцим спыть, от св. Мыколай взяв та мерций побиг на впереимы"" вовка другою стороною, щоб вмазаты вдовыну корову болотом , щоб та корова була чорна, а не ряба, щоб не зъйив йи вовк. И як прибиг туды св. Мыколай, от скориище болотом и обмазав ту корову, так що вона зробылась чорна, тай зараз вернувся назад до Бога. А Бог скоро встав буцим ничего не знае, и каже до св. Петра и Мыколая: «А що вставайте уже, та ходим». И тильки що хотилы воны ийти дальше, аж знов прибиг до ных той самый вовк и каже: «Ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у ней одна чорна».

От Бог все уже знае, тай каже: «Ну так изъйиж ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничего не вдие, тай замовчав. От вовк побиг до чорной коровы, а Бог з Петром и Мыколаем началы идты шляхом. От идуть вони та идуть, аж катытьця против них бочка, а св. Мыколай пытае: «Що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичае: «Це катытьця бочка с сребром и златом до того богатыря, що мы булы у него на высильи, бо такий його талан и така його доля; алы все його счастья буде на сим свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилыж, с цей бочки або з макитерку" для теи бидной вдовы, де мы ночувалы; в ней ж вовк и послиднюю корову зъйив». А Бог одвичае: «Ни, того не можно! Бо цей талан дан одному тильки тому богатырови».

От св. Мыколай вже замовчав, и началы идты дальше; ишли та ишли, аж св. Мыколай захотив дуже пыты воды тай каже: «Ах, як мыни хочетця пыть!» А Бог говорить йом: «Колысь я проходыв чрез оцей яр, що недалеко вид нас выдно, там я бачыв крыныцю". Иды туда, тай напьется воды».

Колы пишов св. Мыколай туда в яр, аж там коло крыныци побачыв такого богацько темного та сираго страшеного гаду, такого сердытого, що аж кышыть; от вин злякався"" дуже тай насылу звиттыля утик". А Бог пытае: «Чого ты, Мыколаю, так ныначе злякався, аж поблиднив с переполоху"" , и мабудь не пыв воды?» А св. Мыколай одвичае: «Не мог я напыться, та ще й як побачыв, що там есть тако-го богацько страшеного гаду, то насылу я звиттыля утик».

От Бог выслухав цее тай сказав: «Ну, ходым же дали!» И прошлы воны дальше з пятыро гин , або бильше, тай Бог знов каже до св. Мыколая: «Иды у цей другый яр, там повная буде крыныця; то вже там напысься воды». От св. Мыколай пишов туда: колы надходыть в той яр, яж там побачыв такий ще гиршыи гад, та тако-го-ж його превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злиций, як попереду бачыв, так що ныначе горыть трава.

И св. Мыколай завсим перелякався та побилив, и насылу вельку звиттыль утик, так ныначе на йому волосья и одежда зогорилася! И прийшов до Бога тай с переляку насылу

расказав, що не можно там напытысь воды, бо ще й гиршей там есть гад и далеко злищый от першого гаду, що вин бачыв попереду. А Бог каже: «Ну колы так, то ходым же дальше».

От воны пошлы дальше и довго ишлы, аж побачылы вдали третий ярк ныначе с садком; тай Бог каже: «Ну иды ж, Мыколаю, в той ярк, де бачыш — садок выдно, а вже там певне" напьесся воды». Колы св. Мыколай пишов туда, аж там такая прихорошая крыныця з пригожою водою, а над тею крыныцею и скризь там такии разнии, прихорошии, пахнючии цвиткы та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынкы"" и всякая овоць, а птыци так-хороше спи иають та щебечуть разными голосами, и таке все там занимательне, що й сказаты и пропысаты не можно. От св. Мыколай не знав, що й робыты, чы воду пыты, чы любоватыся та прыглядуватысь; напьетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И вин трычи так потрохы пыв тую воду, та все разглядував, и не щувся"", що вин не в примиту пробув там цилых тры рокы, як ныначе одну мынуту там був. Аж прыходыть туды

Господь Бог тай каже йому: «Що це ты, Мыколаю, так довго тут сидиш, що прошло тому три роки, як ты пишов сюды пити воды?» И каже Бог: «А я тебе не дождався тай покынув, и далеко уже я выходыв с пив свита, покы знов до тебе вернувся». От св. Мыколай выслушавши цее, тай одвичае: «Господы мылостывый! Що це таке значить, що коло переднищих двох крыныць, куды я попереду ходыв пити поды, есть там богацько страшного гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька в третим яру так дуже прихорошая крыныця з водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватысь и наслухатыця птычого щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?» А Бог одвичае йому: «Оце же знай, що переднищий яр, де ты бачив богацько злого страшного гаду, то тее мисто называитця пеклом и воно определяно для того богатыря, що мы булы у него на высильи, а другой яр, де есть еще гирший пристрашенный гад, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо його жинка ище гирша вид своего чоловика ; а як воны не вмилы в счастье жи-

ты, добре шановатись, и не хотилы помогаты бидным людям, то за тее по смерти будут вично мучитьця в тых пеклах. А оце третий яр, де ты, Мыколаю, пыв воду, тай довго так тут забарывся через тее, що тутынька дуже хороше, называетця рай, определяный для теи бидной вдовы, що мы в ней ночувалы, бо вона на сим свити цилый вик гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и честная, то за тее по смерти буде маты в сим раю вичное прибогатое счастье. От бачь, як то робытця; будь добрый чоловиче, не вповай на земнее счастье, та любы бидных и старайся, небоже, то, як кажуть, Бог в сим и будущим вику поможе!»

Примечания

В этой легенде замечательно представление будущей жизни, предназначенной для добродетельных и злых. Первых ожидает такое полное блаженство, что время для них как бы перестанет существовать; год пролетит, как единая минута. То же представление встречаем и в других народных сказаниях (смотри варианты к легенде «Христов братец»).

Валахская легенда рассказывает о девочке, которую взяла с собою Св. Дева. «Где ты была?» — спрашивает ее однажды Св. Дева, — «Я пробыла один день в раю», — отвечает девочка. «Не один день, а целый год пробыла ты!» В другой раз повторяет свой вопрос Св. Дева: «Где ты была?» — «Я пробыла один час в раю». — «Не час, а три человеческих жизни». В третий раз спрашивает Св. Дева, и на ответ девочки: «Я на мгновенье побывала на небе» — замечает: «Ошибаешься, дитя! Не мгновенье, а полвечности пробыла ты в жилище блаженных».

На одной лубочной картине изображено сказание о старце, который молил Бога, чтоб

даровал ему изведать сладость блаженства праведных; Бог услышал его молитву: раз старец заслушался пение райской птички: слушал, слушал, и триста лег пронеслись для него, как три часа. У народов романских есть такое же предание о пустынноике, который заслушался в лесу соловья, впал в сладкое забытие на целые сто лет, и когда очнулся, все для него было ново и незнакомо.

В легенде о бедной вдове рассказывается чудо, как Господь одною малою краюшкою хлеба накормил двенадцать апостолов, и еще ломти остались. Для сравнения с этим сказанием приводим следующее любопытное место из легенды: *Christus in der Bauersh tte*, записанной в Буковине:

Христос посетил хижину крестьянина. Здесь встретила его совершенная нищета. Маленькие дети с плачем просили у матери хлеба, но у бедной женщины не было ни крошки. В горе она развела на очаге огонь, принесла со двора кусок коровьего навозу и посадила его в печь, чтобы хоть этим утолить детский голод. Через полчаса вынула она своюстряпню; но как изумилась, когда увидела, что ко-

ровий навоз превратился в прекрасный питательный хлеб! Стала крестьянка оделять своих детей — и совершилось другое чудо: как много ни отламывала она от хлеба, всякой раз столько же вновь его вырастало. Не оставалось более сомнения, что гостем ее был сам Господь; она пала к стопам Спасителя и пролила благодарные слезы.

Исцеление

Вот видишь ли, скажу тваей милости, был Адин священник бяднеющий, пребяднеющий. Приход ли у него была больна малый, али как тебе сказать, правду молвить: што иное, только, слыш, все малился Богу, кабы в достатке та быть пасправнее. Вот он все малился, ды малился, день и ночь малился, и Николу миласливава прасил все, кабы справица. Ан нет — лих! Не дает Бог ему счастья. Вот он пашол из дому, куды глаза глядят: шол-шол, все шол, и увидал он; возля дароги сидят двоя с сумками, как и он пешие — ну, знаш, присели агдахнуть. Адин-ат малодинькай с бароткай, а другой-ят сединькай старичок». Адин-ат, знаш, был сам Христос, а другой-ят Никола миласливай. Вот он абрадовался, патшол к ним и гаварит: «Ну, братцы! Вы, как и я же, пешком идете; кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «Мы ворожецы, знахари, и варажить умеем и лечим». — «Ну, слыш, нельзя ли вам взять и меня с сабою». — «Пайдем», — гаварят ему. «Только матрэй" все поравну делить». — «Знама дела, што порав-

ну». Вот эвтим делам-та и пашли ани все троя вместе. Шли они, шли, устали и зашли начавать в избушку. Поп-ат все у себя с вечеру съел, што, знаш, была у него съеснова. А у Христа с Николай миласливым была адна лиш прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразов да другова дни. Наутро поп встал; захателась ему есть, он взял у крат(д)кай ту прасвирачку и съел. Христос-ат схватился прасвирачки, ан лих нет ее! «Хто, слыш, маю прасвирачку съел?» — говорит папу. Он заперся, сказал: «Знать не знаю, я не ел». Вот так таму делу и быть.

Встали, вышли из избушки и пашли апать; шли ани, шли, и пришли в адин горат. Вот малодинькай с бароткай знахарь, знаш — Христос-ат и гаварит: «В эвтам гараду у багатава де барина есть бальная дочь; ниhto не смох ее излечить, айдите-ка мы к нему». Пришли ани к таму барину, стали стучатца у него пад акном: «Пусти-ка нас; мы, слыш, вылечим тваю дочь».

Вот пустили их. Дал им тот барин лечить сваю дочь; ани взяли ее и павели в баню. Привели в баню, и Христос-ат всее ее разре-

зал на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрезал на части ее, взял и перемыл все на все в трех вадах. Перемыл в трех вадах и слажил ее все вместе папрежняму, как была. Слажил вместе, и спрыснул раз — ана сраслась; спрыснул в другой — она пашевелилась; спрыснул в третий — ана встала. Привели ее к атцу; ана, знаш, и гаварит: «Я ва всем здорова папрежняму». Вот барин тот их вдоваль сыто на сыто всем накармил и напаил. Поп ел, ел, насилу с места встал, а те, знаш; Христос-ат ды Никола миласливай, немношка закусили, и сыты. Вот пасля барин-ат аткрыл им сундук с деньгами: «Ну, слыш, берите, сколько душевашей угодна». Вот Христос взял горсточку, ды Никола миласливай другую; а поп начал савать везде себе, и в карманы, и за пазуху, и в суму, и в сапаги — ильно" везде была полна.

Вот эвтим делам-та пашли ани апять в дарогу; шли, шли, и пришли к речке, Христос с Николай миласливым разом перешли легоханька, а поп-ат с деньгами шел-шел па ваде-та и начал была тануть. С другова та берегу Христос с Николай миласливым кричат ему:

«Брось, брось деньги! Брось, слыш, деньги! А то утонишь». — «Нет, — гаварит, — хоть утану, а их не брошу». — «Брось, брось деньги! А то захлебнется, помрешь». — «Нет, умру — не брошу!» — гаварит поп, и кае-как перебрел он с деньгами-та через речку. И сели все троя на бережок. Христос-ат и гаварит папу: «Давай деньги-та делить». А поп не дает: «Эвта май деньги! Вы што не брали себе больше? Я чуть была не утанул с ними, а вы гаварили: брось их». — «Ауговор-ат, — сказал Христос, — вить лутча дених. Вот поп стал выкладывать сваи деньги в кучу, и Христос с Николай миласливым слажили сваи туды-жа, Вот эвтим делам-та стал Христос делить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Поп-ат гаварит: «Нас де троя; каму кладешь ты ищо четвертую долю?» — «Четвертая доля таму, — гаварит Христос, — хто маю прасвирачку съел». — «Я, слыш, ее съел!» — патхватил поп. Вот Христос-ат с Николай миласливым усмехнулись. «Ну, кали ты маю прасвирачку съел, так вот тебе эвти две кучки дених. Да вот и маю вазьми себе же», — гаварит Христос. «И маю, слыш, кучку возьми себе», — га-

варит Никола миласливай. Ну, таперь у тебя многа денех! Ступай дамой, а мы пойдём адни.

Поп-ат взял все деньги и пашол адин. Пашол, знаш, и думает: чем дискать мне дамой идти, лутча пойду я адин лечить; я таперь сумею — видел, как лечут. Вот он шел-шел, пришол в горат и проситца к аднаму багатаму купцу: узнал знаш, што у нево есть дочь бальная, и ниhto ее не мох излечить. Проситца к багатаму купцу: «Пустите меня, я вашу бальную дочь вылечу». Пустили ево. Он, знаш, уверил их, што вылечит. Ну харашо, так таму делу и быть: вылечит, так вы лечит! Вот выпрасил он бальной нош вострай и павел бальную в баню, и начал ее резать на части: знаш, видел — как Христос-ат резал. Только нука кричать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слыш, не кричи: будишь здорова!» Вот изрезал ее за-мертво на части, и начал ее перемывать в трех вадах. Перемыл и начал складывать апять, как была папрежняму; ан-лих не складывается ана на прежняму. Вот он мучился, мучился над нею, кае-как слажил. Слажил и

спрыснул раз — ан, слыш, ана не срастаетца; спрыснул в другой — нет толку; спрыснул в третий — все, знаш, без толку. «Ну, беда мая! Прапал я таперь! Угажу на висилицу, либа матряй в Сибирь на катару!» Начал плакать и малитца Богу и Николе миласливому, што паслали ему апять тех знахарей. И видит в акошка, што идут к нему в баню те знахари: малодинькай с бароткай и сединькай стари-чок. Вот как абрадовался им! Бух им в ноги: «Батюшки май! Будьте атцы радные! Взаяся я лечить на вашему, да не выходит...» А эвти знахари апять, знаш, были Христос и Никола миласливай. Взашли, усмехнулись и гаварят: «Ты больна скоро выучилса лечить-та!» Вот Христос-ат взял мертваю всее па частям перемыл, ды и слажил. Слажил, знаш, папрежняму, как была, и спрыснул раз — ана сраслась, спрыснул в другой — ана пашевелилась, спрыснул в третий — она встала. Вот поп-ат перекрестилса: «Ну, слава тебе, Господии! Уш вот как рат — сказать нельзя!» — «Вазьми,— сказал Христос,— и атведи ее таперь к отцу; ды матряй, больше не лечи! — крепко-на-крепко наказал ему,— а не то прападешь!»

Вот знахари те: Христос и Никола миласливай пашли са двара, а поп-ат привел ее к атцу: «Я ее, слыш, излечил». Дочь сказала атцу, што ана таперь здорова па прежняму. Купец пука ево паить, кармить, угаваривать, штоп астался он у нево-та. «Нет, не астанусь!» Вот купец емудених дач вдональ, лошать с павоскай, и поп уш пряма паехал дамой и палажил зарок, што лечить таперь не станет.

(Записана в Казанской губернии.)

Поп – завидущие глаза

В приходе святого Николы жил один поп. У этого попа глаза были самые поповские. Служил он Николе несколько лет, до того дослужил, что не осталось у него ни кола, ни двора, ни хлеба, ни приюта. Собрал наш поп все ключи церковные, увидел икону Николы, с горя ударил его по плечи ключами и пошел из своего прихода, куда глаза глядят. Шел он путем-дорогой. Вдруг палея ему на стрету" незнакомый человек. «Здравствуй добрый человек!» — сказал он попу. «Куда идешь и откуда? Возьми меня к себе в товарищи». Вот и пошли они вместе. Шли, шли они несколько верст, приустиали; пора отдохнуть. У попа было в рясе немного сухариков, а у принятого товарища две просвирки. Поп говорит ему: «Давай съедим прежде твои просвирки, а там примемся и за сухари», — «Ладно, — говорит ему незнамый, — съедим просвирки мои, а твои сухари оставим на после. Вот они ели-ели просвирки; оба наелись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семка, — думает он, — я у него украду их». Стари-

чок после обеда лег отдохнуть, а поп все смекает, как бы украсть у него просвирки? Заснул старичок. Поп стянул у него из кармана просвирки; сидит да ест втихомолку. Проагулся старичок, хватился просвинок своих — нету их! «Где мои просвирки? — вскричал он, — кто съел их? Ты поп?» — «Нет, право, не я», — сказал ему поп. «Ну ладно».

Вот встряхнулись они, пошли опять путем-дорогой. Идут, идут; вдруг дорога рассекается на две росстани". Вот они пошли оба в одну сторону. Дошли до какого-то царства. В этом царстве у царя была дочь при смерти, и царь объявил, что кто вылечит его дочь, тому полжитья-полбытья-полцарства, а не вылечит — голова с плеч, на тычинку повесят. Вот они пришли; против царского дворца палируются, дохтурами называются. Выходили из царского дворца слуги и спрашивали их: «Что вы за люди? Из каких родов, из каких городов? Что вам надоть?» — «Мы, — говорят они, — дохтуры; можем царевну вылечить». — «Ну, коли дохтуры, заходите в палату».

Вот они вошли в палату, поглядели царевну, попросили у царя особой избы, обреза во-

ды, вострой сабли, большого стола. Царь все это дал им. Заперлись они в особую избу, клали царевну на большой стол, рассекали ее вострой саблей на мелкие части, кидали в обрез с водой, мыли, полоскали; потом стали складывать штука к штуке; как старичок дунет, так штука со штукой и склеиваются. Склал он все штуки как надоть, в последний раз дунул — царевна встрепенулась и встала, жива и здрава. Приходит сам царь к избе ихней и говорит: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» — «Аминь!» — отвечают ему. «Вылечили-ль царевну?» — спрашивает царь. — «Вылечили, — говорят дохтуры, — вот она!» Царевна вышла к царю жива и здрава. Царь говорит дохтурам: «Что хотите вы от добра? Злата ли, серебра ли? Берите». Вот они начали брать злато и серебро; старичок берет пясточкой", а поп горсточкой и все кладет в сумку свою; покладет, покладет, да поприздымает": заберет ли его могута"". Потом они распростились с царем и пошли. Старичок говорит попу: «Эти мы деньги в землю складам, а сами опять лечить пойдём». Вот они шли, шли; дошли опять до другого царства. В этом царстве

у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявил, что кто вылечит его дочь, тому полжитья-полбытья-полцарства, а не вылечит — голова с плеч, на тычинку повесят. Вот они пришли; против царского дворца полируются, дохтурами называются... (Повторяется слово в слово тот же рассказ об излечении царевны.)

Приходят они опять в третье царство, в котором тоже царевна при смерти, и царь обещал тому, кто ее вылечит, полжитья-полбытья-полцарства, а не вылечит — голова с плеч, на тычинку повесят. Завидного попа мучит лукавый: как бы не сказать старичку, а вылечить одному, серебро и золото захватить одному бы? Против царских ворот ходит поп, полируется, дохтуром называется. Таким же образом просит у царя особой избы, обреза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся он в особую избу, клал царевну на стол, рубил вострой саблей, и как царевна ни крычала, как ни визжала, поп, не глядя ни на крик ни на визг, знай рубит да рубит, словно говядину. Разрубил он ее на мелкие части, скидал в обрез, мыл, полоскал, склал штука к штуке,

так же, как делал старичок; глядит, как будут склеиваться все штуки. Как дунет — так нет ничего! Опять дунет — хуже того! Вот поп ну опять складывать штуки в воду; мыл-мыл, полоскал-полоскал, и опять приложил штука к штуке; дунет — все нет ничего! «Ахти мнѣциньки! — думает поп, — беда!» Поутру приходит царь и видит: никаких нет успехов у дохтура; все тело смешал с дрянью. Царь велел дохтура в петлю. Взмолился наш поп: «Царь, вольной человек! Оставь меня на мало время: я сбегая за старичком, он вылечит царевну». Побег поп старичка искать; нашел старичка, и говорит: «Старичок! Виноват я окаянный; попутал меня бес — хотел я один вылечить у царя дочь, да не мог; хотят меня вешать. Помоги мне!» Пошел старичок с попом. Повели попа в петлю. Старичок говорит попу: «Поп, а кто съел мои просвирки?» — «Право, не я, ей Богу, не я!» Взвели его на другую ступеньку. Старичок говорит попу: «Поп, а кто съел мои просвирки?» — «Право, не я, ей Богу, не я! Взвели на третью, опять: не я! Сейчас голову в петлю, и все: не я! Ну, нечего делать! Старичок говорит царю: «Царь, вольной

человек! Позволь мне царевну вылечить; а если не вылечу, вели вешать другую петлю: мне петля и попу петля!» Вот старичок клал куски тела царевнина штука к штуке, дунул — и царевна встала жива и здрава. Царь наградил их обоих серебром и золотом. «Пойдем же, поп, деньги делить», — сказал старик. Пошли. Склали все деньги на три кучки. Поп глядит: «Как же! Нас двое, кому же третья-то часть?»

Вариант: «Ну вперед же не бей ключами Николу-угодника; вот как прошиб ты мне голу!»

«А это тому, — сказал старичок, — кто съел у меня просвирки. «Я съел, старичок! — вскричал поп, — право я, ей Богу я!» — «Ну, на тебе и деньги, да возьми и мои. Огужи верно и своем приходе, не жадничай, да не бей ключами Николу по плешу», — сказал старичок и вдруг стал невидим". (Записана в Шенкурском уезде Архангельского губернии г. Н. Борисовым.)

Примечания

В собрании народных сказок В. И. Даля находится еще следующий список этой интересной легенды:

Жил-был поп; приход у него был большой и богатый, набрал он много денег и понес прятать в церковь; пришел туда, поднял половицу и спрятал. Только пономарь и подсмотри это; вынул потихоньку поповские деньги и забрал себе все до единой копейки, прошло с неделю; захотелось попу посмотреть на свое добро, пошел в церковь, приподнял половицу, глядь — а денег-то нету! Ударился поп в большую печаль; с горя и домой не воротился, а пустился странствовать по белу свету — куда глаза глядят.

Вот шел он, шел, и повстречал Николу-угодника; в то время еще святые отцы по земле ходили и всякие болезни исцеляли. «Здра(в)ствуй, старче!» — говорит поп. «Здравствуй! Куда Бог несет?» — «Иду, куда глаза глядят!» — «Пойдем вместе». — «А ты кто таков?» — «Я Божий странник». — «Ну, пойдем».

Пошли вместе по одной дороге; идут день, идут и другой; все приели, что у них было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка; поп утащил ее ночью и съел. «Не взял ли ты мою просвирку?» — спрашивает поутру Никола-угодник у попа. «Нет,— говорит,— я ее и в глаза не видал!» — «Ой, взял! — Признайся, брат». Поп заклился, забожился, что не брал просвиры.

«Пойдем теперь в эту сторону,— сказал Никола-угодник,— там есть барин, три года беснуется, и никто не может его вылечить; возьмемся-ка мы лечить». — «Что я за лекарь! — отвечает поп,— я этого дела не знаю». — «Ничего, я знаю. Ты ступай за мной, — что я буду говорить — то и ты говори».

Вот пришли они к барину. «Что вы за люди?» — спрашивают их. «Мы знахари,— отвечает Никола-угодник. «Мы знахари»,— повторяет за ним поп. «Умеете лечить?» — «Умеем»,— говорит Никола-угодник. «Умеем»,— повторяет поп. «Ну, лечите барина». Никола-угодник приказал истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню и привели туда больного. Говорит Никола-угод-

ник попу: «Руби ему правую руку». — «На что рубить?» — «Не твое дело! Руби прочь». Поп отрубил барину правую руку. «Руби теперь левую ногу». Поп отрубил и левую ногу. «Клади в котел и мешай». Поп положил в котел и давай мешать. Тем временем посылает барыня своего слугу: «Поди, посмотри, что там над бариним делается?» Слуга сбегал в баню, посмотрел и докладывает, что знахари разрубили барина на части и варят в котле. Тут барыня крепко осерчала, приказала поставить виселицу и долго не мешкая, повесить обоих знахарей. Поставили виселицу и повели их вешать. Испугался поп, божится, что он никогда не бывал знахарем и за лечение не брался, а виноват во всем один его товарищ. «Кто вас разберет! Вы вместе лечили». — «Послушай, — говорит попу Никола-угодник, — последний час твой приходит, скажи перед смертью, ведь ты украл у меня просвиру?» — «Нет, — уверяет поп, — я ее не брал». — «Так-таки и не брал?» — «Ей-Богу не брал!» — «Пусть будет по-твоему». — «Постойте, — говорит слугам, — вон идет ваш барин». Слуги оглянулись и видят: точно идет барин, и совершенно здоро-

вой. Барыня тому обрадовалась, наградила лекарей деньгами и отпустила на все на четыре стороны.

Вот они шли-шли и очутились в другом государстве; видят — по всей стране печаль великая, и узнают, что у тамошнего царя дочь беснуется. «Пойдем царевну лечить», — говорит поп. «Нет, брат, царевны не вылечишь». — «Ничего, я стану лечить, а ты ступай за мной, что я буду говорить — то и ты говори». Пришли во дворец. «Что вы за люди?» — спрашивает стража. «Мы знахари, — говорит поп, — хотим царевну лечить». Доложили царю; царь позвал их перед себя и спрашивает: «Точно ли вы знахари?» — «Точно знахари», — отвечает поп. «Знахари», — повторяет за ним Никола-угодник «И беретесь царевну вылечить?» — «Беремся», — отвечает поп. «Беремся», — повторяет Никола-угодник «Ну, лечите».

Заставил поп истопить баню и привести туда царевну. Как сказал он, так и сделали: привели царевну в баню. «Руби, старик, ей правую руку», — говорит поп. Никола-угодник отрубил царевне правую руку. «Руби теперь

левую ногу». Отрубил и левую ногу. «Клади в котел и мешай». Положил в котел и принялся мешать. Посылает царь узнать, что случилось с царевною. Как доложили ему, что случилось с царевною, гневен и страшен сделался царь, в ту ж минуту приказал поставить виселицу и повесить обоих знахарей. Повели их на виселицу. «Смотри же,— говорит попу Никола-угодник,— теперь ты был лекарем, ты один и отвечай».— «Какой я лекарь!» — И стал сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старик всему злу затейщик, а он не причастен. «Что их разбирать! — сказал царь,— вешайте обоих». Взялись за попа за первого; вот уж петлю готовят. «Послушай,— говорит Никола-угодник,— скажи перед смертью: ведь ты украл просвиру?» — «Нет, ей-Богу не брал!» — «Признайся,— спрашивает,— коли признаешься — сейчас царевна встанет здоровою, и тебе ничего не будет». — «Ну, право же, не брал!» Уж надели на попа петлю и хотят подымать. «Постойте,— говорит Никола-угодник,— вон ваша царевна». Смотрят — идет она совсем здоровая, как ни в чем не бывал. Царь велел наградить зна-

харей из своей казны и отпустить с миром. Стали оделять их казною; поп набил себе полные карманы, а Никола угодник взял одну горсточку. Вот пошли они в путь-дорогу: шли-шли и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги,— говорит Никола-угодник,— посмотрим у кого больше». Сказал и высыпал свою горсть; начал высыпать и поп свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растет да растет, все растет да растет, а попова куча ни мало не прибавляется. Видит поп, что у него меньше денег, и говорит: «Давай делиться».— «Давай!» — отвечает Никола-угодник, и разделил деньги на три части: «Эта часть пусть будет моя, эта — твоя, а третья — тому, кто просвиру украл».— «Да ведь просвиру-то я украл»,— говорит поп. «Эка, какой ты жадной! Два раза вешать хотели — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу с тобой странствовать, возьми свое добро и ступай один, куда знаешь».

В некоторых деревнях эта самая легенда рассказывается с тою отменю, что вместо Николы-угодника странствует с попом сам Господь в образе старца.

В издании немецких сказок братьев Гримм подобная же легенда рассказывает о странствовании апостола Петра вместе с солдатом. Св. Петр исцеляет больных и воскрешает королевну: когда привели его к одру усопшей, он приказал принести котел воды и выслал из комнаты всех домашних. Тогда разнял он все члены умершей на составные части, побросал их в воду, развел под котлом огонь и стал варить, пока все мясо не отделилось от костей. Затем белые кости были вынуты на стол; апостол сложил их вместе в том порядке, какой назначен самою природою, и трижды сказал: «Восстань во имя всемогущей Троицы!» Королевна восстала живою, здоровою и прекрасною.

Как в русской легенде поп не признается, что съел просвиру, так в немецкой — солдат, что съел сердце жареного ягненка.

Превращение

Жиу адзин багаты чалаиек, други бедны; багаты — банкет", а бедны ниц (ничего) не меу. Приходзиць да багатого дзед и просицца на нач, дый каже: «Гаспадарок (хозяин), мой галубок! Ци пусьциу бы ты мене на нач?» Ион ниц не дау яму да й гордо отказау: «У мене, каже, пикали не начавали ни убогие, ни бедные, ни падарожные; дак и ты не будзеш начавац. Идзи тую хату, што небам накрыта; там заусиоды начуюць бедные, убогие и падарожные, то и ты там будзеш начаваць. Цебе там пусьцяць!» Старик каже: «Гаспадарок, мой галубок! Пакажы; гдзе тая хата, што небам пакрыта?» Гаспадар вышоу паказываць: «Да вон дзе тая хата небам пакрыта, гдзе начуюць бедные, убогие и падарожные; там и цебе пусьцяць». Дак дзед пагладзиу (погладил, гаспадара па галаве, и той гаспадар стау каниом.

Просицца дзед у бедного на нач и каже: «Гаспадарок, мой галубок! Пусьци мене на нач». — «Можно, дзедку! У мене начуюць убогие, бедные и падарожные». — «Кали, гаспада-

рок, я з каниом». Дак ион каже: «Дзедку! У мене поставиць нима гдзе, и сена нима, чого даць яму есць». Дзед каже: «Я б на дваре паставиу, кастрыци' падкинуу, дак и будзе есць!» Дак бедны павиоу каня и паставиу на дваре, а дзед пашоу сам у хату. На заутра, як дзед адхадзиу каже: «Дарую я табе гэтого каня на твае сирацтво". Гаспадар зачау яму дзякаваць", и каже да жонки: «Жонко! Возьмиом и вывазим хату». И вывазили хату"".

Апяць прышоу дзед на нач, дак той гаспадар не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узяу изноу погладзиу того каня па галаве, и стау ион человеком; а бедны без каня зноу зробиуся бедным. (Записана в Новогрудском уезде Гродненской губернии старшим учителем Новогрудского дворянского училища М. Дмитриевым.)

Пиво и хлеб

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатой крестьянин; много у него было и денег, и хлеба. И давал он по всей деревне бедным мужичкам займы: деньги давал из процентов, а коли даст хлеба, то весь сполна возврати на лето, да сверх того за каждый четверик два дня ему проработай на поле.

Вот раз случилось: подходит храмовой праздник, и стали мужички варить к празднику пиво; только в этой самой деревне был один мужик, да такой бедной, что скудней его во всем околотке не было. Сидит он вечером, накануне праздника, в своей избенке с женою и думает: «Что делать? Люди добрые станут гулять, веселиться; а у нас в доме нет ни куска хлеба! Пошел бы к богачу попросить в долг, да ведь не поверит; да и что с меня, горемычного, взять после?» Подумал-подумал, приподнялся с лавки, стал перед образом и вздохнул тяжелехонько. «Господи! — говорит, — прости меня грешного; и масла-то купить не на что, чтоб лампадку перед иконою

затеплить к празднику!» Вот немного погодя приходит к нему в избушку старец: «Здравствуй, хозяин!» — «Здорово, старичок!» — «Нельзя ль у тебя переночевать?» — «Для чего нельзя! Ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нет ни куска в доме, и покормить тебя нечем. «Ничего, хозяин! У меня есть с собой три кусочка хлебушка, а ты дай ковшик водицы: вот я хлебцем-то закушу, а водицей прихлебну — тем сыт и буду». Сел старик на лавку и говорит: «Что, хозяин, так приуныл? О чем запечалился?» — «Эх, старина! — отвечает хозяин,— как не тужить мне? Вот дал Бог — дождались мы праздника, люди добрые станут радоваться да веселиться, а у нас с женою хоть шаром покати, — кругом пусто! — «Ну, что ж! — говорит старик,— пойди к богатому мужику, да попроси у него в долг что надо». — «Нет, не пойду: все равно не даст!» — «Ступай, — пристает старик,— иди смело и проси у него четверик солоду; мы с тобой пива наварим», — «Э, старичок! Тетерича поздно; когда тут пиво варить? Вить праздник-то завтра. Уж я тебе сказываю: «Ступай к богатому мужику и проси четверик солоду; он тебе

сразу даст! Небошь, не откажет! Л завтра к обеду такое пиво у нас будет, какого во всей деревне никогда не бывало!»

Нечего делать, собрался бедняк, взял мешок под мышку и пошел к богатому. Приходит к нему в избу, кланяется, величает по имени и отчеству и просит в заем четверик солоду: хочу де к празднику пива сварить. «Что ж ты прежде-та думал! — говорит ему богатой. «Когда теперича варить? Вить до праздника всего-навсего одна ночь осталась». — «Ничего, родимой!» — отвечает бедной, коли милость твоя будет, мы как-нибудь сварим себе с женою, будем вдвоем пить да величать праздник». Богатой набрал ему четверик солоду и насыпал в мешок; бедной поднял мешок на плечи и понес домой. Воротился и рассказал, как и что было. «Ну, хозяин! — молвил старик, — будет и у тебя праздник. А что есть ли на твоём дворе колодезь?» — «Есть, — говорит мужик». — «Ну, вот мы в твоём колодезе и наварим пива; бери мешок да ступай за мною». Вышли они на двор и прямо к колодезю. «Высыпай-ка сюда!» — говорит старик. «Как можно такое добро в коло-

дезь сыпать! — отвечает хозяин, — только один четверик и есть, да и тот задаром должен пропасть! Хорошего ничего мы не сделаем, только воду смутим». «Слушай меня, все хорошо будет!» Что делать, вывалил хозяин в колодезь весь свой солод. «Ну, — сказал старец, — была вода в колодезе, сделайся за ночь пивом!.. Теперь, хозяин, пойдем в избу да ляжем спать, — утро мудренее вечера; а завтра к обеду поспеет такое пиво, что с одного стакана пьян будешь».

Вот дождались утра; подходит время к обе-ду, старик и говорит: «Ну, хозяин! Теперича доставай ты побольше ушатов, станови кругом колодезя и наливай пивом полнехоньки, да и зови всех, кого ни завидишь, пить пиво похмельное». Бросился мужик по соседям. «На что тебе ушаты понадобились?» — спрашивают его. «Очень, говорит, нужно; не во что пива сливать». Вздивовались соседи: «Что такое значит! Не с ума ли он спятил? Куска хлеба нет в доме, а еще о пиве хлопочет!» Вот хорошо, набрал мужик ушатов двадцать, поставил кругом колодезя и стал наливать — и такое сделалось пиво, что ни вздумать, ни вз-

гадать, только в сказке сказать! Налил все ушаты полным-полнехоньки, а в колодезе словно ничего не ubyло. И стал он кричать, гостей на двор зазывать: «Эй, православные! Пожалуйте ко мне пить пиво похмельное; вот пиво — так пиво!»

Смотрит народ, что за диво такое? Вишь налил из колодезя воды, а зовет на пиво; дай-ка зайдем посмотрим, на каку это хитрость он поднялся? Вот повалили мужики к ушатам, стали черпать ковшиком, пиво пробовать, очень показалоcь им это пиво: «Отродясь де такого не пивали!»

И нашло народу полон двор. А хозяин не жалеет, знай себе черпает из колодезя да всех сплошь и угощает. Услыхал про то богатой мужик, пришел к бедному на двор, попробовал пива, и зачал просить бедного: «Научи де меня, какой хитростью сотворил ты эдакое пиво?» — «Да тут нет никакой хитрости,— отвечал бедной,— дело самое простое, как принес я от тебя четверик солоду, так прямо и высыпал его в колодезь: была де вода, сделайся за ночь пивом!» — «Ну, хорошо же! — думает богатой,— только ворочусь домой, так и сде-

лаю». Вот приходит он домой и приказывает своим работникам таскать из амбара самой что ни есть лучший солод и сыпать в колодезь. Как взялись работники таскать из амбара, и вперли в колодезь кулей десять солоду. «Ну,— думает богатой,— пиво-то у меня будет получше, чем у бедного!»

Вот на другое утро вышел богатой на двор и поскорей к колодезю, почерпнул и смотрит; как была вода — так и есть вода! Только мутнее стала. «Что такое! Должно быть, мало сододу положили; надо прибавить»,— думает богатой и велел своим работникам еще кулей пять ввалить в колодезь. Высыпали они и в другой раз; не тут-то было, ничего не помогает! Весь солод задаром пропал. Да как прошел праздник, и у бедного осталась в колодезе только сущая вода; пива все равно как не бывало.

Опять приходит старец к бедному мужику и спрашивает: «Послушай, хозяин! Сеял ли ты хлеб-ат нынешним годом?» — «Нет, дедушка, ни зерна не сеял!» — «Ну ступай же теперича опять к богатому мужику и проси у него по четверику всякого хлеба; мы с тобой поедем

на поле да и посеем». — «Как теперича сеять? — отвечает бедной, — ведь на дворе зима трескучая!» — «Не твоя забота! Делай, что приказываю. Наварил тебе пива, насею и хлеба!»

Собрался бедной, пошел опять к богатому и выпросил у него в долг по четверику всякого зерна. Воротился и говорит старику: «Все готово, дедушка!» Вот вышли они на поле, разыскали по приметам мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по белому снегу. Все разбросали. «Теперича, — сказал старик бедному, — ступай домой и дожидай лета: будешь и ты с хлебом!» Только пришел бедной мужик в свою деревню, как проведали про него все крестьяне, что он середь зимы хлеб сеял; смеются на него — да и только: «Эка он, сердечной, хватился, когда сеять! Осенью, небось, не догадался!» Ну, хорошо; дождались весны, сделалась теплынь, снега растаяли, и пошли зеленые всходы. «Дай-ка, — вздумал бедной, — пойду, посмотрю, что на моей земле делается». Приходит на свою полосу, смотрит, а там такие всходы, что душа не нарадуется! На чужих десятинах и вполовину не так хоро-

ши. «Слава Тебе, Господи! — говорит мужик, — теперича и я поправлюсь».

Вот пришло время жатвы; начали добрые люди убирать с поля хлеб. Собрался и бедной, хлопочет со своею женою и никак не сможет управиться; принужден созывать к себе на жнитво рабочий народ и отдавать свой хлеб из половины. Дивуются все мужики бедному: земли он не пахал, сеял середь зимы, а хлеб у него вырос такой славной. Управился бедной мужик и зажил себе без нужды; коли что надо по хозяйству — поедет он в город, продаст хлеба четверть, другую, и купит, что знает; а долг свой богатому мужику сполна заплатил. Вот богатой и думает: «Дай-ка и я зимой посею; авось и на моей полосе уродится такой же славной хлеб». Дождался того самого дня, в который сеял бедной мужик прошлым годом, навалил в сани несколько четвертей разного хлеба, выехал в поле и давай сеять по снегу. Засеял все поле; только поднялась к ночи погода, подули сильные ветры и свеяли с его земли все зерно на чужие полосы. Вот и весна красна; пошел богатой на поле и видит: пусто и голо на его земле, ни одного всхода не

видать, а возле, на чужих полосах, где ни пахано, ни сеяно, поднялись такие зелены, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! Много издержал я на семена — все нет толку; а вот у моих должников ни пахано, ни сеяно — а хлеб сам собой растет! Должно быть, я — великой грешник!» (Из собрания В. И. Давля.)

Христов братец

Один старик, умирая, завещал своему сыну, чтобы он не забывал нищих. Вот на Светлый день собрался он в церковь и взял с собой красных яиц христосоваться с нищей братией, хоть и крепко забранилась на него мать, а была она злая, к бедным немилостивая. В церкви недостало ему одного яйца: оставался еще один срамной нищий, и позвал его парень на дом к себе разговеться. Как увидела мать нищего, больно осерчала: «Лучше,— говорит,— с псом разговеться, нежели с таким срамным стариком!» — и не стала разговляться. Вот сын со стариком разговелись и пошли отдохнуть. И видит сын: на старике одежонка плохенькая, а крест как жар горит. «Давай,— говорит старец,— крестами меняться; будь ты мне брат крестовый!» — «Нет, брат!» — отвечает парень,— коли я захочу, так куплю себе эдакой крест, а тебе негде взять». Однако старик уговорил парня поменяться и позвал его к себе в гости во вторник на Святой. «А дорога,— говорит,— вон ступай по той дорожке; скажи только: благослови,

Господи! — так и дойдешь до меня».

Вот в самый вторник вышел парень на тропинку, сказал: «Благослови, Господи!» и пустился в путь-дорогу. Прошел немного — и слышит детские голоса: «Христов братец, скажи об нас Христу — долго ли нам мучиться?» Прошел еще немного — и видит: девицы из колодца в колодец воду переливают. «Христов братец,— говорят они ему,— скажи об нас Христу — долго ли нам мучиться?» Идет он дальше — и видит тын, а под тем тыном виднеются старики; всех илом занесло! И говорят они: «Христов братец, скажи об нас Христу — долго ли нам мучится?» Идет все дальше и дальше — и вот усмотрел того самого старца, с которым вместе он разговлялся. Старец у него спрашивает: «Не видал ли чего по дороге?» Парень рассказал ему все, как было. «Ну, узнал ли ты меня?» — говорит старец. И только тут узнал мужик, что это был сам Господь Иисус Христос. «За что ж, Господи, младенцы мучатся?» — «Их мать во чреве прокляла, им в рай и пройти нельзя!» — «А девицы?» — «Они молоком торговали, в молоко воду мешали; теперь весь век будут они

переливать воду!» — «А старики?» — «Как жили они на белом свете, так говорили: только бы на этом свете хорошо пожить, а на том все равно — хоть тын нами подпирай! Вот они весь век и будут стоять под тыном». Потом повел Христос мужика по раю и сказал, что тут и ему место уготовано (мужику и выйти оттуда не хотелось!). А после повел его к аду, и сидит в аду мать мужика; он и стал просить Христа: «Помилуй ее, Господи!» Повелел ему Христос свить наперед веревку из кострики. Мужик свил веревку из кострики: видно уж Господь так дал! Приносит к Христу. «Ну,— говорит он,— ты вил эту веревку тридцать лет, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее из ада». Сын кинул веревку к матери, а та сидит в смоле кипучей. Веревка не горит — так Бог дал. Сын совсем было вытащил свою мать, уж за голову ее схватил, да она как крикнет на него: «Ах ты, борзой кобель, совсем было удавил!» — веревка оборвалась, и полетела грешница опять в смолу кипучую. «Не хотела она,— сказал Христос,— и тут воздержать своего сердца: пусть же сидит в аду веки вечные!» (Доставлена от П. В. Киреевско-

го.)

Примечания. Варианты из собрания В. И. Даля.

А. Был-жил некий царь, ко всем ласковый, ак нищим милостивый. Раз на праздник Светлого Воскресения послал он своего слугу на перекресток: «Кто ни пройдет — всякого проси со мной разговеться». Долго стоял слуга на перекрестке, не проходило ни одного странника; подождал еще немного, и видит: тащится нищий — весь в гнойных ранах. Взял его с собою и привел во дворец. Нищий поздравил царя и царицу с праздником, похристовался с ними и подошел было к царской матери, да она не захотела с ним христоваться, отвернулась и давай корить царя: «Что б тебе с ним подавиться! Нашел с кем разгавливаться... и еда-то на ум не пойдет!» — «Кушай одна матушка! Коли с нами не хочешь», — сказал царь и усадил нищего за стол; и сам сел с царицею, и все слуги сели, и разговелись вместе. После обеда уложил царь нищего на своей постели отдохнуть немножко. А там пришло время, стал нищий, про-

щаться и зовет царя к себе. в гости: я де за тобой коня пришлю. Царь дал ему свое царское слово.

На другой день, откуда ни возьмись славной конь, прибежал к самому дворцу, ударил в ворота копытами — ворота растворились, подошел к крыльцу и стал, как вкопанный. Царь сел на него и поехал, куда конь повез. Вот едет он путем-дорогою незнаемою и видит: бегают человек за пичужкою и никак не может поймать ее. «Царь,— говорит ему тот человек,— ты едешь до Господа Бога; спроси про меня грешного, долго ль мне мучиться?» Едет царь все дальше и дальше; вот стоит в поле изба, а в избе бегают человек из угла в угол и кричит: «Ох, тесно! Ох, тесно!» — «Сядь на лавку,— говорит ему царь,— и не будет тесно». — «Не могу; целый век так бегаю. Ты едешь до Господа Бога; спроси про меня грешного, долго ль мне мучиться?» Подъезжает царь к синему морю; стоит в воде человек по самые уста и кричит: «Ох, пить хочу! Ох, пить хочу!» — «Что кричишь? — спрашивает царь.— Раскрой уста — вода сама побежит в рот». — «Нет,— отвечает,— вода мне не дается,

она прочь побежит. Ты вот едешь до Господа Бога; помяни ему про меня грешного»".

Переехал царь море — и встречает его тот самый нищий, что с ним разгавливался; «Милости просим в родительский дом!» — говорит царю, и повел его в золотой дворец, из золотого дворца в сады райские. Привел в один сад. «Вот здесь,— говорит,— тебе место уготовано — за то, что странных принимаешь, алчущих питаешь и жаждущих напоешь». Привел в другой сад: «Вот здесь твоей царице уготовано место — за то, что тебя на истинный путь наставляет и нищую братию не покидает». Привел к третьему месту, где смола кипит и червь шипит: «А здесь,— говорит,— уготовано место твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палец». Царь всунул палец в кипучую смолу — и он в тоже мгновение отпал от руки. «Вот твой палец, возьми его с собою, и ступай с миром домой». Тут царь припомнил и рассказал все, что видел по дороге. Отвечал ему Господь: «Видел ты, как гоняет человек за пичужкою — то гоняет он за своим грехом; другой бегаёт из угла в угол — за то, что не обогревал и не покоил странников, и

через него многие зимой перемерзли; третий стоит в воде по самые уста, а напиться не может — за то, что сам не поил жаждущих»".

Воротился царь домой, и показалось ему, что был он в раю всего три часа, а пробыл там не три часа, а три года. Рассказал он обо всем царице и матери, вынул свой отвалившийся палец, и только приставил к прежнему месту — как он тотчас прирос, будто век не отпал. Тут мать покаялась: «Сын мой возлюбленный! Прости меня грешную: твое похождение дороже моего рождения». (Записана в Саратовской губернии?)

В. Был-жил купец с купчихою — оба скупы и к нищим немилостивы. Был у них сын, и задумали они его женить. Сосватали невесту и сыграли свадьбу. «Послушай, друг! — говорила молодая мужу.— От свадьбы нашей осталось много напеченного и наваренного; прикажи все это скласть на воз и развезти по бедным; пусть кушают за наше здоровье». Купеческий сын сейчас позвал приказчика, и все, что от пира осталось, велел раздать нищим. Как узнали про то отец и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «Эдак, пожалуй, раз-

дадут все имение!» — и прогнали их из дому. Пошел сын со своей женой, куда глаза глядят. Шли, шли, и приходят в густой темный лес. Набредли на хижину — стоит пустая — и остались в ней жить.

Прошло время немалое, наступил Великий пост; вот уже и пост подходит к концу. «Жена! — говорит купеческий сын. — Я пойду в лес, не удастся ли застрелить какой птицы, чтоб было чем на праздник разговеться». — «Ступай!» — говорит жена. Долго ходил он по лесу, не видал ни одной птицы; стал воротиться домой и увидел — лежит человеческая голова, вся в червях. Взял он эту голову, положил в сумку и принес к жене. Она тотчас обмыла ее, очистила и положила в угол под образа.

Ночью под самый праздник засветили они перед иконами восковую свечу и начали Богу молиться, а как настало время быть заутрене, подошел купеческий сын к жене и говорит: «Христос Воскрес!» Жена отвечает: «Воистину Воскрес!» И голова отвечает: «Воистину Воскрес!» Говорит он и в другой, и в третий раз: «Христос Воскрес!» — и отвечает ему голова:

«Воистину Воскрес!» Смотрит он со страхом и трепетом: оборотилась голова седым старцем. И говорит ему старец: «Будь ты моим меньшим братом. Приезжай ко мне завтра, я пришлю за тобой крылатого коня». Сказал и исчез.

На другой день стоит перед хижинкой крылатый конь. «Это брат за мной прислал»,— говорит купеческий сын, сел на коня и пустился в дорогу. Приехал, и встречает его старец. «Гуляй у меня по всем садам,— сказал он,— ходи по всем горницам; только не ходи в эту, что печатью запечатана». Вот купеческий сын ходил-гулял по всем садам, по всем горницам; подошел, наконец, к той, что печатью запечатана, и не вытерпел: «Дай посмотрю, что там такое?» Отворил дверь и вошел; смотрит — стоят два котла кипучие; заглянул в один, а в котле сидит отец его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватил его сын за бороду и стал вытаскивать; но, сколько ни силился, не мог вытащить; только борода в руках осталась. Заглянул в другой котел, а там мать его мучится. Жалко ему стало, схватил ее за косу и давай тащить; но опять, сколько ни силился,

ничего не сделал; только коса в руках осталась. И узнал он тогда, что то не старец, а сам Господь назвал его меньшим братом. Воротился он к нему, пал к стопам и молил о прощении, что нарушил заповедь и побывал в запретной комнате. Господь простил его и отпустил назад на крылатом коне. Воротился домой купеческий сын, а жена и говорит ему: «Что так долго гостил у брата?»— «Как долго! Всего одни сутки пробыл».— «Не одни сутки, а целых три года!» С тех пор они еще милосерднее стали к нищей братии.

С. В одном селе жил мужик; у него был сын — доброй да набожной. Раз отпросился он у отца и отправился на богомолье. Шел-шел, и пришел к избушке, а в той избушке стоит старичок на коленях и Богу молится. Усмотрел его старец и спрашивает: «Кто ты таков и куда путь держишь?» — «Крестьянской сын, иду на богомолье».— «Иди сюда, давай вместе молиться». Стали они рядом перед святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старец и говорит: «Давай теперь побратаемся». Побратались они; распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сын домой, отец вздумал женить его; сосватал невесту и велит под венец идти. «Батюшка,— говорит крестьянской сын,— позволь мне весь век свой Богу служить; я жениться не хочу». Отец и слышать того не хочет: «Ступай, да и ступай под венец». Вот он подумал-подумал и ушел из родительского дому. Идет путем-дорогою, а навстречу ему тот самой старец, с которым он побратался. Взял его за руку и привел к себе в сад. И показалось крестьянскому сыну, что побыл он здесь только три минуточки, а был он в саду не три минуточки, а триста годов. Как воротился в свое село, смотрит — и церковь уже не та, и люди другие. Стал спрашивать у священника; где же прежняя церковь и где такие-то люди? «Этого я не запомню»,— говорит священник «Где же та невеста, от которой жених из-под венца ушел?» Справился священник по книгам и сказывает. «Это уж давным-давно было, назад тому триста лет». Потом расспросил он крестьянского сына, кто он таков и откуда явился, а как узнал обо всем, велел причетникам обедню служить: «Это,— говорит,— меньшей брат Христов!»

Стала обедня отходить, начал крестьянской сын умаляться. Окончилась обедня—и его не стало. (Записана в Зубцовском уезде Тверской губернии)

В приведенных нами легендах особенно любопытны указания на те мучения, которые ожидают грешников за гробом. Эти народные поверья запечатлены отчасти тем же вещественным характером, который так ярко отразился в лубочных картинах, изображающих Страшный суд и смерть грешника. Неразвитый ум и огрубелое чувство простолюдина не в силах представить себе, чтобы муки душевные могли быть нестерпимее телесных, и он убежден, что за тяжкие грехи посадят его в котел с кипящею смолою, повесят за язык, ребро или за ногу, станут мучить на огненном ложе, бить раскаленными железными прутьями; верит, что клеветник и лгун будут по смерти лизать горячую сковороду, что на опойцах черти станут возить дрова и воду, что любодейницу будут сосать лютые змеи.

Поселяне рассказывают, что во время обмирания (летаргического сна) душа человека,

руководимая Николаем-угодником, странствует на том свете по аду и раю, видит там Своих родных и знакомых, обреченных на муку и страдание или блаженствующих в райских садах. Обмиравшая душа может передавать повесть своего странствия в назидание живущим; запрещается ей сказывать только три какие-то таинственные слова. Г. Кулиш собрал в одно целое несколько таких рассказов о хождении души по тому свету — рассказов, исполненных поэтических образов и некоторыми своими подробностями приближающихся к напечатанным нами легендам (Записки о южной Руси, т. I, с. 306—308).

Идемо, повествует обмиравшая старушка, коли ж гризутця два собаки над шляхом, так гризутця, так гризутця! А дид и каже: се не собаки, се два брати, що погризлись та й побились, идучй степом; то Бог и сказав: коли вже й ридни брати б'ютьця, те де ж буде те добро миж людьми? Нехай же, каже, стануть вони собаками и грызутця.

Идемо, аж ходять воли в такому спашу, що й риг невидно с трави, а сами худи, худи, як дошка. А биля их ходять воли по самий зем-

ли — ни травинки пид ногами нема, да жир аж по земли тилипаецця. От дид и каже: оце, що худии воли, то то багати люде, що жили сами в роскоши, а бидним не помагали; а ситии воли, то то бидни люде, що од свого рота одиймали та старцям из последнего давали. Отже вони тепер и сити й напоени, а тии по роги в спашу, та худи, як дошка.

Идемо, аж миж двома дубами горить у поломъи чоловик и кричить; ой, проби! «Укройте мене, бо замерзну! Ой укройте мене, бо замерзну!» Дид и каже: «Оде той чоловик, що просився до его зимою в хату подорожний, а на двори була метелиця та хуртовина, а вин не пустив, дак той и змерз пид тином. Оце ж тепер вин горить у поломи, а ему ще здаецця, що холодно, и терпить вин таку муку, як той подорожний терпив од морозу».

Идемо дальше, коли лежить чоловик коло криници; тече ему ривчак через рот, а вин кричит: «Проби! Дайте напиться! Проби! Дайте напиться!» Дид и каже: «Сей не дав чоловикови в жнива води напиться; жав вин на ниви, аж иде старчик дорогою, а жара велика, Спасивська. «Ой,— каже,— чоловиче добрий!

Дай, ради Христа, води напиться!» А вин ему: «Оце ж для тебе вивиз! Биллю на ниву, а не дам такому дармоиду, як ти!» То от, тепер ему ривчак через горло бижить, а вин ще пить просить, и до вику вичного буде ему так жарко да тяжко, як тому старцеви, що йшов дорогою»'.

Идемо, аж кипить у смоли жинка, а перед нею цибулька лежить. Дид и каже: «Се мучитця так мати вашого старого титаря Онисима, що було все старцеве годуе та бидним помогае, а николи жодной души не обидив и ни в одному слови не збрехав. Була вона богата, та скнара, що од ней нихто й хлиба куска не бачив. Ото раз полола вона цибулю, аж иде поуз дворье дид-старец. «Подари,— каже,— пани матко, ради Христа!» Вона вирвала стрилку: «Прийми,— каже,— старче Божий». Тилько ж од ней и бачили. От, як умерла... взяли ии небогу та й потягли в пекло.

Егорий Храбрый

*Как в городе, во Иерусалиме,
При царе было, при Федоре,
При царице было, при Софее,
Породила она Федору три дочери,
Еще четвертого Егория Харабро-
го.*

*Выходит из той земли, из жидов-
ские,
Жидовские, басурманские,
Царица Мартемьяница.
Полонил он у Федора три дочери,
Еще четвертого Егория Харабро-
го.*

*Злодей-царица Мартемьяница
Святому Егорию глаголет:
— Ох ты гой еси, Егорий Харабрый
свети!*

*Ты не веруй самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному;
А ты веруй сатане врагу со диаво-
лом».*

*Святой Егорий глоголует:
«Я не верую сатане-врагу,
Сатане-врагу со диаволом;
А я верую самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесно-*

му!»

Злодей царица Мартемьяница
На святого Егория осержается,
На святое тело опалается,
На святое тело на Егорьево:
Повелел Егория в топоры рубить.
Не добре Егория топоры берут,
У топоров лезвья посломалися
От святого тела Егорева.

Злодей-царица Мартемьяница
Святому Егорию глоголует:
«Ох, ты гой еси, Егорий Харабрый
свет!

Ты не веруй самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному;
А ты веруй сатане-врагу,
Сатане-врагу со диаволом».
Святой Егорий глоголует:
«Я не верую сатане-врагу,
Сатане-врагу со диаволом;
А я верую самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесно-
му!»

Злодей-царица Мартемьяница
На святого Егория осержается,
На святое тело опалается,
На святое тело на Егорьево:
Повелел Егория во смоле варить.

Не добре Егория смола берет,
И поверх смолы Егорий плавает,
Сам стихи поет херувимские,
Он гласы гласит все евангельские.
Злодей-царица Мартемьяница
На святого Егория осержается,
На святое тело опалается,
На святое тело на Егорьево:
Повелел Егория во пылы пилить.
Не добре Егория пылы берут,
У пил зубья поломалися
От святого тела от Егорьева.
Злодей-царица Мартемьяница
На святого Егория осержается,
На святое тело опалается,
На святое тело на Егорьево:
Повелел Егорию сапоги ковать
железные,
Становить на плиты на чугу-
нья, на каленья.
Не добре Егория сапоги берут,
В сапогах стоит —
Сам стихи поет херувимские,
А гласы гласит все евангельские.
Злодей-царица Мартемьяница
Святому Егорию глаголует:
«Ох ты гой еси, Егорий Харабрый
свет!

Ты не веруй самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному;
А ты веруй сатане-врагу,
Сатане врагу со диаволом».
Святой Егорий глаголет:
«Я не верую сатане-врагу со диаволом,
А я верую самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному!»
Злодей-царица Мартемьяница
На святого Егория осержается,
На святое тело опалается,
На святое тело на Егорьево:
Повелел Егорию погребка копать,
Погребка копать ему глубокие —
Длины погреб сорок сажень,
Ширины погреб тридцать сажень,
Глубины погреб двадцать сажень;
Садил Егория во глубокий погреб,
А сам собака приговаривает:
«Не бывать Егорию на святой Руси,
Не видать Егорию солнца «фасного,
Не слышать Егорию будет звону колокольного,

Не слышать Егорию будет четья,
петья церковного!»

Защитил он щитом дубовым.
Задвигал он досками чу1унными,
Засыпал он песками рудожолты-
ми.

Как по Божиему повелению, по
Егорьеву умолению,
Подымались ветры буйные со свя-
той Руси,
Со святой Руси — погода и со вихо-
рем;

Разносили пески рудожелтые,
Раздвигали доски чугунные,
Разметали щиты все дубовые,
Выходит Егорий на святую Русь.
Идет во свой во Иерусалим-град.
Иерусалим-град — он пусть сто-
ит;

Одни церкви!.. И стоит одна
Церковь Божия соборная, бого-
мольная:

Во той во церкви его матушка,
Святая Софья премудрая,
На святые иконы Богу молится;
Молитва ее к Богу доносится.
Увидела она Егория Хараброго,
Называла милым чадом,

А сама говорит таково слово:
«Ох ты, гой еси, Егорий Харабрый
свет!

Ты бери себе коня сивого
Со двенадцати цепей железных,
Поезжай ты во чисто поле».

Святой Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Еще Егорий наезжаючи
На те леса на дремучие,—
Древо с деревом совивалось,
К сырой земли(е) приклонялось.

Не добре Егорию лъзя проехати,
Святой Егорий глаголет:

«Ох вы гой еси, леса темные,
Леса темные и дремучие!

Разойдитесь леса по всей земли,
Вы не веруйте сатане-врагу,
Сатане-врагу со диаволом:

А вы веруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесно-
му».

Разошлись леса по всей земли.

И еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
И еще Егорий наезжаючи
На те горы на высокие, на толку-
чие,—

*Гора с горою сойдется, не разо-
дется.*

*Не добре Егорию лъзя проехати,
Святой Егорий глоголует:
«Ох, вы гой еси, горы толкучие!
Разойдитесь горы по всей земли,
Вы не веруйте сатане-врагу,
Сатане врагу со Дьяволом;
Уж вы веруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесно-
му».*

*Разошлись горы по всей земли.
И еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
И еще Егорий наезжаючи
На то стадо на звериное, на змеи-
ное;*

*Не добре Егорию лъзя проехати,
Святой Егорий глаголует:
«Ох, вы гой еси, звери свирепые!
Разойдитесь звери по всей земли,
Вы не веруйте сатане-врагу,
Сатане-врагу со дьяволом;
А вы веруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесно-
му».*

*Разошлись звери по всей земли.
И еще Егорий поезжаючи,*

Святую веру утверждаячи,
И еще Егорий наезжаючи
На то стадо на змеиное,
На змеиное, на звериное,—
Пасут то стадо три пастыря,
Три милые сестры.
Не добре Егорию лъзя проехати;
Святой Егорий Хорабрый свет —
Слезает он со бела осла (коня?),
Берет он свое (с)кипетро вострое,
И побил он все стадо змеиное.
Все змеиное, все звериное;
А сам говорит таково слово:
«Ох вы гой еси, три пастыря.
Три милые сестры!
Вы подите во свой во Иерусалим-град
И купайтесь во Иордане-реке;
Набралися все вы духа нечистого,
Духа нечистого, босурманского».
И еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаячи,
И еще Егорий наезжаючи
На те ворота кесарийские, иерусалимские,-
На воротах сидит Остра-
фил-птица,
Во когтях держит осетра-рыбу.

За этим стихом в подлинном списке следуют еще два:

Строгал он во стружачи, во мелкие,
Обратилися стружачи — калены стрелы.
Не добре Егорию лъзя проехати.
Святой Егорий глаголует:
«Ох ты гой оси, матушка Остра-
фил-птица!
Ты не веруй сатане-врагу,
Сатане-врагу со диаволом;
А ты веруй самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному.
Полети ж ты, птица, на сини моря,
Пей и ешь повеленное,
Повеленное, благословенное,
И детей води на синем море».
И еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
И еще Егорий наезжаючи
На того злодея-царица Марте-
мьяница;
Увидел он собака Егория Харабро-
го,
Закричал он собака по звериному,
Засвистал он собака по змеино-

му.
Святой Егорий Харабрый свет —
Слезает он со бела осла,
Берет он свою палицу железную,
Поразил он тута царица Марте-
мьяница.
Потопила Егория кровь жидов-
ская,
Кровь жидовская, босурманская;
По колена во крове(и) стоит —
Святый Егорий глаголует:
«Ох ты гой еси, матушка сыра
земля!
Прими в себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую».
Раступилася матушка сыра зем-
ля
На две стороны, на четыре чет-
верти,
Пожрала в себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.
Живучи Егорий мучился на воль-
ном свете,
От грехов своих очистился.
Богу нашему слава ныне и присно
и во веки веков. Аминь.

(Из собрания В. И. Даля; записана в Соро-
кинской пристани, Екатеринбургского уезда,

Пермской губернии.)

Примечания. Варианты из собрания В. И. Даля

А. Не в чуждом царстве, а в нашем государстве было, родимый, времечко — ох-ох-ох! В то время было у нас много царей, много князей, и Бог весть кого слушаться; ссорились они промеж себя, дрались и кровь христианскую даром проливали. А тут набежал злой татарин, заполонил всю землю меццерскую, выстроил себе город Касимов, и начал он брать вьюниц (молодых женщин — Оп. обл. великор. слов.) и красных девиц себе в прислугу, обращал их в свою веру поганую, и заставлял их есть пищу нечистую, маханину (лошадиное мясо — *ibidem*). Горе, да и только; слез-то, слез-то, что было пролито! Все православные по лесам разбежались, поделали там себе землянки и жили с волками; храмы Божьи все были разорены, негде было и Богу помолиться.

И вот жил да был в нашей меццерской стороне добрый мужичок Антип, жена его Марья была такая красавица, что ни пером напи-

сать, только в сказке сказать. Были Антип с Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и дал им Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егорием; рос он не по дням, а по часам; разум-то у Егорья был не младенческой: бывало услышит какую молитву — и пропоет ее, да таким голосом, что ангелы на небесах радуются. Вот услышал схимник Ермоген об уме-разуме младенца Егория, выпросил его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отец с матерью, помолились и отпустили Егорья в науку.

А был в то время в Касимове хан какой-то Брагам, и прозвал его народ Змием-Горюнычем: так он был зол и хитер! Просто православным житья от него не было. Бывало, выедет на охоту — дикого зверя травить, никто не попадается, сейчас заколет; а молодиц да красных девиц тащит в свой город Касимов. Встретил раз он Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчас велел ее схватить и Тащить в город Касимов, а Антипа тут же предал злой смерти. Как узнал Егорий о несчастной доле родителей, горько заплакал

и стал усердно Богу молиться за мать за родную — и Господь услышал его молитву. Вот как подросток Егорий, вздумал он пойти в Касимов-град, чтоб избавить мать свою от злой неволи; взял благословенье от схимника и пустился в путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шел он, только приходит в палаты Брагимовы и видит: стоят злые нехристи и нещадно бьют мать его бедную. Повалился Егорий самому хану в ноги и стал просить за мать за родную; Брагам грозный хан закипел на него гневом, велел схватить и предать различным мучениям.

Егорий не устрасился и стал воссылать мольбы свои к Богу. Вот повелел хан пилить его пилами, рубить топорами; у пил зубья пошибались, у топоров лезвия выбивались. Повелел хан варить его в смоле кипучей, а святой Егорий поверх смолы плавает. Повелел хан посадить его в глубокий погреб; тридцать лет сидел там Егорий все Богу молился; и вот поднялась буря страшная, разнесли ветры все доски дубовые, все пески желтые, и вышел святой Егорий на вольный свет. Увидал — в поле стоит оседланный конь, а возле лежит

меч-кладенец, копьё острое. Вскочил Егорий на коня, приуправился и поехал в лес; повстречал здесь много волков и напустил их на Брагима-хана грозного. Волки с ним не сладили, и наскочил на него сам Егорий и заколол его острым копьём, а мать свою от злой неволи освободил.

А после того выстроил святой Егорий соборную церковь, завел монастырь, и сам захотел потрудиться Богу. И много пошло в тот монастырь православных, и создались вокруг него келий и посад, который и поныне слывет Егорьевским.

В.

*Егорий святой Богу молился
За мать за родную!
Великую он скорбь перенес
За мать за родную:
Его во пилы пилили,
В топоры рубили;
У пил зубья посшибались,
У топоров лезья (лезвия) до обух
выбивались,
И Егорью ничего не деялось!
Его во смоле варили,
В воде студеной топили.*

Егорий в воде не утонет,
Поверх смолы плавает!
Вырыли погреб глубокой,
Сажали в него Егория;
Досками дубовыми закрывали,
Гвоздями полужонными забивали,
Желтыми песками засыпали
За мать за родную!
Сидел тут Егорий
Тридцать два года;
Поднималась бурна погода —
Разнесли ветры желтые пески,
Разнесли ветры до единой доски!
И собрал Егорий дружину отбор-
ну,
И ехал Егорий в церковь соборну;
Тут мать его Богу молилась,
Слеза горяча потоком катилась.
«Поди, поди, Егорий! Сядь на коня,
приуправься!
Лютотого змия копьем порази,
Материнскую кровь отомсти».
«Стоит ли, мать, мое рождение
Всего моего похождения?»
«Вдвое стоит твое рождение
За меня претерпенна мучения!»
Сел Егорий на борза коня, приупра-
вился!

И наехал Егорий на леса валющи:
«Леса, леса, вы привстаньте!
Срублю я из вас церковь соборну,
Поставлю я в ней икону святую
За мать за родную».
Въехал Егорий могучий
В великой город толкучий,
И наехал на девок мудрены
Девицы, девицы, к вам речь я веду

Идите на Ердан на реку,
Воспримитесь, перекреститесь!»
Въехал Егорий в леса дремучи,
Встрелись Егорью волки приску-
чи,
Где волк, где два:
«Соберитесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшныя дра-
ки».
Наехал Егорий на стадо птиц:
«Птицы, синицы!
Летите вы на море,
На пир на кровавой».
Наехал Егорий на змия-горюна...
Но Егорий не ужасался,
Егорий не устраhalся,
Острым копьём змия заколол;

*Стаи птиц прилетали,
Змия-горюна клевали;
Сине море волной натекло,
Змия-горюна с собой унесло.*

(Оба варианта записаны в Егорьевском уезде Рязанской губернии.)

Народное предание о битве Георгия Храброго с драконом распространено во множестве сказаний почти у всех европейских народов; подвиг этот приписывается Георгию наравне со многими другими сказочными героями и нередко с одинаковою обстановкою и с совершенно тождественными подробностями.

Следующие затем стихи в рукописи совершенно искажены. Смысл тот: змий грызет мать Егория, и кровь потоком бежит из ран, Егорий напускает на змия волков прискучих, волки погибают.

Илья-пророк и Никола

Давно было; жил был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет, да и работать станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью-пророка и думать забыл.

Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николой полем этого самого мужика; идут они да смотрит — на ниве зеленыя стоят такие славные, что душа ни нарадуется. «Вот будет урожай, так урожай! — говорит Никола. Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной; Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...» —

«А вот посмотрим,— отвечал Илья,— еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать, да Ильин день почитать». Пospорили-пospорили и разошлись в разные стороны. Никола-угодник сейчас к мужику: «Продай, говорит, поскорее ильинскому батюшке весь свой хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом повыбьет». Бросился мужик к попу: «Не купишь ли, батюшка хлеба

на корню? Все поле продам; такая нужда в деньгах прилучилась, что вынь да положь! Купи, отец! Задешево отдам». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужик забрал деньги и пошел домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшным ливнем и градом разразилась над нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала — не оставила ни единой былинки. На другой день идет мимо Илья-пророк с Николою; и говорит Илья: «Посмотри, какво разорил я мужиково поле!» — «Мужиково? Нет, брат! Разорил ты хорошо, только это поле ильинского попа, а не мужиково». — «Как попа?» — «Да так; мужик — с неделю будет» — как продал его ильинскому батюшке и деньги все сполна получил. То-то, чай, поп по деньгам плачет!» — «Постой же, — сказал Илья-пророк, — я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего». Поговорили и поииги всякой своей дорогою. Никола-угодник опять к мужику: «Ступай, говорит, к попу, выкупай поле — в убытке не будешь. Пошел мужик к попу, кланяется и говорит: «Вижу, батюшка, послал Господь

Бог несчастье на тебя — все поле градом выбито, хоть шар покати! Так уж и быть, давай пополам грех: я беру назад свое поле, а тебе на бедность вот половина твоих денег». Поп обрадовался, и тотчас они по рукам ударили.

Меж тем — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; от старых корней пошли новые свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носятся над нивою и поят землю; чудный уродился хлеб — высокой да частой: сорной травы совсем не видать; а колос налился полной-полной, так и гнётся к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много наклал копен; уж собрался возить, да в скирды складывать. На чу пору идет опять мимо Ильи-пророк с Николою. Весело оглянул он все поле и говорит: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вот так наградил я попа, поvek свой не забудет...» — «Попа?! Нет, брат! Благодать-то велика, да ведь поле это — мужиково; поп тут ни при чем останется», — «Что ты!» — «Правое слово! Как выбило градом всю пину, мужик пошел к ильинскому батьке и выкупил ее назад за по-

ловинную цену». «Постой же! — сказал Илья-пророк, — я отниму у хлеба всю спорынью: сколько бы ни наклал мужик снопов, больше четверика за раз не вымолотит». — «Плохо дело!» — думает Никола-угодник; сейчас отправился к мужику. «Смотри, — говорит, — как станешь хлеб молотить, больше одного снопа за раз не клади на ток». Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все закрома, все клетки набил рожью, а все еще остается много; поставил он новые амбары и насыпал полнёхоньки. Вот идет как-то Илья-пророк с Николою мимо его двора, посмотрел туда-сюда и говорит: «Ишь, какие амбары вывел! Что-то насыпать в них станет?» — «Они уж полнёхоньки», — отвечает Никола-угодник. «Да откуда же взял мужик столько хлеба?» — «Эва! У него всякой сноп дал по четверику зерна; как зачал молотить, он все по одному снопу клал на ток». — «Э, брат Никола! догадался Илья-пророк; это все ты мужику пересказываешь». — «Ну, вот выдумал; стану я пересказывать...» — «Как там хочешь, а уж это твое дело! Ну, будет же меня мужик помнить!» — «Что ж ты ему сделаешь?» — «А что

сделаю, того тебе не скажу». — «Вот когда беда, так беда приходит! — думает Никола-угодник, и опять к мужику: купи, говорит, две свечи, большую да малую, и сделай то-то, и то-то.

Вот на другой день идут вместе Илья-пророк и Никола-угодник в виде странников, и попадается им навстречу мужик, — несет две восковые свечи — одну большую рублевую, а другую копеечную. «Куда, мужичек, путь держишь?» — спрашивает его Никола-угодник. «Да вот иду свечку рублевую поставить Илье-пророку; уж такой был милостивой ко мне! Градом поле выбило, так он батюшка постарался, да вдвое лучше прежнего дал урожай». — «А копеечная-то свеча на что?» — «Ну, эта Николе!» — сказал мужик и пошел дальше. «Вот ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь сам видишь, какая это правда!» На том дело и покончилось; смиловался Илья-пророк, перестал мужику бедою грозить; а мужик зажил припеваючи, и стал с той поры одинаково почитать и Ильин день и Николин день. (Записана со слов крестьянина Ярославской губернии)

Примечания

Разрушительная сила молнии и грома и плодотворная сила дождя, питающего земную растительность, в мире языческом приписывались у славян Перуну. Известно, что с принятием христианства многие из старинных представлений, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены им на некоторые лица ветхо- и новозаветных святых. Так на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значение древнего божества молнии и грома, которое представлялось разъезжающим по небу в колеснице на крылатых конях и разбивающим тучи своими огненными стрелами. Поселяне наши до сих пор представляют Илью пророка разъезжающим по небу в огненной колеснице; стук от его езды производит слышимый нами гром". На лубочной картине Илья-пророк изображается на колеснице, которая окружена со всех сторон пламенем и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненные. Лошадьми управляет ангел; Илья-пророк держит в руке меч. Под влиянием таких

верований создалась народная загадка, означающая «гром»: «Видано-невиданно, якого не кидано! То святы́й кидав, шоб було хороше ему проихати». В одном заговоре читаем: «На море на окиане, на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем. Над тучею туча взойдет, молния осияет, дождь пойдет».

Молнию народ считает за стрелу, кидаемую Ильею пророком в дьявола, который старается укрыться в животных и гадах; но и здесь находит его и поражает небесная стрела. От св. Ильи, по народному верованию, зависят росы, дожди, град и засуха; 20 июля, в день этого святого, ожидают грозы и дождя, который непременно должен пролиться в это число. Белорусская поговорка: «Илья надзел гнилья» — означает, что с Ильина дня идут обыкновенно дожди, от которых гниют хлеб и сено в поле'. На этот праздник не косят и не убирают сена, потому что в противном случае св. Илья убьет громом или сожжет накошенное сено молнией". Если град выбивает хлеб местами, то поселяне говорят: «Это Бог карает; он повелел Илье-пророку: когда ез-

дишь в колеснице, щади нивы тех, которые раздают хлеб бедным полною мерою; а которые жадны и не знают милосердия — у тех губи!» Илье-пророку приписывают урожаи, что видно из следующей припевки:

*Ходит Илья,
Носит пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне —
Жито росте.*

20 июля приготавливают хлеб из новой ржи и приносят в церковь".

Сербские песни также наделяют Илью-пророка молнией и громом; при разделе мира ему достались «мунье и стрийеле» (молния и стрелы), почему сербы и называют его громовником; он запирает облака и посылает за людские грехи засуху на землю. Те же верования связывают с Ильею-пророком и другие народы. Осетины даже приносят ему жертвы; об убитом молнией они говорят: Илья взял его к себе, и чествуют его труп. В некоторых местностях Илью-пророка представляют в мантии огненного цвета, с мечем, на острие которого горит пламя, и в красной шапке на

голове.

Такое присвоение грома, молнии и дождей Илье-пророку имеет в основании те аналогичные обстоятельства, которые окружают этого святого в ветхозаветных сказаниях. По свидетельству этих сказаний он был живой взят на небо в огненной колеснице, на огненных лошадях; во время своей земной жизни он чудесным образом произвел однажды засуху и пролил дождь. Церковная песнь молит его об отверстии неба и ниспослании дождя; иногда поселяне ставят на воротах чашку ржи и овса и просят священника провеличать Илью на плодородие хлеба.

В Новгороде в старину были две церкви: Ильи-Мокрого и Ильи-Сухого; в засуху совершался крестный ход к первой церкви с мольбами о дожде, а с просьбою о сухой и ясной погоде совершался крестный ход к церкви Ильи-Сухого".

Эти народные верования послужили источником, из которого создались некоторые сказания, живущие в устах простолюдинов, а между ними и напечатанная нами легенда об Илье-пророке и Николае-угоднике.

Касьян и Никола

Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги; а тут еще случилось осенью — так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить: «Помоги, родимой, воз вытащить!» — «Пооди ты! — сказал ему Касьян-угодник, — есть мне, когда с вами валяндаться!» Да и пошел своею дорогою. Немного спустя идет тут же Никола-угодник «Батюшка, — завопил опять мужик, — батюшка! Помоги мне воз вытащить». Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к Богу в рай. «Где ты был, Касьян-угодник?» — спросил Бог. «Я был на земле, — отвечал тот, — прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз; он просил меня. Помоги, говорит, воз вытащить; да я не стал марать райского платья». — «Ну, а ты где так выпачкался?» — спросил Бог у Николы-угодника. «Я был на земле; шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз», — отвечал Никола-угодник. «Слушай, Касьян! —

сказал тогда Бог,— не помог ты мужику — за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить — будут служить молебны два раза в год». С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе — два раза в год.

(Записана в Орловском уезде П. И. Якушкиным.)

Примечания

Это вторая легенда, в которой действующим лицом является святой Никола; в собрании В. И. Даля есть еще одно народное сказание об этом же угоднике. Вот оно.

В некоем царстве жил-был богатой мужик; жадность и скупость совсем одолели его: если кому и давал он в займы деньги, то всегда под заклад и за большие" проценты. В том же царстве жил-был бедной мужик; кроме жены да семерых детей ничего у него не было. Долго перебивался он кое-как и добывал себе и ребятишкам дневное пропитание; а там пришло такое время — хоть зубы на полку клади: три дня без еды сидел. Как быть? Чем семью

прокормить? Думал он, думал и решился пойти к богатому мужику и попросить займы денег. «Ах, ты дурачина! — закричал на него богатой. — Ну, с какими глазами пришел ты занимать деньги? Ну, можно ль тебе поверить? Что с тебя после взять!» — «Будь милостив, выручи из беды; не дай помереть голодною смертию, повек не забуду... Заработаю — с лихвою отдам». — «Отдам... Знаю, как вы отдаете». — «Право слово, отдам; вот тебе Никола порукою!» — отвечал бедной и показал на образ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчитал ему двадцать рублей: «Смотри же, — говорит, — непременно в срок заплати».

Бедняк взял деньги, пошел на базар, накупил хлеба и стал кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нет ни копейки. «Что делать? — думает он. — Пойду, попрошу отсрочки». Приходит к богатому и ну кланяться ему в землю: «Обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время». — «Чего ждатель-то? Пришел срок, и подавай денежки; небось умел брать!» — «Рад бы, отец родной, хоть сейчас заплатить, да верь совести — нечем!» — «Видно, с тобой, мошен-

ником, хорошо не сделаешься!» — сказал богатой мужик, — а надо будет за поруку приниматься».

Пришел домой, стал перед образом Николы-угодника и говорит: «Что ж ты не отдаешь за бедного денег? Ведь ты за него поручился». Икона ничего не отвечает. «Что же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тех пор, пока не заплатишь все до единой копейки». Снял образ со стены, положил на повозку и выехал со двора; лошадь пустил вперед, а сам идет за повозкою сзади, и все по образу кнутом стегает да приговаривает: «Отдай мои деньги! Отдай мои деньги!» Только едет он мимо гостиного двора; увидел его купеческой сын и стал спрашивать: «Что ты, безбожный, делаешь?» — «А то, что давал я займы одному мужику двадцать рублей, и этот образ был по нем порукою. Пришел срок отдавать деньги — у мужика нет ни полушки: вот и принялся я за поруку!» — «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мне образ». — «Изволь, брат! Мне еще лучше без хлопот!»

Взял купеческой сын образ, поставил в

лавке и засветил перед ним лампадку. Наутро явился к нему седой старик и стал наниматься вместо приказчика; купеческой сын подумал-подумал и взял его в лавку.

С той самой поры пошла у него такая торговля, что никак товаров не напасется: покупщики так и валят в лавку со всех сторон. Разбогател купеческой сын; построил два корабля, нагрузил их разными товарами и поехал со стариком в другое государство торг вести. А в том государстве на ту пору беда приключилась: злая ведьма испортила царевну — днем она лежит словно мертвая, а по ночам встает и людей поедает! Что тут делать? Положили ее в гроб, набили сверху крышку и вынесли в церковь. Царь повелел кликать клич по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы мог отчитать царевну? А кто ее отчитает, тот будет царским затем и получит в приданое половину царства. Кликнули клич; только никто не выискался, никто не берется за это дело хитрое. И говорит старик купеческому сыну: «Ступай к царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну». — «А как не сумею?» — «Не бойся! Бог поможет, и я на-

учу». Отправился купеческой сын к царю, объявил о себе; царь обрадовался и велел ему отчитывать.

В тот же самый день вечером пошел старик вместе с купеческим сыном в церковь, поставил около гроба налою и очертил круг; после того дал купеческому сыну книгу и приказывает: «Становись в этот круг, и что бы ни было, что бы тебе ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказал и ушел; остался в церкви один купеческой сын, стал в кругу перед налоем и принялся читать. Ровно в полночь сорвалась с гроба крышка; царевна встает и бросается прямо на купеческого сына; вот уже близко... но, сколько ни силится,— никак не может переступить проведенной черты. Бешено рвется она вперед, напускает разные страхи и грозит бедою; но купеческой сын не ужасается, стоит в кругу и все читает да читает. Стало светать, запели петухи — и в ту ж минуту грохнулась царевна наземь и сделалась совсем мертвою. Поутру рано посылает царь узнать: все ли благополучно? Приходят посланные; видят, что купеческой сын жив, и не могут нади-

виться, как он уцелел. Подняли они царевну, положили опять в гроб, заколотили крышку, воротились к царю и рассказали обо всем. На другую ночь было то же; а на третью купеческой сын отчитал царевну: вышла из нее вся нечисть; тут только переступила она черту и подошла к купеческому сыну, взяла его за руку, поцеловала в уста и сказала: «Будь ты моим мужем, а я — твоей женою». На том они и поладили, стали рядом перед местными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Как донесли об этом посланные царю, он сейчас же приказал обвенчать купеческого сына на царевне и дал ему в приданое половину своего государства.

В другом списке старик приходит наниматься к купеческому сыну уже в то время, когда он отправляется за море. «Куда тебе, старому, работать? Ведь ты ничего не осилишь», — говорит купеческий сын. «А вот увидишь: я хоть стар, да работаю: за десятерых молодых сойду», — «А что возьмешь?» — «Что заработаем, то пополам». — «Хорошо!» Приезжают они в другое государство; купеческой сын берется отчитывать царевну, а старик да-

ет ему три полена, чашку воды и научает, как и что делать. В полночь поднялась царица из гроба; купеческий сын бросил ей одно полено; она его проглотила. Бросил другое — и другое проглотила; бросил последнее — и с этим то же. «Ну,— говорит царица,— теперь я тебя съем!» — «Погоди,— отвечает купеческий сын,— дай прежде воды испить». Набрал в рот воды и брызнул в нее — царица вздрогнула и в ту же минуту исцелилась: порчу как рукой сняло. Купеческий сын женился на царице и воротился домой с большими богатствами. «Давай делиться»,— говорит старик. Купеческий сын вытащил все деньги и стал делить пополам. «Что ты с деньгами-то возишься? Мы с тобой привезли еще царицу. Давай и ее делить!» Взял старик острый меч и разрубил ее надвое. Опечалился купеческий сын и говорит: «Бог с тобой! За что ты ее убил?» — «Разве тебе жалко?» — спрашивает старик. Взял обе разрубленные части, сложил вместе, дунул — и царица тотчас встала живою и сделалась вдвое лучше прежнего. «Вот твоя жена! Живи с нею по-Божьему»,— сказал старик и исчез. И то был не простой старик,

то был сам Никола, угодник Божий.

Золотое стремя

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один цыган, была у него жена и семеро детей', и дожил он до того, что ни есть, ни пить нечего — нет ни куска хлеба! Работать-то он ленится, а воровать боится; что делать? Вот вышел цыган на дорогу и стоит в раздумье. На ту пору едет Егорий Храбрый". «Здорово! — говорит цыган,— куда едешь?» — «К Богу». — «Зачем?» — «За приказом: чем кому жить, чем промышлять». — «Доложи и про меня Господу,— говорит цыган,— чем велит мне питаться?» — «Хорошо, доложу!» — отвечал Егорий и поехал своей дорогой. Вот цыган ждал его, ждал, и только завидел, что Егорий едет назад, сейчас и спрашивает: «Что ж доложил про меня?» — «Нет», — говорит Егорий. «Что ж так?» — «Забыл!» Вот и в другой раз вышел цыган на дорогу, и опять повстречал Егория: едет он к Богу за приказом. Цыган и просит: «Доложи де про меня!» — «Хорошо», — сказал Егорий — и опять позабыл. Вышел цыган и в третий раз на дорогу, увидал Егория и снова просит: «Скажи де про меня Богу!» —

«Хорошо, скажу». — «Да ты, пожалуй, забудешь?» — «Нет, не забуду». Только цыган не верит: «Дай, говорит, мне твое золотое стремяно (стремя) я подержу, пока ты назад вернешься; а без того ты опять позабудешь». Егорий отвязал золотое стремяно, отдал цыгану, а сам об одном стремяне поехал дальше. Приехал к Богу и стал спрашивать: чем кому жить, чем промышлять? Получил приказ и хотел было назад ехать; только стал на лошадь садиться, глянул на стремяно и вспомнил про цыгана. Воротился к Богу и говорит: «Попался мне еще на дороге цыган и наказал спросить: чем ему питаться?» — «А цыгану, — говорит Господь, — то и промысел, коли у кого что возьмет да утаит; его дело обмануть да выбожить!» Сел Егорий на коня и приехал к цыгану: «Ну, правду ты, цыган, сказывал! Коли б не взял ты стремяно, совсем бы забыл про тебя». — «То-то и есть! — сказал цыган, — теперь по век меня не забудешь, как только глянешь на стремяно — сейчас меня помянешь. Ну, что Господь-то сказал?» — «А то и сказал: коли у кого что возьмешь-утаишь да забожишь, твое и будет!» — «Спасибо», — мол-

вил цыган, поклонился и повернул домой. «Куда ж ты? — сказал Егорий. — Отдай мое золотое стремяно». — «Какое стремяно?» — «Да ты же у меня взял?» — «Когда я у тебя брал? Я тебя впервой вижу, и никакого стремяна не брал, ей-Богу не брал!» — забожился цыган.

Что делать — бился с ним, бился Егорий, так и уехал ни с чем! «Ну правду сказывал цыган: коли б не давал ему стремяна — и не знал бы его, а теперь повек помнить буду!»

Цыган взял золотое стремяно и пошел продавать. Идет дорогою, а навстречу ему едет барин. «Что, цыган, продаешь стремяно?» — «Продаю». — «Что возьмешь?» — «Полторы тысячи рублей». — «Зачем так дорого?» — «Затем, что оно золотое». — «Ну, ладно!» — сказал барин; хватился в карман — нет больше тысячи. «Вот тебе, цыган, тысяча — отдавай стремяно; а остальные деньги напоследях получишь». — «Нет, барин, тысячу-то рублей, пожалуй, я возьму, а стремяна не отдам; как дойдешь, что следует по уговору, тогда и товар получишь». Барин отдал ему тысячу и поехал домой. И то. 1ько приехал — сейчас же вынул пятьсот рублей и послал к цыгану с

своим человеком. «Отдай,— говорит,— эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремяно». Вот приходит барской человек в избу к цыгану. «Здорово, цыган!» — «Здорово,, доброй человек!» — «Я привез тебе деньги от барина». — «Ну давай, коли привез». Взял цыган пятьсот рублей и давай поить его вином; напоил досыта! Как напоил досыта, стал барской человек собираться домой и говорит цыгану: «Давай же золотое стремяно». — «Какое?» — «Да то, что барину продал!» — «Когда продал? У меня никакого стремяна не было». — «Ну, подавай назад деньги!» — «Какие деньги?» — «Да я сейчас отдал тебе пятьсот рублей». — «Никаких денег я не видал, ей-Богу, не видал! Еще самого тебя Христа ради поил, не то, что брать с тебя деньги!» Так и отперся цыган. Только услышал про то барин, сейчас поскакал к цыгану: «Что ж ты, вор эдакой, деньги забрал, а золотого стремяни не отдаешь?» — «Да какое стремяно? Ну, ты сам, барин, рассуди, как можно, чтоб у эдакого мужика-серяка да было золотое стремяно!» Вот барин с ним возилса-возилса, ничего не берет. «Поедем, говорит, судиться». — «Пожа-

луй,— отвечает цыган,—только подумай, как мне с тобой ехать-то? Ты как есть барин, а я мужик вахлак! Наряди-ка наперед меня в хорошую одежду, да и поедем вместе».

Барин нарядил его в свою одежду, и поехали они в город судиться. Вот приехали в суд; барин говорит: «Купил я у этого цыгана золотое стремяно; он деньги-то забрал, а стремяна не отдает». А цыган говорит: «Господа судьи! Сами подумайте, откудава возьмется у мужика-серяка золотое стремяно? У меня дома и хлеба-то нету! Не ведаю, чего этому барину надо от меня? Он, пожалуй, скажет, что на мне и одежда-то его!» — «Да таки моя!» — закричал барин. «Вот видите, господа судьи!» Тем дело и кончено; поехал барин домой ни с чем, а цыган стал себе жить да поживать, да добра наживать". (Из собрания В. И. Даля).

Вариант. Только что уехал Егорий, мужик Нестерка продал золотое стремяно да купил себе хлеба и всякого харчу, и с той поры за- всегда у кого что ни возьмет — а уж непременно затаит и забожит.

Пятница

Када-та адна баба ни пачла[1] матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертеть. Прапряла она да абеда, и вдруг сон на нее нашел — такой магучай сон! Уснула ана, вдруг атварилась дверь и входит, вишь, матушка Пятница, в очью всем, в белом шушуне[2], да сердитая такая! И шмых(г) пряма к бабе, ще пряла-та. Набрала в горсть кастрики с пола, какая атлятала-та ат мочек[3] и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! Пасыпала да и была такава: паминай как звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба как праснулася, так и взвыла благим матам ат глаз, и ни ведая, ат чаго ани забалели. Другие (бабы) сидя(т) в ужасьи и учили вапить: «Ух ты, акаянная! Заслужила казнь лютую ат матушки Пятницы», — и сказали ей все, ще было. Та баба слушала-слушала и ну просить: «Матушка Пятница! Взмилуйся мне, помилуй меня грешную; поставлю те(тебе) свечку, и другу-недругу закажу обижать те(тебя), матушка!» И ще ж ты думаешь? Ночью, вишь, опять прихадила ана и выбила из глаз у той бабы

кастру-та, и ана апять встала. Грех великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прять!

(Записана в Липецком уезде Тамбовской губернии сельским учителем Елисеем Сабуровым?)

Примечания

Суеверное уважение к пятнице, питаемое Русским простолюдином, заслуживает особого внимания археологов. Во многих местностях России по пятницам бабы не прядут, не стирают белья, не выносят из печи золы, а мужики не пашут и не боронят, почитая эти работы в означенный день за большой грех. В народном стихе душа, прощаясь с телом, обращается к нему с таким напоминанием былых грехов:

Мы по середам, по пятницам платье золовали, Платье золовали, мы льны прядовали".

Особенно же уважаются в народе издревле двенадцать пятниц, которые бывают перед большими праздниками: а) перед Благовещеньем, б) первая и с) десятая после Воскресения Христова, d) перед Троицею, e) Успением,

ф) Ильиным днем, г) праздником Усекновения главы Иоанна Предтечи, h) Воздвиженьем, i) Покровом, к) Введением во храм Пресв. Богородицы, л) Рождеством и т) Крещением. До сих пор сохраняется старинное сказание о 12 пятницах, почитаемое раскольниками наравне со Свящ. Писанием". На Ваге в прежнее время ежегодно праздновали пяток первой недели Поста у часовни, куда совершался для этого крестный ход. Во время неурожая, засухи или сильных дождей, по случаю скотского падежа и появления червей были празднуемы «обетные» пятницы; в XVI веке писались в таких случаях целым миром заповедные записи. Так, крестьяне Тавренской волости (в 1590—1598 гг.) обговорились промеж себя и учинили заповедь на три года, чтобы «в пятницу ни толчи, ни молоти, ни камене не жечи», а кто заповедь порушит, на том доправить 8 алтын и 2 деньги. Константинопольский патриарх окружною грамотою 1589 года к литовско-русским епископам запрещал праздновать день пятницы наравне с воскресеньем".

Стоглав (в 40-й главе) свидетельствует, что

в его время ходили «по погостам и по селам и в волостях лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив, распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются св. Пятница и св. Анастасия и велят им заповедывати канун засвечивати; оне же заповедывают христианам в среду и пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и камене не разжигати, и иныя заповедуют богомерзкие дела творити». По народному объяснению по пятницам не прядут и не пагут, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глаз. Если же бабы вздумают прясть и шить в этот день, то св. Пятница накажет их ногтеедом, заусеницею или болезнью глаз: поверье это послужило основанием напечатанной нами легенды. По словам духовного регламента, суеверы уверяли, что «Пятница гневается на не празднующих (ее дня) и с великим на оных угрожением наступает». В некоторых деревнях в пятницу не засиживаются долго при свечах, потому что в этот день ходит по домам «св. Пятинка» и карает всех, кого застанет не спя-

щим.

В Малороссии поселяне уверяют, что они сами видели, как Пятница ходит, по селам вся исколотая иглами и изверченная веретенами, потому что многие женщины и шьют, и прядут в такие дни, которые следует праздновать в честь этой святой. Таким образом, особенное уважение к пятнице объясняется тем, что этот день считается в народе посвященным св. Пятнице: именем Пятницы в простонародье называется мученица Параскева. В Четьях-Минях повествуется, что родители ее всегда чтили пятницу, как день страданий и смерти Спасителя, за что и даровал им Господь в этот день дочь, которую они называли «Параскеви» т. е. пятницей. В прежних наших месяцесловах при имени св. Параскевы упоминалось и название Пятницы; церкви, ей посвященные, до сих пор называются Пятницкими". 28 октября, когда чтится память св. Параскевы, поселяне кладут под ее икону зеленые плоды и хранят их до следующего года. В обетные пятницы, собираясь праздновать, в одно назначенное место они выносят образ Параскевы мученицы, обвешанный

платками и лентами. На дорогах, при распу-
тьях и перекрестках издревле ставились на
столбиках небольшие часовни с иконою св.
Параскевы; часовни эти также назывались
«пятницами». В других местностях все осо-
бенности, приписываемые Пятнице, относят
к Пречистой Деве; так, бабы не прядут по пят-
ницам, чтобы не запылить Богородицы, кото-
рая ходит тогда по избам; еще накануне по-
этому подметают в избах полы; шерсть, от ко-
торой нет пыли, позволяют пряхть.

Припоминая, что пятница у других евро-
пейских народов в языческую эпоху была по-
священа богине Венере или Фрее, справедли-
во будет предположить, что в приведенных
нами поверьях скрывается темное воспомин-
ание о древней языческой богине. Под влия-
нием христианских идей оно естественным
образом слилось со священными представле-
ниями новой религии, подобно тому, как ат-
рибуты Перуна перенесены суеверным наро-
дом на Илью-пророка, а древнее поклонение
Волосу перешло на св. Власия.

Пятнице приписывают влияние на здоро-
вье, урожай хлеба и плодородие скота, поче-

му во время падежей, моровой язвы и других бедствий прибегают к ней с мольбами, совершают общественное богослужение и приносят очистительные жертвы; в народе ходят даже молитвы, сочиненные в честь св. Пятницы: они носятся на шее от различных недугов или привязываются к больной голове. Во время церковных обрядов прежде выносили икону св. Параскевы, увешанную лентами, монетами, цветами и душистыми травами: эти цветы и травы оставались в церкви, и отвар их давали пить отчаянно больным, как вернейшее средство к исцелению. По народному поверью, кто соблюдает пятницу, у того не будет лихорадки. В Калужской губернии при начале жатвы одна из старух, известная по легкости своей руки, отправляется ночью в поле нажинает один сноп, связывает его и до трех раз то кладет, то ставит на землю, произнося следующие слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабам Божьим (следуют имена) без скорби и болезни окончить жатву; будь им заступница от колдуна и колдунницы, еретика и еретицы!» Затем, взявши сноп, она старается пройти до двора, не будучи никем

замеченною. На праздник Покрова девицы, желающие выйти замуж, обращаются с просьбою о том к Пятнице: «Матушка Пятница-Параскева! Покрой меня поскорее». Духовный регламент Петра Великого упоминает о совершавшемся в народе символическом обряде, указывающем на обожание Пятницы. «Слышится (читаем в этом законодательном памятнике), что в Малой России, в полку стародубском, в день уреченный праздничный водят женку простовласую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном, и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некие пользы».

О Ное Праведном

Заставил Господь слипова ды бизрукыва караулить сад. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспели яблыки, пашли духи сладкий. «Малый, как жа нам яблыка пакушить?» — «Садись вирхом на мине, а я пыдвизу к яблынки». Слипой нарвал пазуху яблык. Бизрукый узрил Бога, драгнул ат яблынки бежать. Слипой та плеч (он за пличи диржалси — вирхом на бизрукым атарвалси, ударилси аб земь, ды-й абмер. Господь приходит: «Бизрукый, иде слипой?» — «Омырыкыво ашиб». Господь приходит к слипому: «Слипой, с чаво ж ты абмер? Абманываишь ты мине, слипой! Ни омырык тебе ушиб, ты с пличей убилси с бизрукыва!» — «Абманул я тебе, Госпыди! Прасти мине». Прастил слипова, ды-й пашол.

Сыбрались караульщики, на варатах стоять. Идет дьявыл: «Здрастуйти, ребята! Што ж вы яблык ни йдита?» — «Как жа нам их есть? У мине рук нету, у ниво глаз. Я ни дастану!» — «А я ни найду!» — «Плохи ж вы, ребята, кады в саду яблык ни йидита».

«Мы ни ухитримся, как их есть!» — «Эка, как? Бизрукый пади ударьси аб яблыню, а слипой падбери!» Яблынки были насажины друг ат друга на сажню. Бизрукый как ударилси аб яблыню — увесь тот сад абтрес. Слипой лег на пуза, прикатал усю траву — все яблыки искал. Ну, Гасподь приходит: «Караульщики, хто ж у вас сад абтрес?» — Ветир поднялси, увесь сад абтрес!» — «Ат чаво жа яблыни пазавяли?» — «Ат яснава со(л)нца!» — «Ат чаво жа нижний бака папрели?» — «Ат сильныва дожджа!» — «А хто жа у вас в саду траву примял?» Слипой гаварить: «У мене живот балел, все каталей!» — «Врешь ты, слипой! Все абманываишь мене!» Сабрал Господь караульщикав, узял огнинныи прутьи, выбил их огнинныи прутьими: «Выдитя, праклятыи калеки, вон из маиво саду, пабирайтиси по миру атныни давеку!»

Господь сказал: «Дай жа я сделаю Ноя Правидныва, штоб у маем у свети была правда». Приставил сабаку голую караулить Ноя Правидныва: «Сматри ж ты, сабака, никаво ни пуцай сматреть маиво Ноя Правидныва!» Приходит дьявыл к сабаки: «Пусти мене, сабака,

Ноя Правидныва пыематреть!» — «Мне Господь ни вилел никаво пуцать». — «Хатя ты ни пуцаищь мине Ноя Правидныва пыематреть, а я тибе дам шубу и на руки и на ныги: придет зима, придуть марозы — ни надыть тибе избы». Дал дьявыл сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пыематреть Ноя Правидныва. Дьявыл ахаркыл, апливал Ноя Правидныва; стал Ной синий, зиленьый, дурной... странно на Ноя глидеть стало! «Што ж ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? Што ж я тибе гаварил!» — «А што ж ты мине без шубы приставил?» — «Штоб ты цирковныва звону ни слыхала, у Божий храм ни хадила!» Взял Господь, апасли той сабаки, Ноя вывырызал: аплевыныя, ахоркыныя в сиредку... Из Ноевыва рибра сделал Господь жину Евгу. «Ну, Ной с Евгаю Правидный! Усе плады ештя; аднаво плада ни трогайтя, вот с той-та яблынки». Евга гаварить: «Ной Правидный! Ат чаво ж эта так Бог гаварить: усе плады ештя, а с аднаво ни трогайтя? Давай пакушаим!» Сели па яблычку, па разу укусили... друг друга зыстыдились: Евга пыд лапух, а Ной пыд другой друг ат друга схаранилиси. Приходить Господь: «Ной

Правидный! Игде ты?» — «Я вот ын!» — «Иди ка мне!» — «Я наг!» Ной гаварить: «Госпыди! Сатвари нам адежу». Вышли ани к нему; выбил их Господь огнинными прутьими, выгнал из саду вон!

Выслымши из саду Ноя Правидныва, умилилси Господь. «Ной Правидный,— гаварить,— у нас будить чириз три года патопа; штобы ты в три года кавшег и выстраил. Ной Правидный! Кавшег строй, да жине ни сказывай, што строишь!» Пашол Ной Правидный у роцу строить кавшег; строить год, строить два. Дьявыл приходит: «Ной Правидный, што делаишь?» — «Разве ты слипой? Ты видишь, што я делаю!» — «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — «И ни веляна тебе знать!» Дьявыл ударилси из роци к Ноивый жине, к Евги: «Евга, успраси ты у мужа, што он делайть?» А Ной Правидный жине атказывайть: «Я так па роци хажу, на дrevья сматрю, сам сибe забавляю!» — «Ен ни па роци гуляить, ен штой-та рубить!» — «Я ни знаю». — «Сделай жа ты квасу, наклади хмелю!» Усхвалил сам сибe Ной: «Слава тибe, Госпыди! Састроил сибe судно за палгода патопы». При-

ходить, стал кушать: «Евга, нет ли чаво, паку-шамши, ж напитокца?» Напилси квасу, лег а-дыхать. «Ной Правидный! Два года ходишь, да мне правды ни скажишь, што-та такая ты рабатаишь?» — «Экая ты! Вот асталась палго-да да первыва мая; у май месецы, у первым числе, будить патопа!» Агдахнумши, приходи Ной к кавшегу: увесь кавшег дьявыл раз-метал. «Экая!., пригрязил я дли(я) тебе!» Шесть месецыв ен йиво сыбирал, ни пимши, ни емши, и дамой ни хадил. Приходить жа Господь: «Ной Правидный, сабирай жа всяких звирьев у кавшег па паре, и дичи, плодов всяких». Собрал жа ен зверев всяких, и ужов, и плодов всяких. «Будить,— гаварить Господь,— патопа: затопить и леса, и луга, и балота, и да-ма! Будить патопа на двинадцать сутык». Ной забрал все.

Дьявыл гаварить: «Евга, как жа мне с та-бою у кавшег залесть?» — «Я ни знаю!» — «Ра-зуй леваю ногу да глянь скрозь ноги на мине; а патыль (до тех пор) ты ни лезь у кавшег, па-кыль страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальетси увизде; ен на тебе закри-чить: лезь ка мне, акаянная, а то утопнишь!

Как ен тебе акаянной назавет — и я с тобой улезу. А датыль не лазий». Евга глянула скрозь ноги, Ной закричал: «Лезь жа ты ка мне! Лезь жа скарея, акаянная!» Как сказал Ной, дьявыл как сигнеть (прыгнет) у кавшег и паплыл; скинулся (обратился) мышью — кавшег пратачил. Уж узял эту дыру галавой и заткнул, игде мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутык па вазморью, па этай пы патопи. Паслал Ной Правидный ворана: «Палити жа ты, чорнай воран, узнай есть ваде понижения, али нет?» Воран литал, литал, нашол падла и стал кливать на остроави. «Идее ж ты был, воран?» — «Я,— говарить,— аташол да падла кливал!» — «Как жа ты ни паслушил? Мы тебе пасылали пысматреть вады; ведь всякая душа да хвалить Господа! Будь жа ты, воран, как пень гарельый; будь жа у тебе дети гадавыи: как дитей даждешьси — сам акалей!» Ведь как воран даждетца дитей, выходит, выкормить — сам акалеить; ведь ани все калеют! «Литии ж ты, голубь; пысматри ж ты патопы: спадаить ли, прибавлять ли?» Литал, литал голубь; патопа сбавила на три аршина; и нашол ен такая места сухоя, игде

можно кавшегу вылести на край. Приплыли х(к) пристыни.

Приходить Господь: «Што вы живы ли усе?» — «Слава ти, Госпыди! Усе живы!» — «Выходитя ж вон!» Усе вышли; напаследак дьявыл сиг! «Вот, Госпыди, хотел мне утапить; веть я вот ан! Я тебе балыной враг!» — «Кали ж ты мне большой враг, вазьми ж ты мне за руку». Вазьмет дьявыл Госпыда папирех руки, да ни поймаить — руку апустить. «Дай жа я тебе вазьму за руку!» Как вазьмет Гасподь дьявыла за руку: «Ой, ой, ой! Я буду тебе хоть меньшей брат!» — все, вишь, у брата лезить. «Лезь жа ты, меньшей брат, у моря, дастань зимли горсть: давайи зимлю засивать». Ани прибились х(к) кургану, а кругом все моря стояла. Полез дьявыл в моря, схватил зимли горсть, да ни вытащил — все размыла! Раз слез, другой, третий слез... у читвертай полез. «Брат,— гаварить Господь,— скажи: "Госпыди Иисус Христос!"» Сказал дьявыл: «Шспыди Иисус Христос!» Нырнул в моря и вытащил зимли у горсти с макавых два зирна. «Лезь жа ицо, этай зимли мала!» — «Пастой жа,— гаварить сам сибе дьявыл,— я

запахую сибѣ за щикѣ зимли: што Господь будить дѣлать, я сибѣ тожа сделаю». Взял Господь перехрястилси, кинул зимлю на три стороны: сделались па взморью луга, леса, рощи... ровна! «Госпыди, а што ж за май труды, какая будить угожение?» — «Пасажали мы белый свет; может, тибѣ будутъ хвалити, минѣ поминати; я и тем буду даволин».

«Ну, Ной, живи на зимли, радися, пладися!» — «Госпыди, скоро ж ат минѣ ат аднаво белый свет нарадитца?» Господь гаварить: «Ты мужика сваляй из глины, а господ из пшенишныва из теста». Барзой кабель стаял сзади, схватил пшенишный ком да бижать: ат Варонижа да нашива сила все аднадворцев и...

«Госпыди, я насилия народу ат Варонижа ды Куракина на двести на восемьдесят верст. Госпыди, у чом жа нам жить будить? Народу я распладил многа!» Господь дал им тапоры, срубил им избы: «Живитя, вот вам избы!» — «Госпыди, на чом жа нам работать?» Дал Господь лошадь. «Да чем жа йие абратать?» Господь свизал обрыть[4], свизал хамут. Вот спирва сыбралось чилавек сорык народу аб-

гарнуть (окружить — см. Опыт обл. словаря, с. 131) лошадь ды загнать в хамут, а там обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамут да обрыть! Господь паймал лошадь, запрег: «Вот вам, гаварить, изба, лошадь, упряж; живитя да мне хвалитя!» Вот мы таперича живем да и хвалим йиво: «Слава тибе, Госпыди! Што усе показал».

(Доставлена П. В. Киреевским.)

Примечания

Начало этой любопытной легенды заимствовано из «Притчи о теле человеческого, и о душе, и о воскресении мертвых». Притча эта встречается во многих рукописных прологах XIII, XIV, XV и XVI столетий и между сочинениями Кирилла Туровского, который передает ее в более распространенном изложении. Конечно, отсюда она перешла в народные сказания, и это служит новым свидетельством того влияния, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличения приводим здесь самую притчу.

«Человек некто добра рода насади виноград, и оплотом огради, и отходя вдомя отча

своего: «Кого,— рече,— створю стража дому моему и притяжанию? Аще бо поставлю еде от предстатель моих, то потеряють мой труд. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слепча, да аще кто хоче украсти от враг моих в винограде, слепец чюеть, а хромець видить; аще кто от сего всхоцеть, хромець убо не имать ногу дойти, слепец же аще пойдет — в пропастанех убъется». И посадив я, отъиде. Надолзе бо сидящим им, и рече слепече ко хромчю: «Что убо благоухание полетаеть изнутри врат?» Отвеща хромець: «Многа блага господина наю внутрь есть, иже неизреченьная вкушения; но понеже премудр есть господин наю, мене посади хромага, а тебе слепаго, и не можеве того дойти и насытитися». Отвеща слепече хромчю: «Почто еси сих не возвестил да быхове не жадала? Аще бо слеп еемь, но ноги имам и силен еемь носити тя: ныне бо возми хошь, и всади на мои плещи, и аз тя несу, а ты мне путь поведай; и вся благая господина наю обоемлеве. Да егда приде господин наю, укрывается дело наю от него; аще мене воспросить, и реку: ты веси, господине мой, яко слеп аз еемь; аще ли тебе воспросить,

ты же речи: аз хром еемь, и тако премудруеве господина наю». Всед же хромецъ на слепаца и щед окрадоста овощъ господина своего. По времени же пришед господин винограда и види его окрадена, повеле привести слепаца, и глагола: «Недобра ли ты поставих стража винограду моему, почто еси окрал его?» Отвеща слепаце: «Господи, ты веси, яко слеп еемь; аще бых хотел дойти, не вижду дойти; но крал еемь хромецъ, а не аз». И повеле господин блюсти слепаца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромчю, начастася спирати. Хромецъ глаголаше слепчю: «Аще не бы ти носил мене, николи же могл бых там дойти, понеже хром есть». Слепаецъ же глаголаше: «Аще бы не ты мне путь поведал, то не бы аз там дошел». Тогда господин, сед на судищи, нача судити, и рече господин: «Яко же еста рекла (крала), тако да всяде хромецъ на слепаца». Вседшю бо хромчю на слепаца, повеле бити немилостивено».

В народной легенде вместо хромца выведен безрукий. Далее легенда воспользовалась библейскими сказаниями об Адаме и Ное, но передает их в искаженном виде, смешивая со-

бытия и перепутывая их баснословными народными преданиями. Сюда вошли и некоторые рассказы из старинного животного эпоса. Так, народное суеверие представляет, что собака первоначально была сотворена голою, без шерсти; Бог заставил ее стеречь от демонских козней тело первосозданного человека; нечистый грозит собаке зимними морозами и, соблазняя, дает ей мягкую шубу. Любопытны роли, которые играют в ковчеге мышь и уж. Нечистый ухитряется, влезает в ковчег и в виде мыши прогрызает в нем дыру; уж затыкает ее своей головой. После потопа следует вновь создание земли и людей; очевидно устный рассказ относит здесь в конец то, что должно было стоять в начале. «Предание о создании земли» записано г. Терещенком (Быт русского народа, ч. V, с. 44—45) с некоторыми подробностями, которых недостает в нашей легенде:

«В начале света благоволил Бог выдвинуть землю. Он позвал черта, велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. «Ладно,— думает сатана,— я сам сделаю такую же землю! Он ныр-

нул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Принес Богу и отдает, а сам не произносит ни слова... Господь куда ни бросит землю, то она вдруг является такая ровная, ровная, что на одном конце станешь — то на другом все видно, что делается на земле. Сатана смотрит... хотел что-то сказать и поперхнулся. Бог спросил его, чего он хочет. Черт закашлялся и побежал от испугу. Тогда гром и молния поражали бегущего сатану, и он где приляжет — там выдвинутся пригорки и горки; где кашляет — там вырастет гора; где привскачет — там высунется поднебесная гора. И так бегая по всей земле, он изрыл ее; наделал пригорков, горок, гор и превысоких гор».

В карпатской колядке поется, что при начале света два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, из которых и были созданы земля и небесные светила.

Доисторические предания, уцелевшие почти у всех индоевропейских народов, рассказывают, что само божество научило первоначально человека строить жилища, ковать металлы и возделывать землю". На Украине есть поверье, что сам Господь дал Адаму плуг,

а Еве прялку — в то время как они нарушили заповедь и были высланы из рая". Согласно с этим, напечатанная нами легенда повествует о том, как Господь выучил людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходит еще другое предание о постройке избы: долго люди не умели придумать, как бы охранить себя от непогоды и стужи; наконец черт ухитрился и выстроил избу, всем бы хороша: и тепло, и уютно, да темно, хоть глаз выколи! Уж ангел Господень научил прорубить окно, и с тех пор стали люди строить избы с окнами. Предание это носит на себе печать весьма древнего происхождения. Злой дух, как представитель темной силы, мрака, по народным поверьям боится света и исчезает с первыми лучами солнца", все, что имеет связь с светом, исходит не от него, а даруется божеством добра и правды.

Соломон Премудрый

Исус Христос после распятия сошел во ад и всех оттуда вывел, окромя одного Соломона Премудрого. «Ты,— сказал ему Христос,— сам вы(й)ди своими мудростями!» И остался Соломон один в аду; как ему выйти из ада? Думал-думал да и стал вить завертку. Подходит к нему маленький чертенок, да и спрашивает, на что вьет он веревку без конца? «Много будешь знать,— отвечал Соломон,— будешь старше деда своего сатаны! Увидишь на что!» Свил Соломон завертку, да и стал измерять ею в аду. Чертенок опять стал у него спрашивать, на что он ад размеряет? «Вот тут монастырь поставлю,— говорит Соломон Премудрой,— вот тут церковь соборную. Чертенок испугался, бегом побежал и рассказал все деду своему, сатане, а сатана взял да и выгнал из аду Соломона Премудрого.

(Записана в Орловском уезде П. И. Якушкиным.)

Примечания

Сличи со следующей легендой о «Солдате и Смерти».

О премудром царе Соломоне известен целый ряд старинных повестей, о которых смотри в сочинении г. Пыпина: «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (с. 102—123). С этими повестями, занесенными во многие рукописные сборники, имеют связь и те народные сказания о Соломоне, которые вошли в «Српске народне приповийетке» Караджича.

Солдат и Смерть

А. Один солдат прослужил двадцать пять лет, а отставки ему нет как нет! Стал он думать да гадать: «Что такое значит? Прослужил я Богу и великому государю двадцать пять лет, в штрафах не бывал, а в отставку не пускают; дай пойду, куда глаза глядят!» Думал-думал и убежал. Вот ходил он день, и другой, и третий, и повстречался с Господом. Господь его спрашивает: «Куда идешь, служба?» — «Господи! Прослужил я двадцать пять лет верою и правдою, вижу: отставки не дают — вот я и. убежал; иду теперь, куда глаза глядят!» — «Ну, коли ты прослужил двадцать пять лет верою и правдою, так ступай в рай — в царство небесное». Приходит солдат в рай, видит благодать неизреченную и думает себе: «Вот когда поживу-то! Ну, только ходил он, ходил по райским местам, подошел к святым отцам и спрашивает: «Не продаст ли кто табак?» — «Какой, служба, табак! "Гут рай, царство небесное! «Солдат замолчал. Опять ходил он, ходил по райским местам, подошел в другой раз к святым отцам и спрашивает: «Не

продают ли где близко вина?» — «Ах ты, служба-служба! Какое тут вино! Здесь рай, царство небесное!» — «Какой тут рай: ни табаку, ни вина!» — сказал солдат и ушел вон из раю.

Идет себе да идет, и попался опять навстречу Господу. «В какой,— говорит,— рай послал ты меня, Господи? Ни табаку, ни вина нет!» — «Ну, ступай по левую руку,— отвечает Господь,— там все есть!» Солдат повернулся налево и пустился в дорогу. Бежит нечистая сила: «Что угодно, господин служба?» — «Погоди спрашивать; дай прежде место, тогда и разговаривай». Вот привели солдата в пекло. «А что табак есть?» — спрашивает он у нечистой силы. «Есть, служивой!» — «А вино есть?» — «И вино есть!» — «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку с табаком и полштоф перцовки. Солдат пьет-гуляет, трубку покуривает, и радехонек стал: «Вот взаправду рай — так рай!» Да недолго нагулял солдат; стали его черти со всех сторон прижимать, тошно ему пришлось! Что делать? Пустился на выдумки, сделал сажень, настрогал колышков и давай мерить: отмерит сажень и

вобьет колышек". Подскочил к нему черт: «Что ты, служба, делаешь?» — «Разве ты ослеп! Не видишь что ли? Хочу монастырь построить». Как бросится черт к своему дедушке: «Погляди-тка, дедушка, солдат хочет у нас монастырь строить!» Дед вскочил и сам побежал к солдату: «Что,— говорит,— ты делаешь?» — «Разве не видишь? Хочу монастырь построить». Дед испугался и побежал прямо к Богу: «Господи! Какого солдата прислал ты в пекло: хочет монастырь у нас построить!» — «А мне что за дело! Зачем таких к себе при(ни) маете?» — «Господи! Возьми его отсюда». — «А как'его взять-то! Сам пожелал». — «Ахти! завопил дед, что же нам бедным с ним делать?» — «Ступай, сдери с чертенка кожу и натяни барабан, да после выйди из пекла и бей тревогу: он сам уйдет!» Воротился дед, поймал чертенка, содрал с него кожу и натянул барабан. «Смотрите же,— наказывает чертям,— как выскочит солдат из пекла, сейчас запирайте ворота крепко-накрепко, а то, как бы опять сюда ни ворвался!» Вышел дед за ворота и забил тревогу; солдат как услышал барабанный бой — пустился бежать из аду сло-

мя голову, словно бешеной; всех чертей распугал, и выскочил за ворота. Только выскочил — ворота хлоп и заперлись крепко-накрепко. Солдат осмотрелся кругом: никого не видеть и тревоги не слышать; пошел назад и давай стучаться в пекло: «Отворяйте скорее! — кричит во все горло, — не то ворота сломаю!» — «Нет, брат, не сломаешь! — говорят черти. — Ступай себе, куда хочешь, а мы тебя не пустим; мы и так насилу тебя выжили!»

Повесил солдат голову и побрел, куда глаза глядят. Шел-шел, и повстречал Господа. «Куда идешь, служба?» — «И сам не знаю!» — «Ну, куда я тебя дену? Послал в рай — не хорошо! Послал в ад — и там не ужился!» — «Господи, поставь меня у своих дверей на часах». — «Ну, становись». Стал солдат на часы. Вот пришла Смерть. «Куда идешь?» — спрашивает часовой. Смерть отвечает: «Иду к Господу за повелением, кого морить мне прикажет». — «Погоди, я пойду спрошу». Пошел и спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтоб три года морила самой старой люд». Солдат думает себе: «Эдак,

пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит Смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть: «За что Господь на меня прогневался? Посылает дубы точить!» И побрела по лесам, три года точила самые старые дубы; а как изошло время — воротилась опять к Богу за повелением. «Зачем притадилась?» — спрашивает солдат. — «За повелением, кого морить Господь прикажет». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошел и спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтоб три года морила молодой народ». Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!» Вышел и говорит Смерти: «Ступай опять по тем же лесам и целых три года точи молодые дубы"; так Господь приказал!» — «За что это Господь на меня прогневался!» Заплакала Смерть и пошла по лесам, три года точила все молодые дубы, а как изошло время — идет к Богу, едва ноги тащит.

«Куда?» — спрашивает солдат. — «К Господу за повелением, кого морить прикажет». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошел и

спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтоб три года младенцев морила». Солдат думает себе: «У моих братьев есть ребятки: эдак, пожалуй, она их уморит!» Вышел и говорит Смерти: «Ступай опять по тем же лесам и целых три года гложи самые малые дубки». — «За что Господь меня мучает!» — заплакала Смерть и пошла по лесам, три года глодала самые, что ни есть малые дубки; а как изошло время — идет опять к Богу, едва ноги передвигает. «Ну теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до Господа! За что так девять лет он меня наказывает?» Солдат увидал Смерть и окликает: «Куда идешь?» Смерть молчит, лезет на крышцо. Солдат ухватил ее за шиворот, не пускает. И подняли они такой шум, что Господь услышал и вышел: «Что такое?» Смерть упала в ноги: «Господи! За что на меня прогневался? Мучилась я целых девять лет: все по лесам таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — «Это все ты!» — сказал Господь солдату. «Виноват, Господи!» — «Ну, ступай же за

это, носи девять лет Смерть на закортышках!» (на плечах — см. Слов. Рос. Акад.).

Засела Смерть на солдата верхом. Солдат — делать нечего — повез ее на себе, вез-вез и уморился; вытащил рог с табаком и стал нюхать. Смерть увидала, что солдат нюхает, и говорит ему: «Служивой, дай и мне понюхать табачку». — «Вот-те на! Полезай в рожок, да и нюхай, сколько душе угодно». — «Ну, открой-ка свой рожок!» Солдат открыл, и только Смерть туда влезла — он в ту ж минуту закрыл рожок и заткнул его за голенище". Пришел опять на старое место и стал на часы. Увидал его Господь и спрашивает: «А Смерть где?» — «Со мною». — «Где с тобою?» — «Вот здесь за голенищем». — «А ну, покажи!» — «Нет, Господи, не покажу, пока девять лет не выйдет; шутка ли ее носить на закортышках! Ведь она не легка!» — «Покаж, я тебя прощаю!» Солдат вытащил рожок и только открыл его — Смерть тотчас и села ему на плеча. «Слезай, коли не сумела ездить!» — сказал Господь. Смерть слезла. «Умори же теперь солдата!» — приказал ей Господь и пошел — куда знал.

«Ну, солдат! — говорит Смерть, — слышал, тебя Господь велел уморить!» — «Что ж? Надо когда-нибудь умирать! Дай только мне исправиться». — «Ну, исправься!» Солдат надел чистое белье и притащил гроб. «Готов?» — спрашивает Смерть. — «Совсем готов!» — «Ну, ложись в гроб!» Солдат лег спиной кверху. «Не так!» — говорит Смерть. — «А как же?» — спрашивает солдат и улегся на бок «Да все не так!» — «На тебя и умереть-то не угодишь!» — и улегся на другой бок «Ах, какой ты, право! Разве не видал, как умирают?» — «То-то и есть, что не видал!» — «Пусти, я тебе покажу». Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место. Тут солдат ухватил крышку, накрыл поскорее гроб и наколотил на него железные обручи; как наколотил обручи — сейчас же поднял гроб на плеча и стащил в реку. Стащил в реку, воротился на прежнее место и стал на часы. Господь увидел его и спрашивает: «Где же Смерть?» — «Я пустил ее в реку». Господь глянул — а она далеко плывет по воде. Выпустил ее Господь на волю: «Что ж ты солдата не уморила?» — «Вишь, он какой хитрой! С ним ничего не сделаешь». — «Да ты с

ним долго не разговаривай; пойди и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

В. Жил да был один солдат, и зажился он долго на свете, попросту сказать — чужой век стал заедать. Сверстники его понемногу отправляются на тот свет, а солдат себе и ухом не ведет, знай себе таскается из города в город, из места в место. А по правде сказать — не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вот приходит Смерть к Богу и просит у него позволение взять солдата: долго де зажился на свете, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволил Бог Смерти взять солдата.

Смерть слетела с небес с такою радостью, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тут?» — «Я». — «Кто ты?» — «Смерть». — «А! Зачем пожаловала? Я умирать-то не хочу». Смерть рассказала солдату все, как следует. «А! Если уж Бог велел, так другое дело! Против воли Божьей нельзя идти. Тащи гроб! Солдат на казенный счет всегда умирает. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гроб и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же уми-

рать». — «Не растабарывай! Знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама», — «Как сама?» — «Да так. Я без артикула ничего не привык делать; что начальство покажет: фрунт, что ли там, аль другое что, то и делаешь. Уж так привык, сударка моя! Не переучиваться же мне: старенек стал!» Смерть поморщилась и полезла в гроб. Только что расположилась она в гробу, как следует, солдат возьми да и нахлопни гроб-то крышкой, завязал веревкой и бросил в море. И долго, долго носилась Смерть по волнам, пока не разбило бурей гроба, в котором она лежала.

Первым делом Смерти, как только она получила свободу, опять была просьба к Богу, чтоб позволил ей взять солдата. Бог дал позволение. Снова пришла Смерть к солдатской избушке и стучится в двери. Солдат узнал свою прежнюю гостью, и спрашивает: «Что нужно?» — «Да я за тобой, дружище! Теперь не вывернешься». — «А врешь, старая чертовка! Не верю я тебе. Пойдем вместе к Богу». — «Пойдем». — «Подожди, мундир натяну». Отправились в путь. Дошли до Бога. Смерть хотела было идти вперед, да солдат не пустил:

«Ну, куда ты лезешь? Как смеешь ты без мундира... идти? Я пойду вперед, а ты жди!» Вот воротился солдат от Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» — спрашивает Смерть. — «Врешь, солгала немного. Бог велел тебе прежде еще леса подстригать да горы ровнять, а потом и за меня приниматься». И солдат отправился на зимние квартиры вольным шагом, а Смерть осталась в страшном горе. Шутка ли! Разве мала работа — леса подстригать да горы ровнять? И много, много лет трудилась Смерть за этой работой, а солдат жил себе да жил.

Наконец и в третий раз пришла за солдатом Смерть, и нечем ему было отговориться: пошел солдат в ад. Пришел и видит, что народу многое множество. Он то толчком, то бочком, а где и ружье наперевес, и добрался до самого сатаны. Посмотрел на сатану и побрел искать в аду уголка, где бы ему расположиться. Вот и нашел; тотчас наколотил в стену гвоздей, развесил амуницию и закурил трубку. Не стало в аду прохода от солдатика; не пускает никого мимо своего добра: «Не ходить! Вишь, казенные вещи лежат, а ты, мо-

жет, на руку нечист. Здесь всякого народу много!» Велят ему черти воду носить, а солдат говорит: «Я двадцать пять лет Богу и великому государю служил, да воды не носил, а вы с чего это вздумали... Убирайтесь-ка к своему дедушке!» Не стало чертям житья от солдата; хоть бы выжить его из ада, так не идет. «Мне,— говорит,— и здесь хорошо!» Вот черти и придумали штуку, натянули свиную кожу и только улегся солдат спать — как забили тревогу. Солдат вскочил да бежать, а черти сейчас за ним двери и притворили, да так себе обрадовались, что надули солдата!.. И с той поры таскался солдат из города в город, и долго еще жил на белом свете, да вот как-то на прошлой неделе только помер. (Записана в Нижнем Новгороде)

С. Служил солдат Богу и великому государю целых двадцать пять лет, выслужил три сухаря и пошел домой на родину. Шел-шел и крепко задумался: «Господи, Боже ты мой! Служил я царю двадцать пять лет, был сыт и одет, а теперь до чего дожил? И голоден, и холоден; только и есть что три сухаря». А навстречу ему убогой нищий и просит мило-

стинку. Солдат отдал нищему один сухарь, а себе оставил два. Пошел дальше; немного погодя попадается ему другой нищий, кланяется и просит милостинку. Солдат подал и этому сухарь, и остался у него один. Опять пошел дальше своей дорогою и повстречал третьего нищего: кланяется ему старец и просит милостинку. Вынул солдат последний сухарь и думает: «Целой дать — самому не останется, половину дать — пожалуй, сойдется этот старец с прежними нищими, увидит у них по целому сухарю и обидится; лучше отдам ему весь, а сам обойдусь кое-как!» Отдал последний сухарь и остался ни при чем. Вот старец и спрашивает его: «Скажи, доброй человек, чего желаешь, в чем нуждаешься? Я те помогу». — «Бог с тобой!» — отвечает солдат? — с тебя, старичок, взять нечего: ты сам человек убогой». — «Да ты не смотри на мое убожество, только скажи, чего желаешь, а я уж награжу тебя за твою добродетель». — «Мне ничего не надо, а коли есть у тебя карты, так подари на память». Старец вынул из-за пазухи карты и дает солдату. «Возьми, — говорит, — с кем ни станешь играть в эти карты — всякого обы-

раешь; да вот на тебе и торбу: что ни встретишь на дороге, зверя ли, птицу ли, и захочешь поймать — только распахни торбу и скажи: полезай сюда, зверь али птица! И все делается по твоему»". — «Спасибо, — сказал солдат, взял карты и торбу и поплелся в путь дорогу».

Шел близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришел к озеру, а на том озере плавают три диких гуся. Вот солдат и вздумал: «Дай-ка я торбу свою попробую!» Вынул ее, распахнул и говорит: «Эй вы, дикие гуси! Полетайте в мою торбу». И только выговорил эти слова — как снялись гуси с озера и прилетели прямо в торбу. Солдат завязал торбу, поднял на плеча и пустился в дорогу. Шел-шел, и пришел в город. Забрался в трактир и говорит хозяину: «Возьми этого гуся и зажарь мне к ужину, а другого гуся отдаю тебе за хлопоты, а третьего променяй мне на водку». Вот солдат сидит себе в трактире да утащается: выпьет винца да гусем и закусит. И вздумалось ему посмотреть в окошко; стоит на другой стороне большой дворец, только во всем дворце нет ни одного стекла целого. «Послу-

шай,— спрашивает он хозяина,— что это за дворец и отчего пустой стоит?» — «Да вишь,— говорит хозяин,— царь наш выстроил себе этот дворец, только жить-то в нем нельзя; вот уж семь лет пустеет! Всех нечистая сила выгоняет! Каждую ночь собирается там чертовское сонмище, шумит, пляшет, в карты играет и всякие скверны творит». Вот солдат пошел к царю. «Ваше царское величество! Позволь,— говорит,— мне в твоём порожном дворце одну ночь переночевать». — «Что ты, служба! — говорит ему царь,— Бог с тобою! Уж были такие смельчаки, брались переночевать в этом дворце, да ни один живой не ворочался!» — «Небось, русской солдат ни в воде не тонет, ни в огне не горит. Служил я Богу и великому государю двадцать пять лет, да не умер; а то за одну ночь у тебя помру!» — «Я ж тебе говорю: пойдёт туда с вечера живой человек, а утром одни косточки найдут». Солдат стоит на своем: пусти да пусти его во дворец. «Ну,— говорит царь,— ступай с Богом, ночуй, коли хочешь; я с тебя воли не снимаю».

Пришел солдат во дворец и расположился в самой большой комнате; снял с себя ранец и

саблю, ранец поставил в уголок, а саблю на гвоздик повесил; сел за стол, вынул кисет с табаком, набил трубку — и покуривает себе. Вот ровно в двенадцать часов — откуда что взялось — набежало во дворец чертей видимо-невидимо; поднялся гам, крик, пляс, музыка. «А и ты, служивой, здесь! — закричали черти. — Зачем пожаловал? Не хочешь ли поиграть с нами в карты?» — «Отчего не хотеть! Только, чур, играть моими картами». Сейчас вынул свои карты и ну сдавать. Стали играть; раз сыграли — солдат выиграл, в другой — опять солдат выиграл; сколько ни ухитрялись черти, а все деньги спустили солдату: он знай себе загребает! «Постой, служивой — говорят черти, — есть у нас еще шестьдесят четвериков серебра да сорок золота, давай-ка играть с тобой на это серебро и золото!» — и посылают они малого чертенка таскать серебро. Стали снова играть, солдат все обыгрывает: уж чертенок таскал-таскал, все серебро перетаскал, и говорит старому дьяволу: «Дедушка, больше нету!» — «Таскай, пострел, золото!» Вот он таскал-таскал золото, целый угол завалил, а толку все нет, все солдат обыгрывает. Жалко

стало чертям своих денег; вот они и давай приступать к солдату, да как заревут: «Разорвем его, братцы! Съедем его!» — «Еще посмотрим, кто кого съест! — говорит солдат. — Схватил торбу, распахнул и спрашивает: «А это что?» — «Торба», — говорят черти. «А ну, по Божьему слову, полезайте в торбу!» Только сказал — и полезли черти в торбу; да и много ж набралось их, чуть ни давят друг дружку! Солдат завязал торбу покрепче и повесил на стенку на гвоздь; а сам улегся спать.

Поутру посылает царь своих людей: «Ступайте, проведайте — что с солдатом делается? Коли пропал от нечистой силы, так приберите его косточки!» Вот и пошли; приходят во дворец — а солдат весело по горницам похаживает да трубочку покуривает. «Здорово, служивой! Не чаяли увидеть тебя живого! Ну, как ночевал, как с чертями поладил?» — «Что черти! Вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у них выиграл, вишь какие кучи!» Посмотрели царские люди и вздивовались, а солдат им наказывает: «Приведите, братцы, да поживее двух кузнецов, да чтоб захватили с собой железную плиту и молоты». Те бегом

бросились в кузницу, и живо справили дело. Пришли кузнецы с железной плитой, с тяжелыми молотами. «Ну-ка,— говорит солдат,— снимите эту торбу да приударьте ее по кузнечному». Стали кузнецы снимать торбу и говорят промеж собой: «Ишь, какая тяжелая! Черти — что ли в ней напханы!» А черти откликаются: «Мы батюшки! Мы родимые!» Сейчас положили кузнецы торбу на железную плиту и давай молотами постукивать, словно железо куют. Жутко пришлось чертям, не в моготу стало терпеть: «Смилуйся! — заорали,— выпусти, служивой, на вольной свет, повек тебя не забудем; а уж в этот дворец ни один черт, ни ногой... всем закажем, за сто верст от него будем бегать!» Солдат остановил кузнецов, и только развязал торбу — черти так и прыснули, и пустились без оглядки в тартарары — в преисподнюю. А солдат не промах, ухватил одного старого черта, разрезал ему лапу до крови: «Подавай, говорит, расписку, что будешь мне верно служить!» Нечистой написал ему в том расписку своею кровью, отдал и наострил лыжи. Прибежали черти в пекло, переполошили всю нечистую

силу — и старых, и малых; сейчас расставили кругом пекла часовых и крепко-накрепко приказали караулить, чтоб как-нибудь ни пробрался туда солдат с торбою. Пришел солдат к царю. Так и так, говорит, очистил дворец от дьявольского наваждения. «Спасибо,— говорит ему царь,— оставайся жить у меня, стану тебя заместо брата почитать». Остался солдат при царе жить; всего у него вдоволь, денег куры не клюют, и задумал он жениться. Оженился, а через год после того дал ему Бог сына. Вот и приключилась этому мальчику хворь, да та кая — не может никто вылечить; уж сколько лекарей перебывало, а толку нет ни на грош. И вздумал солдат про того старого черта, что дал ему расписку, а в расписке написал: вечно де буду тебе верным слугою; вздумал и говорит: «Куда-то мой старой черт девался?» Вдруг явился перед ним тот самой черт и спрашивает: «Что твоей милости угодно?» — «А вот что: захворал у меня сынишка, не знаешь ли — как бы его вылечить?» Черт вытащил из кармана стакан, налил его холодной водою, поставил хворому в головы и говорит солдату: «Пооди-ка, посмотри на воду».

Солдат смотрит на воду, а черт его спрашивает: «Ну, что видишь?» — «Я вижу: в ногах у моего сына стоит Смерть». — «Ну, коли в ногах стоит, то будет здоров; а если бы Смерть в головах стояла — то непременно бы помер!» Потом берет черт стакан с водою и брызнул на солдатского сына, и в ту же минуту он здоров сделался. «Подари мне этот стакан,— говорит солдат,— и больше ничего от тебя не надо!» Черт подарил ему стакан, а солдат воротил назад расписку. Сделался солдат знахарем, стал лечить бояр и генералов; только посмотрит в стакан — и сейчас скажет, кому помереть, кому выздороветь.

Вариант 1: Жил-жил, и пришло ему время умирать. Посылает Господь ангелов вынуть его душу. Вот ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствам и спрашивают у Бога: куда пракажет эту душу — в рай или ад? «Посадите ее в муку вечную, сказал Господь; она сама отказалась от царства небесного!» Посадили солдата в муку вековечную. Вот он осмотрелся и видит: висят кругом котлы с горячею смолою, а в котлах грешные души мучатся, плачут и скрежещут зубами. Обступи-

ли солдата черти: «Ну, служивой, пора и тебе в котел отправляться!» — «Вы меня котлом не страшайте, а давайте-ка лучше играть в карты». — «Нет, брат, полно! Мы с тобой играть не станем». — «А вот же врете; станете играть, только торбу вам показать...» — «Ништо она с тобою?» — «Со мною». Перепугались черти: «Давай, служивой, карты!» Вот и стали они играть на грешные души. Солдат обыграл. «Ну, тепер ты здесь хозяин!» — сказали ему черти. А он тому и рад, повыпускал из котлов все грешные души, построил их по солдатски в три шеренги и повел прямо к райским дверям. «Отпирай ворота!» — кричит солдат. Апостол Петр говорит «Постой пойду у Бога спрошу». — «О чем же ты прежде думал?» Пошел апостол Петр к Богу: «Господи! — говорит,— пришел к райским дверям солдат и привел с собой из пекла многое множество грешных душ». — «Прими от него по счету, а самого не пущай в рай». Вот апостол Петр отпер райские двери и стал примать души — все по одной. А солдат: «Эх, брат, ты и считать не умеешь! А ты вот как считай: раз, два, три — ступай туды! Раз, два, три — и я ту-

ды!»— и полез было в рай. Апостол Петр схватил его за руку: «Нет,— говорит,— погоди! Ты сам не пожелал себе царства небесного, на себя и пеняй!»

Вариант 2: Посадили солдата в ад, увидел он у черта два большие ключа и спрашивает: «Что это за ключи?» — «Один от котла, другой от холодной горницы». — «А там что?» — «В котле кипят грешные души, а в холодной горнице мерзнут...» — «Давай играть в карты на эти ключи!» — «Давай!» Солдат выиграл ключи и выпускал на волю все грешные души. Пришел черт: «Служивой! Куда девал ты грешные души?» Солдат показывает себе на грудь и говорит: «Вот ана грешная душа!» Побежал черт к своим товарищам: «Ну, братцы! Солдат все грешные души поел! Пожалуй, и до нас доберется». И тут же выгнали его из пекла. Собрал солдат всех выпущенных из котла и холодной горницы грешников и повел в царство небесные. «Кто идет?» — спрашивают солдата.— «Я с грешными душами»,— «Сюда грешных не примают, здесь рай!» — «Знаю, чти край; от того и не иду дальше.»»

Случилось самому царю захворать; призывали солдата. Вот он налил в стакан холодной воды, поставил царю в головы, поглядел — и видит, что Смерть тут же в головах стоит. И говорит солдат: «Ваше царское величество! Никто тебя не сможет вылечить, Смерть в головах уж стоит; всего-на-всего только три часа и осталось тебе жить!» Царь услышал эти речи и сильно на солдата озлобился: «Как так? — закричал на него, — ты многих бояр и генералов вылечивал, а меня не хочешь? Сейчас прикажу казнить тебя смертью!» Вот солдат думал-думал: что ему делать? И начал просить Смерть: «Отдай, — говорит, — царю мой век, а меня умори; все равно придется мне помереть — так уж лучше помереть своею смертью, чем лютую казнь претерпеть!» Посмотрел в стакан и видит, что Смерть стоит у царя в ногах. Тут солдат взял воду и сбрызнул царя: стал он совершенно здоров. «Ну, Смерть! — говорит солдат, дай мне сроку хоть на три часа, только домой сходить да с женой и сыном проститься», — «Ступай!» — отвечает Смерть. Пришел солдат домой, лег на кровать и крепко разболелся. А

Смерть уж около него стоит: «Ну, служивой! Прощайся, скорее, всего три минуты осталось тебе жить на свете». Солдат потянулся, достал из-под голов свою торбу, распахнул и спрашивает: «Что это?» Смерть отвечает: «Торба». — «Ну, коли торба, так полезай в нее!» Смерть прямо в торбу и шурхнула. Солдат — куда и хворь девалась — вскочил с постели, завязал торбу крепко-накрепко, взвалил ее на плеча и пошел в леса Брянские, дремучие. Пришел и повесил эту торбу на горькой осине, на самой вершине, а сам воротился домой.

С той поры не стал народ помирать: рождаться-рожается, а не помирает! Вот прошло много лет, солдат все торбы не снимает. И случилось ему идти по городу. Идет, а навстречу ему эдакая древняя старушка: в которую сторону подует ветер, в ту сторону и валится. «Вишь, какая старуха! — сказал солдат, — чай, давно уж помирать пора!» — «Да, батюшка! — отвечает старушка, — мне давно помереть пора, еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете один только час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не прима-

ет, и тебе, служивой, за это от Бога непрощенный грех! Ведь не одна душа на свете так же, как я, мучится!» Вот солдат и стал думать: «Видно, надобно выпустить Смерть-та; уж пускай уморит меня... И без того на мне грехов много; так лучше теперь, пока еще силен, отмучаюсь на том свете; а как сделаюсь крепко стар, тогда хуже будет мучиться». Собрался и пошел в Брянские леса. Подходит к осине и видит: висит торба высоко-высоко и качает ее ветром в разные стороны. «А что, Смерть, жива?» — спрашивает солдат. Она из торбы едва голос подает: «Жива, батюшка!» Снял солдат торбу, развязал и выпустил Смерть, и сам лег на кровать, прощается с женою и сыном и просит Смерть, чтоб уморила его. А она бегом за двери, давай Бог ноги: «Пущай,— кричит,— тебя черти уморят, а я тебя морить не стану!»

Остался солдат жив и здоров, и вздумал: «Пойду-ка я прямо в пекло; пущай меня черти бросят в кипучую смолу и варят до тех пор, покуда на мне грехов не будет». Простился со всеми, и пошел с торбою в руках прямо в пекло. Шел он, близко ли далеко, низко ли высоко, мелко ли глубоко, и пришел таки в

преисподнюю. Смотрит, а кругом пекла стоят часовые. Только он к воротам, а черт спрашивает: «Кто идет?» — «Грешная душа к вам на мучение». — «А это что у тебя?» — «Торба». Заорал черт во все горло, ударили тревогу, сбегалась вся нечистая сила, давай запираť все двери и окна крепкими запорами. Ходит солдат вокруг пекла и кричит князю пекельному: «Пусти, пожалуйста, меня в пекло; я пришел к вам за свои грехи мучиться». — «Нет, не пушу! Ступай, куда знаешь; здесь тебе места нету», — «Ну, коли не пуцаешь меня мучиться, то дай мне двести грешных душ; я поведу их к Богу, может, Господь и простит меня за это!» Князь пекельный отвечает: «Я тебе еще от себя прибавлю душ пятьдесят, только уходи отсюда!» Сейчас велел отсчитать двести пятьдесят душ и вывести в задние ворота так, чтобы солдат не увидел. Сказано, сделано. Забрал солдат грешные души и повел к самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «Такой-то солдат двести пятьдесят душ из пекла привел». — «Примите их в рай, но солдата не пуцайте». Только солдат отдал одной грешной душе свою торбу и приказал: «Смот-

ри, как войдешь в райские двери — сейчас скажи: полезай, солдат, в торбу!» Вот райские двери отворились, стали входить туда души, вошла и грешная душа с торбою, да о солдате от радости и забыла. Так солдат и остался, ни в одно место не угодил. И долго после того он жил-жил на белом свете, да вот только на днях помер.

(Все заимствованы из собрания В. И. Даля.)

Примечания

Смерть является здесь не отвлеченным понятием, а, согласно древнейшему представлению, живую, олицетворенную; такую видим ее и в другой легенде («Пустынник»), и в немецких сказках, о чем подробнее будет сказано ниже, и в известной «Повести о бодрости человеческой» (начало: «Человек некий ездящий по полю чистому, по раздолью широкому, конь под собою имея крепостию обложен, зверовиден...»). Повесть эта попадает в во многих рукописях XVII и XVIII столетий; составляя любимое чтение грамотного люда, она перешла в устные сказания и на лубочную картину. Приводим здесь народный рас-

сказ об Анике-воине в том виде, в каком записан он в нашем собрании.

«Жил-был Аника воин; жил он двадцать лет с годом, пил-ел, силой похвалялся, разорял торги и базары, побивал купцов и бояр, и всяких людей. И задумал Аника-воин ехать в Иерусалим-град — церкви Божьи разорять; взял меч и копьё и выехал в чистое поле на большую дорогу. А навстречу ему Смерть с острою косою». «Что это за чудище! — говорит Аника-воин. — Царь ли ты царевич, король ли королевич?» — «Я не царь-царевич, не король-королевич, я твоя Смерть — за тобою пришла!» — «Не больно страшна: я мизинным пальцем поведу — тебя раздавлю!» — «Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на белом свете храбрых могучих богатырей — я всех одолела. Сколько побил ты народу на своем веку — и то не твоя была сила, то я тебе помогала». Рассердился Аника-воин, напускает на Смерть своего борзаго коня, хочет поднять ее на копьё булатное, но рука не двинется. Напал на него велий страх, и говорит Аника-воин: «Смерть моя Смерточка! Дай мне сроку на один год». Отвечает

Смерть: «Нет тебе сроку и на полгода». — «Смерть моя Смерточка! Дай мне сроку хоть на три месяца». — «Нет тебе сроку и на три недели». — «Смерть моя Смерточка! Дай сроку хоть на три дни». — «Нет тебе сроку и на три часа». И говорит Аника-воин: «Много есть у меня и сребра, и золота, и камня драгоценного; дай сроку хоть на один час — я бы роздал нищим все свое имение». Отвечает Смерть: «Как жил ты на вольном свете, для чего тогда не раздавал своего имения нищим? Нет тебе сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился он с коня и упал мертвой».

Народные русские поверья представляют Смерть вечно голодною, пожирающею все живое; в первом списке напечатанной нами легенды — когда солдат заставил ее несколько лет глотать одни лесные деревья, Смерть так отошчала, что едва ноги двигала.

В аду солдат до того надоел чертям, что они долго не знали, как его выжить, и, наконец, уже вызвали его из этого теплого места, ударив в барабан тревогу.

Подробный рассказ есть о матросе Проньке.

«Был матрос Пронька; всю службу свою слыл горькой пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушал в два приема без отдыха. Что там ему не говори, только и услышишь: «Пей да дело разумей! Пьян да умен — два угожья в нем! Пьяница проспится, дурак никогда!» И впрямь дело он разумел, от работы не отказывался, говорил всегда правду, и все его любили и берегли. Раз как-то Великим постом стал говорить ему священник: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравен час — во хмелю умрешь; ведь смерть ходит не за горами? Ну, что тогда скажешь ты, как пьяной предстанешь пред Шспода?» А он в ответ: «Батюшка! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: всю правду, значит, скажу перед Богом».

Как сказал священник, так и случилось. С каких — уж не знаю — радостей сильно подпил Пронька, да видно слишком на себя понадеялся, полез на мачту и свалился оттуда прямо в воду. Вот по-сказанному, как по-писанному, явился он на тот свет пьянешенек и не

знает, куда идти? А там, дело известное, и для трезвого потемки; так пьяному-то просто беда! Вот пошла ранжировка да перекличка, кого куда; матросов-горемык — известно всех в рай назначают, и Проньку вскричали туда ж. А он бурлит себе, замешался в толпу, и попал в ад; шумит там пуще всех, только другим мешает... Много было хлопот, чтобы вывести его из ада, долго не могли с ним справиться; да уж Никола Морской догадался, взял боцманскую дудку, стал у райских дверей и засвистал к вину. Как услышал Пронька, сейчас бросился из ада вон и в ту ж минуту явился, куда следует». (Из собрания В. И. Даля).

Особенно интересны подробности в третьем списке легенды о «Солдате и Смерти». Подробности эти совершенно сходны с теми, какие встречаем в немецкой сказке. И здесь, и там — одинаков рассказ о том, как получает солдат чудесную торбу (ранец), как заключает в нее чертей и освобождает от нечистой силы покинутый дворец. Только нет в немецкой сказке той проделки со Смертью, вследствие которой попадает она в торбу и несколько лет висит в лесу на осине; да сверх

того в окончании находим следующее изменение: приходит солдат к небесным вратам и стучится: на страже стоял тогда св. Петр: «Ты хочешь в рай»? — спрашивает апостол. «В аду меня не приняли,— говорит солдат,— пусти в рай»,— «Нет, ты сюда не войдешь!» — «Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назад ранец; я ничего не хочу от тебя иметь». И вместе с этими словами просунул свой ранец сквозь райскую решетку. Св. Петр взял ранец и повесил возле своего кресла. Тогда сказал солдат: «Теперь я желаю сам быть в моем ранце». И в миг он очутился там, и св. Петр принужден был оставить его в раю.

Далее, в русской легенде встречаем эпизодический рассказ о том, как черт научил солдата лечить: он дал ему чародейный стакан, в котором — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возле больного — непременно увидишь, где стоит Смерть, у изголовья или в ногах хворающего: в последнем случае стоит только взбрызнуть его водою из стакана — и в ту же минуту он встанет здоров и невредим. Этот любопытный эпизод развит у немцев в особенной сказке «Der Gevatter Tod»

(в собрании сказок братьев Гримм, ч. 1, № 44).

Жил-был бедняк, у него было двенадцать детей; и день, и ночь работал он, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенок, он уже не знал, чем пособить себе в нужде; вышел на большую дорогу и решил, что первого кого встретит, взять в кумовья. Первый встречный ему был сам Господь; зная, что у него было на душе, он сказал: «Мне тебя жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка, буду заботиться о нем и сделаю его счастливым». — «Но кто ты?» — «Я Господь». — «Нет, не возьму тебя в кумовья. Ты наделяешь богатых, а оставляешь голодать бедных». Так сказал бедняк, потому что не ведал он, как премудро распределяет Бог и богатства, и нищету. Повернулся он и пошел дальше. Навстречу ему — дьявол, и говорит: «Возьми меня в крестные отцы твоему ребенку; я наделю его грудями золота и всеми наслаждениями жизни». — «А ты кто?» — «Я дьявол». — «Нет, ты искушаешь и обманываешь человека». Пустился в путь дальше; идет костлявая Смерть и говорит: «Возьми меня кумом». — «Кто ты?» — спрашивает бедняк. «Я

Смерть, которая всех уравнивает». — «Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатых, ни бедных, и ты будешь моим кумом». В назначенный день пришла Смерть, и крещение было совершено.

Когда мальчик подрос, он пошел однажды навестить своего крестного. Смерть повела его в лес, указала на одну траву, которая там росла, и сказала: «Вот тебе дар от твоего крестного. Я сделаю тебя славным лекарем. Всякий раз, как позовут тебя к больному, ты меня увидишь: если буду я стоять в головах больного, то смело говори, что можешь его вылечить; дай ему этой травы, и он выздоровеет. Но если я у ног больного — он мой! Тогда должен ты сказать, что всякая помощь будет напрасна, и что никакое лекарство в мире не в силах его спасти». В короткое время повсюду разнеслась молва о новом славном лекаре, которому стоит только взглянуть на больного, чтобы наверно узнать, будет ли он снова здоров или умрет. Со всех сторон звали его к больным, много давали ему золота, и вскоре он сделался богатым. Между тем случилось заболеть королю. Призвали лекаря и спроси-

ли, возможно ли выздоровление? Когда явился он у постели больного, Смерть стояла в ногах и никакое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мне хоть однажды перехитрить Смерть? — подумал лекарь. — Конечно, ей не понравится, но ведь я не даром ей крестник, и она верно посмотрит на это сквозь пальцы; дай, попробую». Он приподнял короля и уложил так, что Смерть очутилась в головах больного; тотчас дал ему травы, и король восстал совершенно исцеленный. Смерть подошла к лекарю, лицо ее было мрачно и гневно; она погрозила пальцем и сказала: «Ты обманул меня; на этот раз я тебя прощаю, потому что ты мой крестник; но берегись! Если попробуешь в другой раз сделать то же — я возьму тебя самого!»

Вскоре после того заболела тяжким недугом дочь короля; это бышо его единственное дитя, день и ночь он плакал и повсюду приказал объявить: кто спасет королевну от смерти, тот будет ее мужем и наследует все царство. Лекарь явился к постели больной, взглянул — Смерть стояла в ногах королевны. Ему припомнилось было, как предостерегал его

крестный отец; но изумительная красота королевны и счастье быть ее мужем рассеяли все опасения. Он не видел, что Смерть бросала на него гневные взгляды и грозила пальцем, приподнял больную и положил ногами к изголовью, дал ей травы — в ту ж минуту на щеках ее показался румянец, и жизнь воротилась к ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась к лекарю и сказала: «Теперь твоя очередь настала». Ухватила его своей ледяною рукою так крепко, что он не мог противиться, и повела в подземную пещеру. Там увидел он в необозримых рядах тысячи и тысячи возженных свеч: и большие, и наполовину сгоревшие, и малые. В каждое мгновение одни из них погасали, а другие вновь зажигались, так что огоньки при этих беспрестанных изменениях, казалось, перелетали с места на место. «Взгляни,— сказала Смерти,— это горят человеческие жизни. Большие свечи принадлежат детям, наполовину — сгоревшие людям средних лет, малые — старикам. Но часто бывает, что и дети, и юноши наделяются небольшою свечою». Лекарь просил показать,

где горит его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленький огарок, который грозил скоро погаснуть: «Вот, смотри!» — «Ах, милый крестный! — сказал устрешенный лекарь, — зажги мне новую свечу, позволь мне насладиться жизнью, быть королем и мужем прекрасной королевны». — «Это невозможно, — отвечала Смерть. — Прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю», — «А ты поставь этот догорающий остаток на новую свечу — так, чтобы она тотчас же зажглась, как скоро он потухать станет». Смерть притворилась, что хочет исполнить желание своего крестника, взяла новую большую свечу, но, приставляя к ней старый огарок, нарочно, из мщенья, его уронила; пламя погасло, и в ту ж минуту лекарь упал наземь и сделался добычею смерти.

Подобный же рассказ известен и у венгров; только конец другой. Смерть крестит у одного бедняка новорожденного младенца; подпивши на крестинах и развеселясь, она наделяет своего кума чудесною силою исцелять больных, хотя б они были при самом последнем издыхании: стоит только ему коснуться по-

стели умирающего или стать пред его кроватью — и больной тотчас выздоровеет; сам же он должен умереть тогда, когда скажет аминь. Прежний бедняк делается лекарем и скоро богатеет. Прошло несколько лет, и вздумал он навестить Смерть. Только что поехал в путь, как встретил плачущего ребенка; он взял его к себе и спросил: «О чем ты плачешь?» — «Ах,— сказала дитя,— как мне не плакать? Отец прибил меня за то, что я не знаю в молитве одного слова». — «Какое ж это слово? Отче наш?» — «Нет, не то!» Лекарь проговорил всю молитву до самого конца, но ответ был один: «Нет, не то!» — «Так верно, аминь?» — сказал он, наконец. «Да, сказала Смерть (это она явилась в виде плачущего ребенка); да, аминь!... и тебе кум, аминь!» И он тут же умер; сыновья его разделили между собой все богатство, и если не умерли, то до сих пор здравствуют на белом свете.

Г. Максимович записал русский народный рассказ о мужике и Смерти, в котором то же самое содержание, но обстановка и подробности другие: «Мужик косил сено. Вдруг коса обо что-то зацепилась и зазвенела. «Нашла

коса на камень!» — сказал мужик. «Да, Похоже на то!» — проговорила кочка. Мужик смотрит: кочка подымается, закурилась и стала из нее Смерть. С испугу он замахнулся на нее косяю. «Постой!» — говорит Смерть. — Не шали, я тебе пригожусь; я тебя сделаю лекарем; только смотри, берись лечить тех, у кого буду стоять в ногах; станешь вылечивать непременно; если ж увидишь меня в головах у кого, отказывайся». Сказав это, Смерть пропала. Пошел мужик в Москву и принялся лечить. За кого ни возьмется, как рукой болезнь снимет! Пронеслась о нем слава, от больных отбою нет; разбогател он и зажил в каменном доме. Один раз зовут его к богатому купцу. Приходит он; видит, что Смерть в головах, и не берется лечить. «Сделай милость полечи! Что хочешь возьми...» — «Право не могу!» — «Вот тебе сейчас пятьсот рублей, а вылечишь, дадим пять тысяч — вот и вексель!» — «Пять тысяч деньги! — думает мужик. — Дай попытаюсь!» Дал своего снадобья и ушел до завтра. Только что принял больной лекарство, как тут же и дух вон. На другой день приходит мужик к купцу лечить; только уж его самого

там попользовали, да так ловко, что к вечеру он слег в постелю. Оглянется — а Смерть у него в головах. «Плохо дело! — думает мужик. — Как быть?» И говорит своим: «Неловко что-то лежать мне; положите-ка меня к изголовью ногами». Переложили его; глядит он: Смерть всё в головах. «Ох, все неловко! — говорит он. — Придвиньте-ка плотнее кровать к стене да положите меня поперек. Повернули его и так; глядит, а Смерть все в головах, и шепчет ему на ухо: «Полно, брат! Не отвертишься...» Через день после похорон купца, и мужика снесли на кладбище».

Видение

А. Шел прохожий и выпросился ночевать к одному дворнику. Накормили его ужином, и улегся он спать на лавочку. У этого дворника было три сына, все женатые. Вот после ужина разошлись они с женами спать в особые клетки, а старик-хозяин взобрался на печку. Прохожий проснулся ночью и увидал на столе разной гад; не стерпел такой срамоты, вышел из избы вон и зашел в ту клетку, где спал большой хозяйской сын; здесь увидал, что дубинка бьется от полу до самого потолка. Ужаснулся и перешел в другую клетку, где спал средний сын; посмотрел, а меж им и женою лежит змий и дышит на них. «Дай еще испытаю третьего сына»,— подумал прохожий и пошел в иную клетку; тут увидал кунку (куницу): перескакивает с мужа на жену, с жены на мужа. Дал им покой и отправился в поле; лег под зород (большая куча, стог — Оп. обл. великор. слов.) сена, и слышалось ему — будто какой человек в сене стонет и говорит: «Тошно животу (скотине) моему! Ах, тошно животу моему!»

Прохожий испугался и лег было под суслон ржаной; и тут послышал голос, кричит: «Постой, возьми меня с собой!» Не поспалось прохожему, воротился к старику-хозяину в избу, и зачал его старик спрашивать: «Где был, прохожий?» Он пересказал старику все виденное да слышанное: «На столе,— говорит,— нашел я разной гад, оттого что после ужина невестки твои ничего, благословясь, не собрали и не покрыли; у большого сына бьется в клетки дубинка, это оттого, что хочется ему большаком (старшим, главным в доме, хозяином) быть, да малые братья не слушаются: бьется то не дубинка, а ум-разум его; промеж среднего сына и жены его видел змия — это потому, что друг на друга вражду имеют; у меньшого сына видел кунку — значит, у него с женой благодать Божья, живут в добром согласии; в сене слышал стон — это потому: коли кто польститя на чужое сено, скосит да сметет в одно место со своим, тады чужое-то давить свое, а свое стонет, да и животу тяжело; а что колосье кричало: «Постой, возьми меня с собой! — это, которое с полосы не собрано, оно-де говорит: пропаду, соберите ме-

ня!» А после сказал прохожий старику: «Наблюдай, хозяин, за своей семьей: большому сыну отдай большую и во всем ему помогай; среднего сына с женою разговаривай, чтобы жили советнее; чужого сена не коси, а колоше с полос собирай дочиста». Распростился с стариком и пошел в путь-дорогу.

В. Ходил по миру старенькой старичок, и попросился ночевать к одному мужику. «Пожалуй, говорит мужик, я тебя пущу; только станешь ли всю ночь сказывать мне сказки?» — «Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть», — «Ну, ступай!» Вошел старичок в избу и лег на полати. Хозяин говорит; «Подика, почтенной, поужинай». Старичок слез и поужинал. «Ну, старичок, сказывай сказку». — «Погоди, лучше я поутру расскажу», — «Ладно!» Улеглись спать.

Вот старик проснулся в ночи и видит: теплятся перед образами две свечки и порхают по избе две птички. Захотелось ему напиться; слез он с полатей, а по полу так и бегают ящерицы; подошел к столу, а там лягушки прыгают да крикают. Посмотрел на старшего хозяйского сына, а промеж им и женою змея ле-

жит; посмотрел на второго сына — на его жене кошка сидит, на мужа рот разинула; глянул на меньшого сына, а промеж им и женою младенец лежит. Страшно показалось старичку, пошел он и лег в гувне (овин — Оп. обл. великор. слов.), а тут кричат: «Сестра! Сестра! Прибери меня». Лег под изгородой, и тут кричат: «Выдерни да вторни (воткни — *ibidem*) меня!» Лег под чугуна, здесь кричит: «На бобре вешу, на бобер упаду!» Пошел старичок опять в избу.

Просыпается хозяин и говорит: «Ну, сказывай сказку!» А старичок ему: «Я не сказки буду тебе сказывать, а правду. Знаешь ли, что я в твоём доме видел? Проснулся я и вижу: теплится перед образами две свечки, а по избе две птички перепархивают»,— «Это мои два ангела перепархивали!» — говорит хозяин. «Да ещё видел я: про меж старшим твоим сыном и его женою змея лежала».— «Это оттого, что они в ссоре»,— «Глянул я ночью и на другого сына, а на его жене кошка сидит, на мужа рот разинула»,—

«Это значит, что они не дружно живут, хочет жена мужа известь». «А как посмотрел на

меньшого сына, так меж ним и женою младенец лежал». — «Это не младенец, ангел лежал, оттого что живут они дружно, согласно». — «Отчего же, хозяин, как слез я с полатей, так по полу ящерицы бегали; а как подошел к столу и хотел испить, так по нем лягушки прыгали да крякали?» — «Оттого, — сказал хозяин, — что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметут, а квас как нацедят в кружку, так, не благословясь, и поставят на стол». — «Пошел было я спать на гувно, а там кричат: сестра! сестра! Прибери меня». — «А это вот что значит: сыновья мои никогда метел, благословясь, на место не поставят!» — «Потом лег я под изгороду, а там кричат: выдерни, да вторни!» — «Это значит, что изгорода вверх низом поставлена». — «Потом лег я под чугун, а там кричат: на бобре вешу, на бобер упаду». Хозяин говорит: «А это вот что — коли я помру, то и весь дом мой опустится!» (Из собрания В. И. Даля; первая записана в Архангельской губернии, а вторая — в Зубовском уезде Тверской губернии).

Примечания

Поэтическому взгляду поселянина все в природе представляется живым, одушевленным: это отразилось в тысяче различных примет, сказалось в заговорах и песнях, запечатлелось в самом языке и преданиях. Несобранные с нивы колосья просят его: «Возьми нас с собой!» Свое сено, скошенное с собственного луга, стонет под гнетом чужого, захваченного с соседского участка. Изгородь, поставленная в землю верхними концами, упрашивает выдернуть ее и вбить в землю нижними концами; по народному поверью, колья в заборе должны стоять точно так, как стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнем книзу.

Соединяя с крестным знаменем великую силу, прогоняющую нечистых духов, простолюдин убежден, что ни одно дело не следует начинать, «не благословись»; в противном случае не жди удачи (см. «Пустынник»). Если где стряпуха готовит обед или ужин, не благословясь, если где питье и ествы ставятся на стол без крестного Знамения, то в этот дом

приходят черти, пьют и едят вместе с хозяевами, пляшут и поют срамные песни; к благословенному же столу ни один бес не может приблизиться (см. «Пустынник и дьявол»).

Лубочная картина представляет две трапезы: «трапезу благочестивых людей, ядущих с благодарением: ангел Господень предстоит им, благословляет, а бесы прогоняет, Христовою силою помрачает» и «трапезу неблагодарных людей, празднословцев, кощунов, скверноглаголющих, ядущих без благословения: ангел Господень отврати лице свое от них, отиде — стоя плачет яко видит: бесы веселящееся с ними». Сосудов и кринок с разными кушаньями и напитками не советуют оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражья сила не осквернила их; если нечем покрыть, то должно перекрестить, или, по крайней мере, положить сверху две лучины накрест. В легенде «Потанька» черт Потанька влезает в опару, приготовленную без благословения; в другой легенде — «Поездка в Иерусалим» — нечистый садится в кувшин с водою, оставленный непокрытым.

Между поселянами нашими ходит рассказ

об одном мужике, который подпил на свадьбе и был уведён чертом. Целых три года пропал он без вести, да раз как-то под праздник сошлось в торговой бане бесовское сборище и мужика с собой привело; давай пировать, плясать, песни распевать! До того загулялись, что петухи запели — и в ту ж минуту сгинули все черти. Остался один мужик в бане, начал он стучать в двери и насилу достучался, чтоб отперли. Сторожа выпустили его из бани, смотрят — мужик весь в лохмотьях, чуть не голый вышел: так обносился! И дивуются все, как попал он в баню; стали его расспрашивать. Мужик рассказал, что целые три года таскался с чертями по разным местам: «Где свадьба или какой праздник, там и нечистые завсегда; придут и засядут на печке, а как станут хозяева подавать на стол неблагословенное кушанье, они тотчас подхватят то блюдо себе, все наготовленное съедят, а вместо еды накладывают на блюдо всякой погани. То же самое и с питьем: вино ли, мед ли подадут, не благословясь,— они дочиста опорожняют посудину, да и нальют туда чего хуже не выдумаешь!»

Потанька

Одна баба, не благословесь, замешала опару. Прибежал бес Потанька да и сял. А баба и вспомнила, што, не благословесь, замешала опару, пришла да и перекрестила: Потаньке выскочить-то и нельзя. Баба процедила опару и вывалила Опарины на улицу, а Потанька все тут. Свињи перепехивают ево с места на место, а вырватца не можот; да чрез трои суд(т)ки кое-как выбился и без оглядки убежал. Прибежал к товарищам; те спрашивают: «Где был, Потанька?» — «Да будь она проклятая баба! Опару,— говорит,— замесила ли, завела ли, не благословесь». Пришел да и сел. Она взяла да меня и перекрестила, дак насилу вырвался чрез трои судки: свињи перепехивают меня с опариной, а я выбитца не могу; теперь в жиз(н)ь мою никогда не сяду к бабе в опару! (Записана в Пермской губернии Шадринского округа в заштатном городе Долматове государственным крестьянином Александром Зыряновым.)

Поездка в Иерусалим

Какой-то архимандрит (в)стал к заутрине; пришел умыватца, видит в рукомой(ни)ке — нечистой дух, взял ево да и заградил (крестом). Вот дьявол и взмолился: «Выпусти, отче! Каку хошь налош(ж)ь службу — сослужу!» Архимандрит говорит: «Свозишь ли меня между обедней и заутреней в Иерусалим?» — «Свожу, отче, свожу!» — Архимандрит ево выпустил и после заутрины до обедни успел съездить в Иерусалим, к обедне поспел обратно. После забрали как-то справки,— все удивились, как он скоро мок(г) съездить в Иерусалим, спросили ево, и он рассказал это.

(Записана там же государственным крестьянином А Зыряновым.)

Примечания

Сличи с рассказом «Пустынник и дьявол». Источником этой легенды послужило известное сказание «о великом святители, о Иванне, архиепископе Великого Новаграда, како был единой ноци из Новаграда в Иерусалиме-граде и паки възвратися», занесенное в Четьи-Минеи и во многие старинные сборники житий.

Перейдя в область народной литературы, сказание это, без сомнения, должно было подчиниться различным переделкам и изменениям; в устах народа появилось оно во множестве вариантов, далеко отступающих от своего первоначального источника, но, тем не менее, любопытных своими характеристическими подробностями.

Вот один из этих вариантов из собрания сказок В. И. Даля.

В старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и ружьем выкидывать, был-жил в Питере солдат, смелой да бойкой! Служил он ни хорошо, ни худо; на дело не напрашивался, от безделья

не отказывался. Вот досталось ему однажды стоять на часах в Галерном порте и как нарочно в самую полночь. Пошел он с Богом, перекрестясь, и сменил товарища; стоит себе, да от нечего делать выкидывает ружьем на караул. Глядь — идет к нему нечистой; солдат не сробел, а хотя б и струсил, так что ж делать? От черта не в воду! «Здорово, служба!» — говорит черт. «Здравие желаю!» — «Почуи, пожалуйста, меня на караул выкидывать; долго приглядываюсь, а никак понять не могу». — «Прямой ты черт! — сказал солдат. — Да где же тебе понять-то? Я вот десять лет служу, и нашивку имею — а все еще учуся»; уж и колотушек перенес не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нет, брат, уж это больно скоро да и дешево!» — «Почуи, служивый!» — «Пожалуй, только за что сам купил, за то и тебе продам». Поставил солдат черта во фронт, и для почину как свиснет его во всю мочь прикладом по затылку, ажио пошатнулся нечистой. «А! Так ты еще нагибаешься во фронте!» и давай его лупить по чем попало; отсчитал ударов десять, и видит, что черт только ножками подергивает, а

кричать совсем перестал... «Ну,— говорит,— ступай теперь! На первой раз довольно будет. Хоть мне и жаль тебя, да что делать? Без того нельзя. Сам ведаешь, служба всего выше, а во фронте, брат, нету родни!» Тошнехонек пришелся черту первой урок; но солдат говорит, что без муки не бывает науки; стало быть — так надо: ему лучше знать! Поблагодарил черт за ученье, дал солдату десять золотых и ушел. «Эка! — думает солдат.— Жалко, что мало бил! То ли дело, кабы разов двадцать ударил: глядишь, он бы двадцать золотых дал!»

Ровно через неделю досталось солдату опять стоять на часах и на том же самом месте. Стоит он, выкидывает ружьем разные приемы, а на уме держит: «Ну, коли теперь явится нечистой, уж я свое наверстаю!» В полночь откуда ни взялся — приходит нечистой. «Здравствуй, служба!» — «Здорово, брат! За чем пришел?» — «Как зачем? Учиться». — «То-то и есть! А то хотел с разу все захватить! Нет, дружище, скоро делают, так слепые родятся... Становись во фронт! — командует солдат.— Грудь вперед, брюхо подбери, глаза в начальство уставь!» Долго возился он с чертом, мно-

го надавал ему тузанов и колотушек и таки выучил нечистого делать ружьем: и на плечо, и к ноге, и на караул. «Ну,— говорит,— теперь ты хоть к самому сатане на ординарцы, так и то не ударишь лицом в грязь! Только разве в том маленькая фальшь будет, что хвост у тебя сзади велик. Ну-ка, повернись налево кругом!» Нечистой повернулся, а солдат вынул из кармана шейной крестик, да потихоньку и нацепил на черта. Как запрыгает черт, как закричит благим матом! «А что, разве это вам чертям не по нутру?» — спрашивает солдат. Черт видит, что в впросак попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякого богатства. Солдат не прочь от денег, и велел притащить ни мало, ни много — целый воз. В минуту все было готово: черт притащил целой ворох денег, солдат спрятал их в овраге и закрестил. «А то,— говорит,— вы, бесовская сволочь, нашего брата православного только обманываете, вместо золота уголь насыпаете!» — «Что ж, служивой! — молит бес — Отпусти меня, сними свой крестик». — «Нет, брат, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мне и другую службу. Вот уж десять лет, как

не был я дома, а там у меня жена и детки остались; смерть хочется побывать на родине да на своих посмотреть. Свози-ка меня домой. Я, брат, не из дальних — из Иркутской губернии. Как свозишь, тогда и крест сниму!» Черт поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошел солдат к начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчас же к нечистому; уселся на него верхом и крепко-крепко ухватился за рога. Черт как свиснет, как понесется — словно молния! Солдат только посматривает, как мелькают перед ним города и села: «Аи да молодец! Люблю запыть!» И не успел еще проговорить всего, глядь — уж и приехал. Слез солдат с черта: «Спасибо,— говорит,— вот удружил, так удружил! Ступай теперь, куда знаешь, а завтра на ночь приходи: назад поедем». Прогостил, пропировал солдат целых два дни, а к ночи попрощался с родными и воротился на черте в Питер как раз в срок. И вить, как измучил нечистого! Чуть-чуть рог ему не обломал! Снял он с него крест и не успел еще в кармане спрятать, глядь — а уж черта нет! И след простыл! С той самой поры

и не видал солдат черта; забрал он бесовские деньги и зажил себе припеваючи».

Есть еще другая сказка о том, как черт выучился маршировать и выделывать ружьем всякие штуки, и пошел наниматься в солдаты. Один бедный мужик заложил ему свою душу и поставил его вместо себя в рекруты. Плохо пришлось дьяволу, одних палок сколько обломали об его спину, а тут еще белые ремни носи накрест: просто хоть удавиться! Крепился-крепился, не выдержал и бежал со службы; не польстился и на душу.

В приведенном нами рассказе, равно как и в легенде «Солдат и Смерть», в ярких чертах выступает народный юмор, что по нашему мнению придает им особенно живой интерес. Вообще следует заметить, что в большей части народных русских сказок, в которых выводится на сцену нечистый дух, преобладает шутливо-сатирический тон. Черт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жалкая жертва обманов и лукавства сказочных героев: то больно достается ему от злой жены, то бьет его солдат прикладом; то попадает он под кузнечные моло-

ты, то обмеривает его мужик на целые груды
золота.

Пустынник и дьявол

А. Один пустынник молился тридцать три года, и видит, к какому-то царю ходят дьявола на обед, ивкают, гайкают (кричат, кличут), пляшут, скачут и песни поют. Один раз Поганька хромой отстал от дьяволов; пустынник вышел да и спрашивает его: «Куда вы так ходите?» — «Да ходим вот к такому-то царю на обед; у него все стряпухи делают все, не бьягословясь, нам и ладно!» Старик и думает, как бы об этом известить царя; а от царя носили ему обедать каждый день. Он принял ества да на тарелках взял и надписал, что дьявола к нему ходят на обед каждый день. Царь увидел эту надпись, тотчас всех людей переменял и поставил к стряпне людей набожных; за что они ни возьмутся — все говорят: «Господи, благослови!» Видит пустынник дьяволов — вперед шли, веселы и радостны, а назад идут, заунывны и печальны, и спрашивает опять Поганьку, что они не веселы? Тот только и сказал: «Молчи же! Уж мы тебе отплатим!» Не стал видать после того пустынник дьяволов. Один раз приходит к нему жен-

щина набожна. Он ее расспросил: кака, откуда? Те-други разговоры, стали винцо попивать и напились, стоворились венчатца; пошли, видят все готово, как и есть. Пришло время венцы надевать; уж начали — только надеть. Пустынник и перекрестился; дьявола отступились, и он увидел петлю; да после того опять тридцать три года молился, грехи замаливал! (Записана там же государственным крестьянином А Зыряновым)

В. Был пустынник, молился тридцать лет Богу: мимо его часто пробегали беси. Один из них хромой отставал далеко от своих товарищей. Пустынник остановил хромого и спросил: «Куда вы, беси, бегаете?» Хромой сказал: «Мы бегаем к царю на обед». — «Когда победишь назад, принеси мне солонку от царя; тогда я поверю, что вы там обедаете». Он принес солоницу. Пустынник сказал: «Когда победишь опять к царю обедать, забеги ко мне взять назад солоницу». Между тем на солонке написал: «Ты, царь, не благословясь, кушаешь; с тобой беси едят!» Государь велел, чтобы на стол становили все, благословясь. После того бесенки прибежали на обед и не мо-

гут подойти к благословенному столу, жжет их, и убежали назад.

Начали спрашивать хромого: «Ты оставался с пустынноиком; верно, говорил с ним, что мы на обед ходим?» Он сказал: «Я только одну солоницу приносил ему от царя». Начали беси хромого за то драть, для чего сказывал пустынноику. Вот хромой в отмщение построил против кельи пустынноика кузницу, и стал стариков переделывать в горно на молодых. Пустынноик увидел это, захотел и сам переделаться: «Дай-ка,— говорит,— и я переделаюсь!» Пришел в кузницу к бесенку, говорит: «Нельзя ли и меня переделать на молодого?» — «Изволь»,— отвечает хромой, и бросил пустынноика в горна; там его варил-варил и выдернул молодцом; поставил его перед зеркало: «Поглядись-ка теперь — каков ты?»

Пустынноик сам себе налюбоваться не может. Потом понравилось (захотелось) ему жениться. Хромой предоставил ему невесту; оба они глядятся не наглядятся друг на друга, любят не налюбуются. Вот надобно ехать к венцу; бесенок и говорит пустынноику: «Смотри, когда венцы станут накладывать, ты не

крестись!» Пустынный думает: как же не креститься, когда венцы накладывают? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидел, что над ним нагнута осина, а на ней петля. Если б не перекрестился, так бы тут и повис на дереве; но Бог отвел его от конечной гибели. (Из собрания В. И. Давыда.)

С. Жил-был святой пустынный, и вычитал он в Писании: все, чего ни пожелаешь, и все, чего ни попросишь у Бога с верою,— то Господь тебе и дарует. Захотелось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому стать,— думал он,— коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли ж царь и выдаст ее за такого старца!» Думал-думал и пошел к царю. Так и так, говорит, хочу взять за себя царевну замуж. А царь говорит: «Коли ты достанешь мне такой дорогой камень, какого еще никто не видывал, так царевна будет твоею женою». Воротился пустынный в келью; а черту давно уж досадно смотреть на его святое житие, пришел он соблазнять пустынного и стал сказывать ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влезть в этот кувшин

с водою?» — «Э! Да я, пожалуй, в пустой орех влезу, не только в кувшин!» — «Однако по-пробуй сюда влезть!» Черт сдуру влез в кувшин, а пустынник и начал его крестить. «Пусти меня; сделай милость, пусти! — заорал черт во все горло, — крест меня жжет, страшно жжет!» — «Нет, не пущу! Разве возьмешься достать мне такой дорогой камень, какого еще никто на свете не видывал — ну, тогда другое дело!» — «Достану, право слово, достану, только пусти!» Пустынник открестил кувшин; черт выскочил оттудова и улетел. Через малое время воротился он с таким дорогим камнем, что всякому на диво! Взял пустынник камень и понес к царю. Тот — делать нечего — велел царевне готовиться замуж за старца; а пустынник и говорит: «Не надо! Вишь, начитал я в Писании: что ни попрошу у Бога — то мне и сделает, вот мне и захотелось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой уж как было радовался, что смутил пустынника: «Вот-де женится на царевне, какое тут спасенье!»

В другой раз заспорил пустынник с чертом: «Не влезешь-де ты, окаянный, в орех сви-

стун (свищ)! Черт расхвастался и влез. Вот пустынный давай его крестить. «Пусти! — закричал нечистой, — пожалуйста, пусти! Меня огнем жжет!» — «Выпущу, коли пропоешь ангельские гласы!» — «Не смею, — говорит нечистой, — меня разорвут за это наши!» — «Одначе пропой!» Что делать? Согласился черт; вот выпустил его пустынный на волю, сам пал на колени и зачал Богу молиться, а нечистой запел ангельские гласы: то-то хорошо! То-то чудесно! Вишь, черт-то прежде были ангелы, оттого они и знают ангельские гласы. Как запел он — так и поднялся на небо: Бог, значит, простил его за это пение. (Записана издателем в Воронежской губернии, Бобровском уезде.)

Примечания

Передаем еще один рассказ о труженике и демоне-соблазнителе

Жил в лесу труженик, тридцать лет трудился он Богу, и сколько ни старалась нечистая сила — никак не могла его смутить. Стали черти промеж себя думать, что бы такое ему сделать; думали-думали, и вот как ухитрились. Оборотился один нечистой странником и пошел мимо кельи труженика, а другой ему навстречу, напал на него, словно разбойник, и давай душить. Труженик услышал шум и крики, схватил топор и бросился на помощь; только глядь — пустился разбойник бежать от него в сторону, а другой черт, что был странником, лежит да охает, едва дух переводит. «Помоги,— умоляет,— доброй человек, возьми в свою келью, пока с силами соберусь. Совсем было задушил окаянной!» Взял его труженик в свою келью; пожил нечистой день и два, и говорит старцу: «Спасенное твое дело! Много в нем благодати! Хочется и мне потрудиться; оставлю жену и детей и пойду к тебе под начало».

Вот стали они вместе трудиться, дни и ночи стоят на коленях и кладут поклоны. Еще старец иной раз устанет и вздремнет, а новой труженик совсем не знает устали. Прошло сколько-то времени, и стал нечистой говорить старцу: «Не добро нам вместе трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или друг дружку осудишь. Давай, перегородим келью надвое и станем жить всякой в своей половине». Так и сделали.

Раз как-то захотелось старику посмотреть, что делается у соседа; крепился он, крепился, и не выдержал. Взлез на перегородку и просунул голову; смотрит: стоят на столе бутылки с вином и разные скоромные ествы, а за столом сидит чудная-чудная красавица. «А, так ты за мной подсматривать!» — сказал нечистой; схватил его за бороду и перетащил на свою сторону — Выбирай теперь любое за свою провинность; хочешь — вина выпей или мяса съешь; хочешь — блуд сотвори. А не то, брат, прощайся с белым светом; у меня коротка расправа!» — «Как быть?» — думает старец, — что мне сделать? Если мяса съем — теперь пост, будет большой грех; если блуд сотво-

рю — грешнее того будет; выпью лучше я вина». Выпил один стакан, и сам не знает, отчего вдруг повеселел; а черт уж другой ему подставляет. Выпил и другой, и третий, и забыл про свое спасение: наелся скоромного и блуд сотворил. «Пойдем теперь воровать! — говорит нечистой.— Заодно уж грешить; семь бед — один ответ!»

Пошли ночью в деревню, залезли в кладовую и ну забирать что под руку попало. Черт нарочно как застучит: такого грохоту надедал, что хозяева проснулись, тотчас схватили старика и посадили его в тюрьму. А черт в ту ж минуту неведомо куда пропал. Наутро собрался народ и присудил повесить вора: «Этих старцев жалеть нечего; они не Богу молятся, а только норовят в клеть забраться!»

Привели вора на базарную площадь, встали на виселицу и накинули петлю на шею; вдруг, откуда ни взялся нечистой, стал к нему под ноги и начал его поддерживать. «Что,— спрашивает,— небось, испугался?» — «Как не испугаться! — говорит старец.— Смерть моя приходит». — «А ну, посмотри: не увидишь ли чего?» — «Вижу: обоз идет». — «А

велик?» — «Да так велик, что один конец уж давно проехал, а другого еще не видать!» — «С чем обоз?» — «Со старыми дырявыми лаптями». — «Это, брат, те самые лапти, что мы оттоптали в трудах и хлопотах, чтобы как-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?» — «Вижу: болото огнем горит, а в огне котлы кипят». — «Там и мы с тобой будем жить!» — сказал дьявол и столкнул старца со своих плеч. Так и погиб он на виселице смерти грешника.

(Из собрания В. И. Даля.)

ПУСТЫННИК

Было-жило три мужика. Один мужик был богатой; только жил он, жил на белом свете, лет двести прожил, все не умирает; и старуха его была жива, и дети, и внуки, и правнуки все были живы — никто не умирает; да что? Из скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужик слыл несчастным, ни в чем не было ему удачи, потому что за всякое дело принимался без молитвы; ну, и бродил себе то туда, то сюда, без толку. А третий-то мужик был горькой-горькой пьяница; все дочиста с себя пропил и стал таскаться по миру.

Вот одна сошлись они вместе, и отправились все трое к одному пустыннику. Старик захотелось выведать, скоро ли Смерть за ним прейдет, а несчастному да пьянице — долго ли им горе мыкать? Пришли и рассказали все, что с ними случилось. Пустынник вывел их в лес, на то место, где сходились три дорожки, и велел древнему старику идти по одной тропинке, несчастному — по другой, пьянице — по третьей: там, дескать, всяк свое

увидит. Вот пошел старик по своей тропинке, шел-шел, шел-шел, и увидел хоромы, да такие славные, а в хоромах два по па; только подступился к попам, они ему и гуторят: «Ступай, старичок, домой! Как вернешься — так и умрешь». Бесщастный увидел на своей тропинке избу, вошел в нее, а в избе стоит стол, на столе краюшка хлеба. Проголодался бесщастный, обрадовался краюшке, уж и руку протянул, да позабыл лоб-то перекрестить — и краюшка тотчас исчезла! А пьяница шел-шел по своей дорожке и дошел. до колодца, заглянул туда, а в нем гады, лягва, змеи и всякая срамота! Воротился бесщастный с пьяницей к пустыннику и рассказали ему, что видели. «Ну,— сказал пустынник бесщастному,— тебе николи и ни в чем не будет удачи, пока ни станешь ты за дело приниматься, благословясь и с молитвою; а тебе,— молвил пьянице,— уготована на том свете мука вечная — за то, что упиваешься ты вином, не ведая ни постов, ни праздников!» А старик-то древний пошел домой, и только в избу, а Смерть уж пришла за душою. Он и зачал просить: «Позволь еще пожить на белом свете, я

бы роздал свое богатство нищим; дай сроку хоть на три года!» — «Нет тебе сроку ни на три недели, ни на три часа, ни на три минуты!» — говорит Смерть. Чего прежде думал — не раздавал? Так и умер старик. Долго жил на земле, долго ждал Господь, а только как Смерть пришла — вспомнил о нищих. (Записана издателем в Воронежской губернии, Бобровском уезде)

Повесть о бражнике

Во дни неки посла Господь ангелов взяти души бражникову, и поставити ю у врат пречистого рая повеле. Бражник же нача талк(ит)ися во врата пречистого рая. И прииде ко вратам рая Петр апостол и рече: «Кто талкийся во врата пречистого рая?» И отвеща ему: «Аз ес(м)ь бражник, и желаю с вами в раю жити». И рече Петр апостол: «Отыде отсюда, человече; здесь бражники не водворяютца, ибо им изготовна мука вечная со блудниками вместе». И отвеща ему бражник «Господине, глас твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вем». — «Аз ес(м)ь Петр апостол, который имею(ет) ключи сего царствия славы», — «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего И(и)суса Христа иудеи на судилище к Каиафе поведоша и тебе вопрошали: ученик есть сего И(и)суса назарянина? — а ты трикраты от него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяние, и тебе не быть в раю; а я хеша и бражник — по вся дни Божие пил и за всяком корцом имя Господне прославлял, а не отрекался от него». Слыша Петр

ответ бражников, отыде от врат пречистого рая и сумнися о сем человеце бражнике.

Вторицею нача бражник талкитися у врат пречистого рая, и прииде ко вратам царь и пророк Давыд и рече: «Кто талкийся у врат пречистого рая?» И бысть глас к нему: «Аз есмь бражник, и желаю с вами в раю жити». И рече к нему царь Давыд: «Отыде, человеце, отсюда; здесь бражники не водворяютца, ибо им уготовано место в муку вечную со блудниками вместе». И отвеща бражник «Господине, глас твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вем». И рече к нему царь Давыд: «Аз есмь царь и пророк, который седяй со Авраамом и Исааком на лоне царствия сего и состави Псалтырь и песни троичныя». И бысть ответ бражников: «Помнише ли ты, царю Давыде, хогда бысть брань на Голиафы, тогда ты слугу своего Урию на войну услал, и тамо его смерти предати повелел, а жену его к себе в прелюбодеяние приял? Аще бы не были твои слезы и покаяние, и тебе не быть бы в раю». Слыша сие, царь Давыд отыде и сумнися о сем человеце. Бражник же нача третицею талкитися у врат пречистого рая. И прии-

де ко вратам Иоанн Богослов и рече: «Кто талкийся у врат пречиистаго рая?» И отвеца ему: «Аз есмь бражник, и желаю с вами вместе в раю жити». И рече Иоанн Богослов: «Отыде отсюда, человече; здесь бражники не водворяютца, ибо им уготовано место во огонь кремечный с прелюбодеями вместе». Отвеца бражник «Господине, глас твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вем».— «Аз есмь Иоанн Богослов, друг Христов, наперсник, возлюбленник и девственник».— «О господине, Иоанне Богослове! Не сам ли ты написал во Евангелие(и), что любите друг друга, а ты ныне меня ненавидишь и в раю жити не водворяешь; или отрекися от письма руки своей, или вырви из книги лист тот, который написал ты сам!» Отыде Иоанн Богослов и сумнися о сем человеце, и повеле апостолу Петру впустить его во царствие небесное. (Замыслована из рукописи 18-го столетия).

Примечания

В собрании рукописей Царского, в сборнике начала XVIII века, находится между прочим: «Слово речено о бражнике, како вниде в рай Божий» (начало: «Бе некий человек бражник, пьющ в праздники Господня до обеда, а за всяким ковшом Господа Бога прославляя»). Легенда эта живет в устах народа. Один рассказчик так передавал нам прение бражника с апостолом Петром: пришел бражник к райским вратам, у которых стоял с ключами апостол Петр. «Пусти меня в рай!» — «Нельзя,— говорит апостол,— ты пьяница». — «Не стыдно ль тебе говорить это? Ты сам отрекался от Господа, а вот теперь по милости его держишь ключи от рая».

См. также «Русскую Беседу», 1859 г., № 6.

Царевич Евстафий

В некотором государстве жил был царь. У него был молодой сын царевич Евстафий; не любил он ни пиров, ни плясок, ни гульбищ, а любил ходить по улицам, да водиться с нищими, людьми простыми и убогими, и дарил их деньгами. Крепко рассердился на него царь, повелел вести к виселице и предать лютой смерти.

Привели царевича и хотят уже вешать. Вот царевич пал перед отцом на колени и стал просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, дал ему сроку на три часа. Царевич Евстафий пошел тем временем к слесарям и заказал сделать в скорости три сундука: один золотой, другой серебряной, а третий — просто расколоть кряж надвое, выдолбить корытом и прицепить замок. Сделали слесаря три сундука и принесли к виселице. Царь с боярами смотрят, что такое будет; а царевич открыл сундуки и показывает: в золотом насыпано полно золота, в серебряном насыпано полно серебра, а в деревянном наложена всякая мерзость. Показал и опять затворил сун-

дуки и запер их накрепко. Царь еще пуще разгневался и спрашивает у царевича Евстафия: «Что это за насмешку ты делаешь?» — «Государь батюшка! — говорит царевич, — ты здесь с боярами, вели оценить сундуки-то, чего они стоят?» Вот бояре серебряной сундук оценили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотреть не хотят. Евстафий-царевич говорит: «Отомкните-ка теперь сундуки и посмотрите что в них!» Вот отомкнули золотой сундук, а там змеи, лягушки и всякая срамота; посмотрели в серебряной — и здесь тоже; открыли деревянной, а в нем растут деревья с плодами и листвию, испускают от себя духи сладкие, а посреди стоит церковь с оградой. Изумился царь и не велел казнить царевича Евстафия.

(Записана в Саратовской губернии. Из собрания В. И. Даля.)

Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию

Бысть во граде Филуяне царь, именем Аггей, славен зело. И по времени приключишася стояти ему в церкви у Божественных литургий и чтущу иерею святое Евангелие, егда иерей, прочтя строки евангельския, внемлет писано: «Богата обнищают, а нищий обогатят!» Слышав же то царь и възъярися, и рече царь: «Писано ложно есть сие писание: евангельское слово, а неправда!» И глаголет царь: «Аз есмь богат зело и славен; како мне обнищати, а нищему обогатети против меня?» Егда ж оттольи (?) ужаси наполнися, и повеле царь иерея посадити в темницу, а лист повеле из Евангелия выдрать. И поиде царь в дом свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видевша же царь в поле оленя, поеха и взя с собою юношов, и погна в след и хоте оленя уловити. Бе же олень прекрасен зело. Царь же рече отроком своим: «Стойте вы zde, аз пойду, уловлю един оленя». И погна в след; олень поплы за реку. Царь привяза коня своего к дубу

и совлече одежду с себя и поплы наг за реку. Егда реку переплы, и абие олень невидим бысть. Ангел Господень всед на коня царева во образе царя Аггея, сказа юношам своим: «Уплы елень за реку»— и поеде" с юношами во град свой ко царице. Царь же Аггей обратился взад на коня, и ни коня и ни платия не обретае, и ста наг и весьма задумался.

И поиде Аггей ко граду своему, и виде пастухов пасуща волов, и вопроша у них: «Братия меньшая пастухи, где есть видели коня и платие мое?» Пастухи вопроша его: «Кто еси ты?» Он же рече им: «Аз есмь царь ваш Аггей». Пастухи же реша: «Окаянный человек! Как ты смееши называтися царем? Мы же видели царя Аггея, ныне проехал во град свой с пяти(ью) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиша его прочь, и пошед ко граду своему наг. И сretoша его торговые люди града того и вопрошаша его: «Человече, что еси наг?» И он рече: «Одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Он же взял и поклонишася им и поиде ко граду своем; и при-

шедши ко граду своему, попросися к некоей вдове ночевать и нача ее вопрошати: «Скажи, госпоже моя, кто есть у вас царь?» Она же отвещаша ему: «Или ты не нашей земли человек?» И сказа ему. «Царь есть у нас Аггей». Он вопроси: «Сколько лет царствует?» Она же сказала ему: «35 лет». Он же написав своею рукою письмо к царице, что у него были с нею тайные дела и мысли, и повеле некоей жене снести письмо к царице. Царица взяла письмо и повеле чести пред собою. Он же написася мужем ее царем Аггеем. И нападе на нею страх велик; во страсе том нача говорити: «Како сей убогий человек нарицает своею ми" женою? Аще сие поведает царь, повелит казнити». И повеле бити его кнутом нещадно без царского ведома. Биша его без милости и отпустиша едва жива; он же поиде из града, плача и рыдая, и воспоминая евангельское слово, что богатии обнищают, а нищий обогащают, и каяся о том попу, како похули святое Евангелие и како иерея в темницу посадил и поидоша неизвестным путем. Царица рече являющемуся во образе царя ангелу: «Ты, государь мой милый, год со мною не спиши и по-

стели не твориши; како мне пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «Обещание дано Богу, что три года с тобою не спать и постели не творить» — отыде от нее в царскую свою палату.

Аггей-царь прииде в незнаемый град, нанялся у крестьянина работати в лето; и работати крестьянского дела не умеет, и крестьянин ему отказа. Он же нача плакати и рыдати, и поидоша путем от города того и сретоша его на пути нищий. Он же рече им: «Возьмите убо, братие, и меня с собою; ныне человек убог, работать не умею, а просить не смею и стыжуся. Что ми велите, я у вас стану тружда-тися». Они же поимше его с собою и даша ему суму носити. Они же приидоша к ночлегу ночевати и повеле ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «Увы мне! Что сотворил себе. Владыку прогневал; сам же царства своего лишился и погибель себе сотворил, а вся пострадал за слово евангельское!» Заутра же возста нищие и поидоша ко граду своему Филуану, и пришедши на царский двор, и нача милостыни просити. И бысть в то время у ца-

ря пир велик; и повеле царь взяти нищих в палату, кормити" довольно, и повеле взять у нищих мехоношу в царския палаты и посадити в особую палату. И как пир у царя разшелся, и бояра и гости все розыдошася, ангел в образе Аггея царя прииде к нему в палату, где Аггей царь с нищими обедает. «Ведаеши ли ты царя гордого и великого, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священников почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть

(Из собрания В. И Даля, которому легенда эта, заимствованная из старой рукописи, доставлена из Шенкурского уезда Архангельской губернии.)

Примечания

Повесть о царе Аггее встречается в рукописных сборниках XVII и XVIII столетий. Она представляет весьма близкий вариант «Приклада о гордом цесаре Евиняне» (в русском переводе «Римских Деяний»). В народе повесть рассказывается в таком виде.

Гордый богач

Не ведаю где, жил-был себе пан, такой богатой, что карбованцы мерил коробами, золото четвериками, а в медных деньгах и счету не знал. Сколько у него было крестьян, земли, лесов, покосов — нечего и говорить! Все равно не пересчитаешь. Ох-ох! Да какая ж беда с ним случилась! Из богача сделался он беднее нас грешных; а за что? За то, что Бога позабыл и работал одной нечистой силе. Бывало, добрые люди заутреню слушают в церкви Божьей, а у него музыка гудит, да в присядку отжаривают. В церковь он никогда не ходил, и не видал, зачем туда люди ходят. Да раз как-то вздумалось ему посмотреть, что такое там деется, и вот на праздник Господень пошел пан вместе с панею к обедне. Все православные Богу молятся, а они стоят себе, поглядывают по сторонам да хохочут. Стал дьякон читать: «Богатые обнищают и взалкают...» — как бежит к нему пан, вырвал из рук книгу и хватить дьякона по лысине: «Как смеешь ты, дурень, такие слова при мне сказывать? Разве я могу обнищать и взалкать? Ах ты, кутейник!

Погоди ж, я тебе покажу, как надо мной смеяться! Если хоть раз еще осмелишься выговорить такие речи, то я так попотчую тебя на конюшне, что до новых веников не забудешь! Подай чернилицу».

Дьякон не жив, не мертв со всех ног пустился доставать чернилицу и перо; а поп в алтаре спрятался и трясется бедненькой, словно в лихорадке. Принес дьякон чернилицу и перо. «Смотри, неуч! — говорит пан, — что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни после!» Вдруг поднялась буря, молния поминутно блещет, гром все сильнее и сильнее, а потом как ударит — Господи, твоя воля! — все, кто только был в церкви, так и повалились на пол. Только пан с панею стоят да хохочут. Прибежал староста: «Беда! — говорит — Господской дом горит!» Принялись тушить; да нет, с Богом нельзя спорить. Все начисто сторело, будто и не было панского двора. Ну, это богачу как плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежних. Только с того самого времени, как станет дьякон читать в церкви и только дойдет до того места, где написано, что богатые обнищают и

взалакают,— всякой раз, откуда что возьмется, загремит да и загремит на небе.

Вот захотелось пану ехать на охоту. Собрали народу — человек с двести будет, да и собак столько же. Сели на коней, затрубили в рога и поскакали в лес; травили там и зайцев, и лисиц, и волков, и медведей, как вдруг бежит олень да такой красивой, что не нагладелся б на него! Пан ударил в след за оленем: птицею летит на коне, а зверь еще быстрее...

Вот близко, вот нагонит, не тут-то было! Уж и полдень прошел, уже и солнышко низко, вот и темнеть стало — а он все гонится за красным зверем. Настала черная ночь, в лесу хоть глаз выколи — ничего не видно! Тогда только остановил пан своего коня. Что делать? Он затрубил в рог, не откликнутся ли его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только бор шумит. Затрубил в другой и в третий раз, никто не отзывается; один далекой лес повторяет: «Тру-тру-тру!»

Едет пан дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржут и собаки лают; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявые шумят верхушками. Уже и конь

пристал, чуть-чуть ноги двигает, а сам он едва на коне сидит. Вдруг блеснул огонек. Пан снова заиграл в трубу, чтобы вышли к нему навстречу, коли есть тут люди. Чего хотел, то и сделалось. Выскочили из-за деревьев человек двенадцать и встретили его, только не попански: один так хватил его по затылку, что пан как сноп повалился на землю. Очнулся — совсем голой, как мать породила! Хотел было повернуться — куда! Руки веревкою скручены. Осмотрелся: вокруг огня сидят разбойники и с ними атаман в красном кафтане. «Что ж вы, сволочь, барина не прикроете!» — закричал он на своих молодцов. Тотчас с десятков хлопцев бросилось к пану и давай подчивать его батогами. «Полно! — снова заревел атаман, — тведите его в Волчью долину и привяжите там к дереву; нам он больше не нужен, а волкам пригодится: лакомый будет кусок на завтрак!» Подхватили пана за ноги, приволокли в Волчью долину и плотно прикрутили веревкой к сосне. Стоит пан сутки, стоит и другие — нет мочи терпеть: внутри огнем палит, во рту пересохло, вот-вот душа с телом расстанется. А он и не думает покаяться-

ся; на уме одно держит: как ворочусь домой, сейчас же соберу крестьян и пойду душисть этих проклятых лесовиков!

Недалеко от Волчьей долины на полянке паслось стадо. Жарко стало в полдень; вот пастухи и погнали сюда своих овец и коров, чтобы усесться самим под сосною и плесть в холодку лапти. Как же они удивились! Стоит у сосны голой человек, по рукам и по ногам связанный. «Ах, Грицько! — говорит один пастух. — Посмотри-ка: человек привязан в чем мать породила, и весь-то избитой, весь-то в крови! Пойдем, отвяжем его; может еще жив!» — «Что ж? Отвяжем», — говорит другой. С этим словом они подошли к сосне и распутали веревки. Пан-то молчал, а как сняли с него веревки, сейчас закричал: «Эй, ты, молодец! Сними-ка свою сермягу да подай сюда. Хоть твой наряд и плох, а все лучше, чем голым быть. Да проводи меня в барской дом. Знайте? Негодяи, с кем вы дело имеете: я ваш барин!» — «Ого! Видишь ли, Грицько, что это за птица! Наш барин! Ха-ха-ха! Похож, нечего сказать, похож на барина: кафтан на тебе такой славной, весь расписанной! Нет, челове-

че, Бог тебя знает, кто ты такой; я тебе скажу, что пан наш в высоких хоромах, в золотой одеже». — «Ах ты, хамское отродье! Смеешь ли ты грубить своему господину? Вот я вас! Дайте до дому добратся». Расходился пан и ну тащить с пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Так вот оно что! — сказал пастух. — Тебя с привязи спустили, а ты и кусаться лезешь! Вот же тебе, бродяга! Вот тебе, разбойник!» И начали отжаривать пана пугою (кнутом). Пан от него, а пастух за ним: шлеп да шлеп, шлеп да шлеп. Как припустит пан в сторону, откуда ноги взялись. Долго бежал он, пока из сил не выбился; выбился из сил и растянулся на дороге. На его счастье идут старцы (нищие, странники). Сжалился один старец, дал свою свитку; пан оделся и пошел вместе с ними, питаясь милостиной. Дорогою он рассказал обо всем, что ему приключилось; говорил, как отплатит своим обидчикам и как наградит старцев — за то, что его прикрыли и с собой взяли. Старцы уже новые торбы (мешки) стали готовить, чтобы было куда положить панские гроши. Вот пришли в село и прямо в барские хоромы лезут. «Куда вы!» —

закричали на них слуги. «Прочь! — сказал пан. — Разве не видите, хамы! Что ваш господин идет?» — «Какой господин? Был у нас пан, да пропал!» — «Врете, скоты! Я — ваш пан!» — «Ну, брат, погоди маленько!» Пан полез было драться, да куда! Схватили его за руки и повели к пани. Как услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ее мужем, разгневалась и приказала высечь его плетьюми и зарыть живого в землю. Что ни делал пан, как ни отбивался, а схоронили его заживо. В церкви опять стали читать вымаранные слова: «Богатые обнищают и взалкают», и при чтении дьякона уже не было слышно громовых ударов.

Смерть праведного и грешного

Один старец просил у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают праведники. Вот явился к нему ангел и говорит: «Ступай в такое-то село и увидишь, как умирают праведники».

Пошел старец; приходит в село и просится в один дом ночевать. Хозяева ему отвечают: «Мы бы рады пустить тебя, старичок, да родитель у нас болен, при смерти лежит». Больной услышал эти речи и приказал детям впустить странника. Старец вошел в избу и расположился на ночлег. А больной созвал своих сыновей и снох, сделал им родительское наставление, дал свое последнее навеки нерушимое благословение и простился со всеми. И в ту же ночь пришла к нему Смерть с ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запели «Иже херувимы» и понесли в рай. Никто того не мог видеть; видел только один старец.

Дождался он похорон праведника, отслужил панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть святую

кончину. После того просил старец у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают грешники; и был ему глас свыше: «Иди в такое-то село и увидишь, как умирают грешники».

Старец пошел в то самое село и выпросился переночевать у трех братьев. Вот хозяева воротились с молотьбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь; и невидимо им пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову. «Ой, голова болит!.. Ой, смерть моя» закричал он и тут же помер.

Старец дождался похорон грешника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть смерть праведного и грешного.

(Записана в Саратовской губернии. Из собрания В. И. Даля.)

Примечания

Та же мысль, которая дала содержание настоящей легенде, выражена и во многих духовных стихах (см. чтение Общ. Истории и Древн. Рос, год 3-й, № 9, с. 183—185, 208 и 211):

*Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихих ангелов, все милостивых,
По его по душеньку по Лазареву,
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста;
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса...
Сослал Господь грозных ангелов,
Страшных, грозных, немилостивых,
По его по душу по богачеву;
Вынули его душеньку не честно,
не хвально,
Не честно, не хвально, сквозь ребер его.
Да вознесли же душу вельми высоко,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,*

В тое злую муку, в геенский огонь.

Ангел

Родила баба двойни. И посылает Бог ангела вынуть из нее душу. Ангел прилетел к бабе; жалко ему стало двух малых младенцев, не вынул он души из бабы и полетел назад к Богу. «Что вынул душу?» — спрашивает его Господь. «Нет, Господи!» — «Что ж так?» Ангел сказал: «У той бабы, Господи, есть два малых младенца; чем же они станут питаться?» Бог взял жезло, ударил в камень и разбил его надвое. «Полезай туда!» — сказал Бог ангелу; ангел полез в трещину. «Что видишь там?» — спросил Господь. «Вижу двух червячков». — «Кто питает этих червячков, тот пропитал бы и двух малых младенцев!» И отнял Бог у ангела крылья и пустил его на землю на три года.

Нанялся ангел в батраки у попа. Живет у него год и другой; раз послал его поп куда-то за делом. Идет батрак мимо церкви, остановился и давай бросать в нее каменья, а сам норовит, как бы прямо в крест попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошел батрак дальше, шел-шел, увидел кабак и давай

на него Богу молиться. «Что за болван такой! — говорят прохожие.— На церковь каменья швыряет, а на кабака молится! Мало бьют эдаких дураков!» А батрак помолился и пошел дальше. Шел-Шел, увидел нищего, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожие и пошли к попу с жалобой: так и так, говорят, ходит твой батрак по улицам — только дурит, над святынею насмехается, над убогими ругается. Стал поп его допрашивать: «Зачем де ты на церковь каменья бросал, на кабака Богу молится!» Говорит ему батрак: «Не на церковь бросал я каменья, не на кабака Богу молится! Шел я мимо церкви и увидел, что нечистая сила за грехи наши так и кружится над храмом Божьим, так и лепится на крест; вот я и стал шибать в нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидел я много народу, пьют, гуляют, о смертном часе не думают; и помолился тут я Богу, чтоб не допускал православных до пьянства и смертной гибели». — «А за что облаял убогого?» — «Какой то убогой! Много есть у него денег, а все ходит по миру да собирает милостину: только у прямых нищих хлеб отнимает. За то я назвал его попро-

шайкою».

Отжил батрак свои три года. Поп дает ему деньги, а он говорит: «Нет, мне деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошел поп провожать его. Вот шли они, шли, долго шли. И дал Господь снова ангелу крылья; поднялся он от земли и улетел на небо. Тут только узнал поп, кто служил у него целых три года. (Записана издателем в Воронежской губернии, Бобровском уезде.)

Вариант: Нанялся ангел у мужика три года работать; выработал три рубля. Пошел на базар, купил калачей и роздал нищим. Видит он: едут два мальчика, и упал лицом на землю, а после набрал камней и давай метать на избу. Вот стали его спрашивать: «Скажи, человек, зачем ты лицом упал на землю?» — «А затем, что ради этих мальчиков Бог отнял у меня ангельские крылья». — «А зачем метал на избу камень?» — «Затем, что хозяева на ту пору обедали, и я отгонял от них дьявола».

Кумова кровать

Жили-были мужик да баба, у них был сын. И так обедняли они, хоть по миру иди. Мужик думал-думал, что делать, как хлеба добывать?— и надумался: стад учиться колдовству, учился, учился и таки выучился с чертями водиться. Вот пришло ему время женить сына. «Дай, говорит он, пойду да сосватаю у своих приятелей-чертей». Пошел и сосватал за сына опившуюся девку, что возит у чертей воду с прочими опойцами. Дело сделали, по рукам ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха в богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватых звать гостей на пир, на веселье. Со всех сторон наехало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, есть, веселиться. Сват с самим сатаной впереди и сидит.

Вот начали молодые дары дарить. Сатана много в отдарье положил казны и говорит свату: «Ну, сватушка! Подарил я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, один мужик продал нам своего сына и расписку на том дал; коли хочешь, кум, я тебе с сыном по-

дарю эту расписку?» Кум бил ему челом, а сатана созвал всех чертей и спрашивает: «У кого расписка?» Указали на одного черта, а тот знай себе, запирается, не хочет отдавать расписки. Сатана приказал его раздеть и бить за утайку железными прутьями. Как ни били, как ни колотили его — не могли ничего сделать, стоит на своем да и только. Сатана и крикнул: «Тащите-ка его на кумову кровать!» Черт так напугался, что сейчас же достал расписку и отдал сатане, а сатана — куму. Вот сват и спрашивает сатану: «Какая это у вас кумова кровать, что даже черт напугался?» — «Да так, кум, простая!» — «Как, кум, простая? Нет, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сделана для нас, чертей, и для наших сродников, сватов, кумовьев; она вся огненная, на колесах, и кругом вертится». Сват убоился, вскочил с места и давай Бог ноги. А сатана вслед ему говорит: «Куда, кум, торопишься? Посиди, побеседуй с нами. Да ведь не уйдешь от нас; пожалуй, и притащат милого!»

(Записана в Саратовской губернии. Из со-

брания В. И. Даля.)

Грех и покаяние

А. Жила была старуха, у ней были один сын и одна дочь. Жили они в превеликой бедности. Вот раз как-то пошел сын в чистое поле посмотреть на озимые всходы; вышел и осмотрелся кругом: стоит недалече высокая гора, а на той горе на самом верху клубится густой дым. «Что за диво такое! — думает он. — Уж давно стоит эта гора, никогда не видал на ней и малого дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору». Вот полез на гору, а она была крутая-крутая! — насилиу взобрался на самой верх. Смотрит, а там стоит большой котел, полон золота. «Это Господь клад послал на нашу бедность!» — подумал парень, подошел к котлу, нагнулся и только хотел горсть набрать — как послышался голос: «Не смей брать этих денег, а то худо будет!» Оглянулся он назад — никого не видно, и думает: «Верно мне почудилось!» Опять нагнулся и только хотел набрать горсть из котла — как послышались те же самые слова. «Что такое? — говорит он сам себе, — никого нет, а голос слышу!» Думал-ду-

мал и решился в третий раз подойти к котлу. Опять нагнулся за золотом и опять раздался голос: «Тебе сказано — не смей трогать! А коли хочешь получить это золото, так ступай домой и сделай наперед грех с родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будет!»

Воротился парень домой и крепко призадумался. Мать и спрашивает: «Что с тобой? Ишь ты, какой невеселый!» Пристала к нему, и так и сяк подговаривается: сын не выдержал и признался про все, что с ним было. Старуха как услышала, что он нашел большой клад, с того самого часу и зачала в мыслях держать, как бы ухитриться смутить сына да на грех навести. И в первой таки праздник позвала к себе куму, перемолвила с нею и с дочерью, и придумали они вместе напоить малого пьяным. Принесли вина и ну его подчивать, вот он выпил рюмку, выпил и другую, и третью, и напился до того, что совсем позабылся и сотворил грех со всеми тремя: с матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колена; а как проспался да вспомнил, какой грех-то сотворил,— так просто на свет не

смотрел бы! «Ну, что же, сынок,— говорит ему старуха,— о чем тебе печалиться? Ступай-ка на гору да таскай деньги в избу». Собрался парень, взошел на гору, смотрит: золото стоит в котле нетронуто, так и блестит! «Куда мне девать это золото? Я бы теперь последнюю рубашку отдал, только б греха избыть». И послышался голос: «Ну, что еще думаешь? Теперича не бойся, бери смело, все золото — твое!» Тяжело вздохнул парень, горько заплакал, не взял ни одной копейки и пошел, куда глаза глядят.

Идет себе да идет дорогою, и кто ни встретится — всякого спрашивает: не знает ли, как замолить ему грехи тяжкие? Нет, никто не может ему сказать, как замолить грехи тяжкие. И со страшного горя пустился он в разбой; всякого, кто только попадетя навстречу, он допрашивает: как замолить ему перед Богом свои грехи? И если не скажет — тотчас убивает до смерти. Много загубил он душ, загубил и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душ; а никто ему не сказал, как замолить грехи тяжкие. И пошел он в темный дремучий лес, ходил-ходил, и увидел избуш-

ку — такая малая, тесная, вся из дерну сложена; а в этой избушке спасался скитник. Вошел в избушку; скитник и спрашивает: «Откуда ты, добрый человек, и чего ищешь?» Разбойник рассказал ему. Скитник подумал и говорит: «Много за тобою грехов, не могу наложить на тебя епитимью!» — «Коли не наложишь на меня епитимьи, так и тебе не миновать смерти; я загубил девяносто девять душ, а с тобой ровно будет сто». Убил скитника и пошел дальше. Шел-шел и добрался до такого места, где спасался другой скитник, и рассказал ему про все. «Хорошо,— говорит скитник,— я наложу на тебя епитимью, только можешь ли ты снести?» — «Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану делать!» Взял скитник горелую головешку, повел разбойника на высокую гору, вырыл там яму и закопал в ней головешку. «Видишь,— спрашивает он,— озеро?» А озеро-то было внизу горы, с полверсты эдак. «Вижу»,— говорит разбойник. «Ну, ползай же к этому озеру на коленках, носи оттудова ртом воду и поливай это самое место, где зарыта горелая головешка, и до тех таки пор поли-

вай, покуда она пустит она отростков и ни вырастет от нее(я) яблоня. Вот когда вырастет от нее яблоня, зацветет да принесет сто яблок, а ты трянешь ее, и все яблоки упадут с дерева наземь: тогда знай, что Господь простил тебе все твои грехи». Сказал скитник и пошел в свою келью спасаться по-прежнему. А разбойник стал на колена, пополз к озеру и набрал в рот воды, взлез на гору, полил головешку и опять пополз за водою. Долго, долго эдак он потрудился; прошло целых тридцать лет — и пробил он коленками дорогу, по которой ползал, в пояс глубины, и дала головешка отросток. Прошло еще семь лет — и выросла яблоня, расцвела и принесла сто яблок. Тогда пришел к разбойнику скитник и увидел его худого да тощего: одни кости! «Ну, брат, тряси теперь яблоню». Тряхнул он дерево, и сразу осыпались все до единого яблоки; в ту ж минуту и сам он помер. Скитник вырыл яму и предал его земле честно.

В. Была вдова, у нее было двое детей: сын и дочь. Жили они в большой бедности. Вот мать и надумалась отдать своего сына в пастухи. В одно время пас он скотину в лесу. И

привез туда колдун воз денег, вырыл яму, вывалил в нее деньги, забросал землю, и стал заклинать: «Достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворит грех с родной матерью, с родной сестрою и с кумою!» Заклял и уехал. Пастух все это слышал; пригнал скотину на село и рассказал про этот клад своей матери. Крепко польстилась она на деньги; вот наутро нарядилась она так, что и признать ее нельзя, и пошла туда, где сын ее пас скотину; пришла и давай с ним играть. Играла-играла и навела его на грех... На другой день нарядила она свою дочь, послала в поле и наказала, что делать. И эта играла-играла с пастухом, и навела его на грех... Воротился сын домой. Вдова и говорит ему: «Ступай, доставай клад!» — «Ах, матушка, ведь я тебе сказывал, какой это клад: мне он не дается!» — «Небось, дается! Ведь ты сотворил грех и со мною, и с сестрою, а она тебе и сестра и кума вместе; ты с ней у соседа крестил». — «Ах, матушка, матушка! До чего ты меня довела? Не хочу теперь с вами жить, лучше пойду — куда глаза глядят!» И только вышел сын за ворота и сделал шагов десять, как вдруг поднялся ветер, изба вспых-

нула и в одну минуту сторела вместе с его матерью и сестрою. Он еще пуще приуныл и подумал про себя: «Стало быть, я великой грешник перед людьми и Богом!»

Шел он, шел, и попал в большой дремучий лес; увидел тропинку, пустился по этой тропинке и пришел к келье; начал стучаться, пустынник его и спрашивает: «Кто там?» — «Грешник, святой отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел из кельи и спрашивает: «Куда Бог несет? И что надобно?» Рассказал ему странник. «Это грех великой! Не ведаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожке, и дойдешь до другой кельи — там живет пустынник старей меня вдвое; может, он тебе и скажет». Пошел странник дальше и дальше, приходит к келье и опять стучится. Пустынник стоял тогда на молитве. «Кто там?» — спрашивает он. «Грешник, святой отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел и спрашивает: «Что за грешник такой?» Странник рассказал про все. «Коли хочешь отмаливать свои грехи,— сказал ему пустынник,— так пойдем со мною». Дал ему топор и повел к

толстой березе: «Свали-ка эту березу и разруби ее на три части». Тот свалил березу с корня и разрубил на три части. Пустынник зажег эти три бревна; вот они горели-горели, и остались только три малые головешки. «Закопай ты эти головешки в землю, и день и ночь поливай их водою!» — сказал пустынник и ушел. Грешник зарыл три головешки в землю и начал поливать их и день, и ночь; год поливал, и другой, и третий... долго-долго трудился: две головешки уж пустили отростки, а третья нет, как нет! Пришел к нему пустынник, видит: выросло две березки, и говорит: «Бог простил тебе два греха — с матерью и сестрою, а третьего — с кумою — ты еще не замолил у Господа. Вот тебе стадо черных овец, паси его да молись Богу до тех пор, пока ни станут все овцы белыми». Погнал грешник овец, пасет год, и другой, и третий, много молится, много трудов несет — только овцы все остаются черными.

Вот стал мимо его по заре ездить какой-то человек: едет себе и всякой раз распевает веселые песни. «Дай, спрошу, думает грешник, что это за человек ездит?» Вышел на дорогу,

подождал немножко и видит: подъезжает тот самой человек и поет песню. Он сейчас схватил его лошадь за узду, остановил и спрашивает: «Кто ты таков и зачем поешь эдакие песни?» — «Я разбойник, езжу по дорогам и убиваю людей; чем больше убью за ночь, тем веселее песню пою! Не утерпел пастух, размахнулся своей дубинкою и убил разбойника наповал». — «Ах, что же я наделал? — говорит он, — одного еще греха не отмолил, а уж другой грех нажил!» Воротился к овцам, а они все белые; пригнал овец к пустыннику и рассказал все, что с ним было. Пустынник и говорит: «Это за тебя мир умолил Бога!»

(Обе из собрания В. И. Даля.)

Примечания

Подробности, встречаемые в этих двух легендах, нередко соединяются в один рассказ: грешник, устрешенный тем огненным ложем, которое ожидает его по смерти и о котором упоминает первая легенда, предаётся покаянию и подвергает себя той трудной епитимье, о которой читаем во второй легенде. Таковы редакции польская и литовская, на которые сейчас будет указано; но прежде приведем белорусский вариант.

Быу пан и пани. Гэты пан ехаударогой и заблудзюу у лесе. Заблудзюу у лесе и споткаусе (встретился) с чертом, и просе яго, каб йон показау яму дарогу. Той черт сказау яму: «Дай мне на письме, што у дванадцать годоу одда-си мне то, чаго дома не покидау». «Йон дау картачку (письмо, расписку). Приехау пан дамоу, аж яго жонка родзила сына. Ну, дык той пан узяуся за галаву, што у дванадцать лет треба аддаць сына у пекла (ад). Як пришло время, сын и каже: «Я пайду у пекла, каб черт аддау мне тут картачку, што бацька дау яму». Узяу йон воды свяцонай и ксеншку (книж-

ку — здесь разумеется: Евангелие) и приходзе до пекла, и зачау той вадой свянциць. Аж вы-ходзе черт, пытаецца! Хто тут такой? Йон ка-же: «Я иду по тую картачку, што ты узяу у ба-цьки». Дык яны и аддали яму, сказали: идзи сабе! Йон идзе дамоу праз (через) лес, аж у тым лесе стоиць хатка, а у тэй хатце разбой-ник. Пытаецца разбойник: «Гдзе ты быу?» Еон кажець яму: «У пекле». Гэтой разбойник каже яму: «Вернисе изноу у пекла, пытайсе там, што мне будзе, што я целый век усе людзей режу». Йон стау з ним спыратца (спорить): «Не пайду у пекла!» — «Як ты не пайдзешь? Я усих людзей бью дык и тебе забью, кали не пайдзешь». Ну, йон пашоу у пекла изноу и пытаецца, што гэтому разбойнику будзе, што йон людзей реже? Черти сказали яму: «Як йон людзей реже, так и яго резаць будуць». Йон вернуусе с пекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «Як ты людзей резау, так и тебе резать будуць!» Дык йон просе выпавядаць яго. Той мальчик каже: «Я не ксёндз (священ-ник) тебе спавядаць». — «Кали не будзешь спавядаць, я тебе зарежу!» Ну, йон зачау спа-вядецца яго. Разбойник каже, каб покуту (зи-

итимья, покаяние) задау. Йон пашоу у лес з ним, знашоу сухую яблыну ц кажець: носи с своей хатци воду у губе (во рту) на коленях и поливай яе, аж поки яна ни отживець и будуць на ей яблыки; сколько ты душ забиу, сколько там будзе яблыков». Сказау и сам поехау дамоу до своего бацьки. Бацька оддау яго учитца; йон выучиуся и высвянциуся на ксёндза (посвятился в попы). Едзе йон дамоу са школы праз той лес, идзе быу разбойник, и чуе — яблыки пахнуць, стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць,— аж под тэй яблыной ляжиць умерший разбойник. Йон узяу яго, павез с собой и сховау (схоронил) под церковой.

Г. Кулиш внес малороссийский вариант этой легенды в сказание о странствовании по тому свету (Записки о Южной Руси, т. I, с. 309—311): Был гайдамака, долго грабил он народ, убивал старого и малого, а после одумался, пошел исповедаться; ни один поп не решился наложить на него очиститетельной епитимьи. «Дали почув, що есть десь такой пип, що ще маленьким батько продав его

нечистому за те, идо помиг у дорози вирятovati voza с калюжи; так вин и впекли вже був... Иде, аж той пип и иде ему назустрич. Питаецця: «Чи ти був у пекли?» — «Був». — «А чи бачив же ти там мою душу?» — «Бачив». — «Щож вона там робить?» — «Гад руками з ями до ями носить, а черти остями ии поганяють». Стал каятсья гайдамака, тридцать лет трудился он — и выросла яблоня, на ней все серебряныя яблоки, а два золотых. Приехал поп. «Ну, каже, труси! Струснув гайдамака яблуню — уси серибни яблука обсипались, а двое золотих висить... Оце ж твои два грихи висить, що ти отця и матир убив!» Так и умер гайдамака, непрощенный в этих двух грехах, и мучится он на том свете горше всех других грешников: «Усим буде колись пильга, а ему не буде!»

В польском народном рассказе о разбойнике Мадее (Повести и предания народов славян, племени, изд. И. Боричевским, с. 130—135) и в литовском о студенте, который ходил на небо и в ад, покаяние грешника не остается неуслышанным, и Господь прощает ему все тяжкие преступления. Разбойника

ожидала на том свете страшная постель: раскаленная решетка, вся из игл, острых ножей и бритв; снизу пылал неугасимый огонь, сверху капала горящая сера. Ужаснулся Мадей и обрек себя на трудное покаяние: воткнул в землю свою убийственную палицу и преклонил колена, с обетом — не сходить с места, пока не получит от Бога прощение. Прошло много, много времени: из палицы выросла яблоня, расцвела и дала обильные плоды. В один день проезжал мимо епископ; Мадей узнал в нем того самого мальчика, который некогда ходил в ад, и умолял его дать ему разрешение грехов. В то время, как исповедовал он свои старые грехи,— яблоки одно за другим срывались с дерева невидимую силою, превращались в белых голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, которого он замучил страшным образом; но боялся признаться в беззаконии. Наконец Господь услышал исповедь сокрушенного сердца. Яблочко мгновенно превратилось в сизого голубя, который исчез вслед за другими». Это предание о превращении душ, убитых Мадеем, в голубей тес-

но связано с древне-языческим представлением души человеческой в образе птицы, о чем подробнее смотри в статье моей, помещенной в приготавливаемом г. Калачовым 3-м томе Архива историко-юридич. сведений о России.

Горький пьяница

Жил-был старик, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вот забрался он как-то в кабак, упился зелена вина и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежал через реку, подошел к реке, не стал долго думать, скинул с себя сапоги, повесил на шею и побрел по воде; только дошел до середины — спотыкнулся о камень, упал в воду, да и поминай, как звали!

Остался у него сын Петруша. Видит Петруша, что отец пропал без вести, потужил, заплакал, отслужил за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Раз в воскресный день пошел он в церковь Богу помолиться. Идет себе по дороге, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камешек и заругалась: «Кой черт тебя под ноги сует!» Петруша услышал такие речи и говорит: «Здорово, тетка! Куда путь держишь?» — «В церковь, родимой, Богу молиться». — «Как же тебе не грешно: идешь в церковь Богу молиться, а поминаешь нечистого! Сама спотыкнулась, да на черта сваливаешь». Ну, отслушал он обед-

ню и пошел домой; шел-шел, и вдруг, откуда ни возьмись — стал перед ним молодец, поклонился и говорит: «Спасибо тебе, Петруша, на добром слове!» — «Кто ты таков и за что благодарствуешь?» — спрашивает Петруша. «Я дьявол; а тебе благодарствую за то, что как спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, так ты замолвил за меня доброе слово». И начал просить: побывай-де, Петруша, ко мне в гости; я тебя во как награжу! И серебром и золотом, всем наделю! «Хорошо,— говорит Петруша,— побываю». Дьявол рассказал ему про дорогу и пропал в одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша в гости к дьяволу; шел-шел, целых три дня шел, и пришел в большой лес, дремучий да темный — и неба не видать! А в том лесу стоял богатой дворец. Вот он вошел во дворец, и увидела его красная девица — выкрадена была нечистыми из одного села; увидела его и спрашивает: «Зачем пожаловал сюда, доброй молодец? Здесь черти живут, они тебя в клочки разорвут». Петруша рассказал ей, как и зачем попал в этот дворец. «Ну, смотри же,— говорит

ему красная девица,— станет давать тебе дьявол золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтоб подарил тебе того самого ледащего коня, на котором нечистые дрова и воду возят. Этот конь твой отец; как шел он из кабака пьяной да упал в воду, черти тотчас подхватили его, сделали своей лошадью, да и возят теперь на нем дрова и воду!» Тут пришел тот самый молодец, что звал Петрушу в гости, и принялся угощать его всякими напитками и наедками.

Пришло время отправляться Петруше домой. «Пойдем, сказал ему дьявол, я наделю тебя деньгами и славною лошадью, живо до дому доедешь». — «Ничего мне не нужно,— отвечал Петруша,— а коли хочешь дарить — подари ту ледащую клячонку, на которой у вас дрова и воду возят», — «Куда тебе эта кляча! Скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околеет!» — «Все равно, подари; кроме ее, другой не возьму!» Отдал ему дьявол худую клячонку. Петруша взял и повел ее за узду. Только за ворота, а навстречу ему красная девица: «Что достал лошадь?» — «Достал». — «Ну, доброй молодец, как придешь

под свою деревню — сними с себя крест, очерти кругом этой лошади три раза и повесь ей крест на голову». Петруша поклонился и отправился в путь; пришел под свою деревню — и сделал все, что научила его эта девица: снял с себя медный крест, очертил кругом лошади три раза и повесил ей крест на голову. И вдруг лошади не стало, а на месте ее стоял перед Петрушею родной его отец. Посмотрел сын на отца, залился горячими слезами и повел его в свою избу; старик-ат три дня жил без говору, языком не владел. Ну, после стали они себе жить во всяком добре и счастии. Старик совсем позабыл про пьянство, и до самого последнего дня ни капли вина не пил.

(Из собрания В. И. Даля.)

Примечания

В народных стихах и легендах пьянству провозносится строгое осуждение, как такому пороку, который потемняет человеку рассудок и вызывает его на всевозможные грехи и преступления. По свидетельству напечатанных нами легенд и лубочных картин пьяницы пойдут в муку вечную и вместе с сатаною будут гореть в неугасимом огне. «Некоторый человек пьяница (читаем под одним лубочным изображением) пропился на кружале до нага и рече: «Не знаю, что пропить! Аще бы был купец, продал бы душу свою». И приде к нему диавол во образе человеческом и рече ему: «Что, человече, думаеши?» — «А то я думаю! Не знаю, что с себя пропить! Аще бы купец — продал бы душу свою». И да-де диавол ему денег. Пьяница сел и начал пити, не помышляше о душе своей. И приближися вечер. Тогда рече диавол: «Аще кто купит коня, подобает ему взяти и узду. А вы, сторонние люди! — свидетели: купил аз у сего человека душу, то подобает взяти мне и тело». И нападе на людей страх велий. Диавол же взял пьяни-

цу и потащил во ад на муку вечную»'.

На опойцах черти возят на том свете дрова и воду (см. «Кумова кровать»). Самая выдумка высиживать хлебное вино приписывается дьяволу. В сатирической «Повести о многоумном Хмелю» встречаем следующее предание: «В древнее время был человек, имя ему Ной, праведен во всех человеках; люди же тогда жили в великом согрешении. И восхотел Господь скверну человеческих дел очистить и сотворить потоп на земле. И послал к нему, Ною праведному, ангела своего, и повелел Ною сотворить ковчег. Ной же по ангелову благовестию созидал ковчег тринадцать месяцев, а жене своей не сказывал, куда ходит и что делает... Дьявол сказал жене Ноевой: «Жено! Повела мне, куда ходит Ной, муж твой?» Она же сказала ему: «Крепок мой муж, не говорит мне своей тайны». Дьявол же сказал ей: «Жено! Послушай меня, есть трава по рекам, вьется по деревьям; имя ей хмель. И ты ступай, нарви травы той цвету, упарь и уквась ее, и тем его напой, и он поведает тебе все, куда ходит и что делает». И сошел Ной с горы по обычаю, пищи ради, и сказал жене своей:

«Жено! дай мне квасу; от работы своей сильно хочу испить». Жена же, налив чашу, подала ему. Ной выпил и похвалил, и сказал: «Нет ли еще?» Жена дала ему еще две чаши. Испивши, Ной лег опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: «Куда, господине мой, ходишь и что творишь?» Ной и рассказал ей все... Наутро пошел в горы и увидел ковчег свой разорен, и стал плакать. И явился ему ангел Господень, и сказал ему: «Не велел я тебе поведать дела этого жене твоей; услышал про то дьявол и разорил твой ковчег». В сборнике Боричевского (Народн. слав. рассказы, с. 167—182) находим любопытный белорусский рассказ такого содержания: «Жил-был бедной мужик; взял он чуть ли не последнюю краюшку хлеба и поехал на пашню. Пока он работал, пришел черт и утащил краюшку. Захотелось мужику пообедать; хватить — а хлеба нету! «Чудное дело! — сказал мужик — Никого не видать, а краюшку кто-то унес. А, на здоровье ему! Авось с голоду не умру». Пришел черт в пекло и рассказал обо всем набольшему дьяволу. Не понравилось сатане, что мужик не только не ругнул вора, а

еще сказал ему на здоровье! И послал он назад черта: «Ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся черт добрым человеком и пошел к мужику в работники; в сухое лето засеял ему целое болото — у других крестьян все солнцем сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлеб; в мокрое, дождливое лето засеял по отлогим горам — у других все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда девать хлеб? Черт и принялся за работу: давай затирать да висиживать горькуху, и таки умудрился! После от него все переняли делать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по белому свету!»

Подобный же рассказ о происхождении хлебного вина существует и между татарами Нижегородской губернии, с таким добавлением: приготавливая вино, черт подмешал туда сначала лисьей, потом — волчьей, а наконец, и свиной крови. От того, если человек немного выпьет — голос бывает у него гладенький, слова масляные, так лисой на тебя и смотрит; а много выпьет — сделается у него свирепый, волчий нрав; а еще больше выпьет — и как раз очутится в грязи, словно боров.

Кроме того, поселяне наши от души верят, что нечистый всегда предостерегает пьяного и готов затащить его в болото или трупобу. Одному, например, мужику случилось поздним вечером ворочаться домой с веселой пирушки. Навстречу ему незнакомый. «Здоров будь!» — «Здравствуй!» Слово за слово. «Зайдем ко мне,— говорит встречной,— обогреемся и выпьем по чарке, по другой». — Отчего не выпить!» Пришли. Взялся мужик за чарку, и только перекрестился, глядь! — стоит по горло в омуте, в руках кол держит, а товарища как не бывало!

Крестный отец

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был бедной мужик с женою; детей у них не было. Стали они просить Бога, чтобы дал им детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Создал им Господь детище. Обрадовался мужик, пошел к соседу и начал просить в кумовья: «Пожалуй,— говорит,— приведи младенца в крещеную веру». Сосед отказался за тем, что мужик-то был очень беден. Пошел он к другому, и тот отказался. Всю деревню исходил, никто к нему не идет в кумовья. Что делать? пошел мужик в иную деревню. Идет путем-дорогою, и попадается ему навстречу незнакомый старец. «Здорово, добрый человек куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дедушка! Дал мне Господь детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души, да вот прилучилось какое горе: человек я бедной, никто и не идет ко мне привести младенца в крещеную веру». — «Возьми меня». Мужик несказанно тому обрадовался и

благодарствовал старику. «Ну,— говорит старец,— ступай теперь к богатому купцу, проси дочь его в крес(т)ные матери».— «Ах, нареченной кум! Как мне к купцу идти, он мною побрезгает».— «Не твоя печаль! Ступай и проси. Да смотри, чтоб к завтраму, к утру, все было готово». Бедной мужик воротился домой, запряг лошадь и поехал в город к богатому купцу. «Что надыть?» — спрашивает купец. «Да вот, господин купец! Дал мне Господь детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Пожалуй, отпусти свою дочь в крес(т)ные».— «А когда у тебя кстины (крестины)?» — «Завтра утром».— «Ну, хорошо. Ступай с Богом, она приедет».

На другой день поутру приехала кума, пришел и кум, и окстили младенца. Распрощались и пошли по своим местам. Стал младенец возрастать, да такой умной да доброй, всем соседям на зависть. Отдали его учиться грамоте; которые учатся лет по пяти, а он всю науку в год окончил, всех перегнал! Пришла Святая неделя. Отслушал мальчик заутреню и раннюю обедню, сходил к крес(т)ной матери,

похристосовался, воротился домой и спрашивает: «Батюшка и матушка! Где живет мой крес(т)ной, я бы к нему пошел, похристосовался?» — «Любезный сын,— говорят они,— мы и сами не знаем; как окрестил он тебя — с той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слыхали». — «Ну, батюшка и матушка! Прощайте. Пойду искать своего крес(т)ного». И пошел он, куда глаза глядят; шел-шел, вышел в чистое поле и повстречался ему старец. «Здравствуй! — говорит старец.— Куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дедушка! Иду искать крес(т)ного». — «Я твой крес(т)ной,— говорит старик,— пойдем со мною». А старик-то был сам Господь, и повел он своего крестника в Царство Небесное; привел и приказывает: «Смотри, крестник! По всем палатам гуляй, не входи только в эту дверь». Сказал и ушел от него; остался мальчик один. Вот он ходил-ходил по всем палатам и вздумал себе: отчего так не велел мне крес(т)ной входить в эту комнату? Дай пойду, посмотрю — что там такое? Вошел и увидел там разбойника, а перед ним на коленях стоит человек; жалко ему стало того чело-

века, ухватил он камень и убил разбойника. Вдруг является Господь. «Не послушал,— говорит,— ты моего приказания! Этот разбойник убил в свою жизнь девять человек, а ты его грехи теперь на себя снял; ступай же на землю и трудись, пока грехов своих не замолишь!» Указал ему Господь дорогу: «Иди вот по этой дороге; будут тебе на пути два озера, по пояс глубины от берега до берега; смотри же, не пей из них воды, а коли напьешься — навек погибнешь».

Пошел мальчик путем-дорогою; шел-шел и пришел к первому озеру. Стал переходить на другой берег, добрался уж до середины, и захотелось ему пить; такая жажда напала, что утерпеть не вмоготу. Начал он молиться Богу, и вздумал помочить голову водою; помочил — и сделалось ему легче. Вышел он на другую сторону, глянул в воду и видит, что на голове у него волосы стали серебряные.

Пустился дальше в путь-дорогу, пришел к другому озеру, стал перебираться на тот берег, добрался до середины, и опять напала на него жажда: так бы вот и испил! Начал он Богу молиться, и опять вздумал помочить голо-

ву водою; помочил — и сделалось ему гораздо полегче. Вышел на берег, глянул в воду и увидел на своей голове золотые волосы. Пустился дальше; шел-шел, пришел в большой город, купил на рынке воловий пузырь и надел его на голову, измарался весь грязью и замешался меж поденщиками! Пришел на рынок царский садовник, забрал всех поденщиков; одного его не берет на работу. «Что ж ты меня не возьмешь?» — «Да ты кто?» — «Я — Иван Шелудивый, садовник». — «Ну, коли ты садовник, мне таких и надо». И повел его прямо к царю в сад. Раздал всем поденщикам работу; остался один Иван Шелудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лет уж десять; привел он его к этой яблоне и говорит: «Вот тебе работа, привей эту яблоню». Иван Шелудивый взял ножик и привил яблоню; она сейчас принялась, расцвела и принесла такие же славные яблоки, какие и прежде давала. Как увидал то садовник — вздивовался; к вечеру рассчитал он всех поденщиков, а Ивана Шелудивого оставил при себе: «Живи, брат, у меня; ты мне нужен!»

Живет Иван Шелудивый у царя в саду, ни с

кем дружбы не сводит, не гуляет, а все Богу молится. Раз поутру встал он рано и пошел прямо к колодезю, скинул с головы воловий пузырь и давай умываться; умылся и начал расчесывать свои золотые кудри. Увидала его из окна меньшая царевна и так полюбила, что и во сне и наяву — все его видит, вот собрались царевны, пришли к своему родителю и пали в ноги: «Не прикажи,— говорят,— казнить; прикажи речь говорить». — «Говорите, любезные дочери!» — «Милостивой батюшка! Мы уже в совершенных летах, пора нам выходить замуж». — «Ладно», — говорит царь. И разослал по всем царствам, по всем государствам, чтобы со всех сторон съезжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучие богатыри. Съехались женихи, пошел пир на весь мир. Вот царь встал и говорит своей большой дочери: «Ступай, дочь любезная! Выбирай себе жениха». Выбрала большая царевна; после того пошла средняя царевна — и та выбрала себе жениха. «Ну, выбирай ты!» — говорит царь меньшей царевне. Она взяла налила чарку водки и говорит: «Кто эту чарку выпьет, тот и жених мой бу-

дет!» Поднесла чарку прямо к Ивану Шелудивому, поклонилась ему и подчует: «Ну, нареченный супруг, кушай на здоровье!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честным пирком да за свадебку. Повенчали царевен. Вот старшие сестры и смеются над меньшою: твой де муж как есть дурак! «Вам что за нужда?» — отвечает царевна, — вить не вам с дураком жить!»

Жили они долго ли, коротко ли; напал на то царство сильный неприятель. Собрались старшие зятья и поехали сражаться. А Иван Шелудивый вышел в чистое поле, свистнул-крикнул своим богатырским голосом: «Эй ты, сивка-бурка! Стань передо мною, как лист перед травой!» Откуда не взялся конь, стал перед ним как вкопанный. Надел он на себя платье богатырское, сел на коня, ударил по крутым бедрам и понесся на неприятеля, словно сокол на гусей и лебедей, и стал побивать направо и налево. Только самого его ранили в левую руку; увидела то меньшая царевна, взяла платок и перевязала ему руку. Опять поехал Иван Шелудивый и перебил дочиста все войско неприятельское; воротился

в царский сад, лег и заснул крепким сном. Увидала его царица и спознала, кто таков богатырь был; сказала царю — тот так обрадовался, что на радостях отдал ему половину царства; и стали они себе жить-поживать, да добра наживать.

(Из собрания В. И. Даля.)

Примечания

Легенда эта распадается на две части. Вторая ее половина, содержащая в себе рассказ о садовнике Иване Шолудивом, есть не что иное, как вариант весьма распространенной в народе сказки, героем которой является Незнайка. Первая же половина носит чисто легендарный характер и составляет отдельное целое.

В собрании В. И. Даля находится апокрифическая Повесть о сыне крестном, како Господь крестил младенца убогого человека

Бысть в некоторой стране, в городе Антоуре: живяше некий убогий человек во всяком убожестве, и по времени жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «Поди позови восприемника, кто б крестил чадо наше». Он

же поиде звати кума по всему граду своему, и никто же к нему не идет; скудости ради гнушаются. Он же поиде в дом свой горько плакася, и встрече его некоторый муж лицом светел и во светлых ризах, и виде убогого плачуща и спросиша его: «Чадо! Что зло плачущи? Повеждь ми; аз печаль твою излечу и на радость приложу». Той же рече ему: «Како мне не плаката! Родился у меня сын, не изыщу к себе — кто б был восприемником и крестил его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той же пресветлый муж рече ему: «Гряди, чадо, в церковь и вели священнику мало ждать; аз восприемником гряду и окрещу твоего детища». Убогий же поклонися ему до земли... Прииде тот светлый муж — нареченный кум, рече иерею: «Отче святыи! Аз хочу восприемником быть и окрестить сего младенца». Прием от иерея благословение, и окрестиша младенца и даша священнику за крещение 4 златницы... Младенец той возраста и трех лет вопрошиша родителя своего: «Есть ли у меня отец крестный?» Мать его рече ему: «Чадо! Отец твой тако безумен: сотворил твое крещение, а отца твоего крестного в

дом к себе не позвал и о имени его не поведал; и мы его по сие время не имам знати». Младенец же, слышав то, зело бысть печален. И прииде праздник Воскресение Господа нашего; той младенец прииде в церковь и ста в таком месте, иде же Спасителев образ; зрит на Господа нашего Иисуса Христа, моляся со слезами, и во уме своем помыслиша: «Даждь ми, Господи, видети отца моего крестного; не с кем мне похристосоватися». Отпели утреню, и прииде ко младенцу муж зело велик и украшен лицом, аки солнце сияюще, и над ним много светлых и пресветлых юношей во святых ризах; и рече тот светлый муж младенцу: «Сыне мой крестный, Христос Воскресе!» И поцеловал младенца и даша ему два яйца. Младенец же отвеща: «Воистинно Воскресе!» Тако ж муж вопроша младенца: «Знаеши ли ты отца твоего крестного?» Младенец рече ему: «От рождения своего не имам знати отца своего крестного». Рек ему светлый изрядный муж: «Аз есмь отец твой крестный». Младенец же прииде в дом свой и нача с родителями своими христосоватися, даде им по яйцу; и они на те два яйца смотря зело удивляхуся

и между собою глоголаху: «Таковых яиц во свете нет». И вопроша детища своего: «Кто их тебе даде?» Он же рече: «Отец мой крестный даде мне». — «Како тебе отца крестного знати? Младенец рече им с клятвою: «Воистинно дал мне отец крестный».

Егда младенец поиде к литургии и вниде в церковь, и ста в том же месте, зря на Спасителя образ, со слезами и со всяким умилением моляшеся, глоголаше «Господи царю, творец мой! Дажь ми видети дом отца моего крестного». Отпели литургию Божию, и виде младенец; церковное небо растворилось и много грядущих светлых и пресветлых юношей во золотых ризах... И предстоящему народу никому не видимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятого неба. И младенец ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «Чадо! Не бойся, не опалим тя пламенiem; мы слуги отца твоего крестного». И введоша его в палату, и узре младенец, яко палата украшена, в ней же беседующе ангели и архангели, поюще песнь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и виде младенец, яко палата украшена лепотою паче пер-

вья, в ней же сидяще пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша в третью палату, и та палата украшена паче всех седмерицею и содеяно в ней двенадцать престолов, украшены серебром и золотом, и драгим камением и жемчугом, и посреде един престол превыше всех, преодеян багряною червленною ризою, и перед ним стояще херувимы и серафимы и множество ангелов непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. И виде на том престоле сидяща Господа нашего Иисуса Христа; на нем порфира царская, в руке держит скипетр, судит дела человеческие. Возста Господь с престола своего и рече: «Поди, сыне мой крестный! То есть дом мой, еже ты желаешь видети; аз zde пребываю». И взя его за руку и посадил на престоле; а сам изволил изыдти в иную палату. Младенец же одейся во профиру царскую, и возложи на себя венец, и взем в руке скипетр; и нача ему ангели и архангели служити. И виде младенец все: кто на земле творит добрыя дела и худыя, и рай и муку, и кто за какие дела мучится, и нача судить дела человеческие.

1-й Суд

Виде младенец на земле: некоторые разбойники и грабители подкопали под церковь, хотяше святую церковь ограбить, и рече: повели, Господи, церкви обрушиться и подавить грабителей. И того часу церковь подавила их без покаяния.

2-й Суд

Той же младенец виде на земле: в некотором море плыша разбойники, хотяше некоторую обитель разбита, и рече повели, Господи, разбойников потопить, да не погубят святую обитель. Того часа корабль погрузишась в море, и грабители без покаяния потонуша.

3-й Суд

Той же младенец виде на земле; у некотораго купца, богатого человека, во храмине жена его от мужа своего творяше блуд с прелюбодеями, и рече: повели, Господи, сей храмину обрушиться и подавити прелюбодеев. И того часа повалилась храмина, и с ними много неповинных без покаяния подавила.

4-й Суд

Той же младенец виде на земле: в некотором граде люди творят много блуда и неправды без покаяния, и рече: повели, Гос-

поди, за беззаконие их сему граду провалити-
ся сквозь землю. И того часа бысть так: поги-
боша множество неповинных без покаяния.

Господь же умилился над народом,
не хотя создания своего без покаяния погуби-
ти, и внидоша во святую палату, и виде сына
своего крестного сидяща на престоле: в руцех
держит скипетр, на нем порфира царская, су-
дит дела человеческие. Господь рече ему:
«Сыне крестный! Немилостиво судиши. Поси-
дел ты на моем престоле четверть часа, и по-
губил ты без покаяния народу на земле три
тьмы тысяч человек; аще б ты еще такоже
время посидел на моем месте, и ты бы всего
народу не оставил; всех бы погубил до конца
без покаяния. Аз, Господь, творец всем чело-
веком, не хочу смерти грешника и ожидаю
покаяния».

И взыде Господь на престол свой, и прием
от крестна сына порфиру царскую и венец и
возложи на себя, и прием в руце скипетр и сяде
на престоле своем и нача судити дела чело-
веческие. И повеле двум ангелом сына своего
крестного снести с высоты небесныя. Тогда
ангели его принята и понесоша в дом родите-

ля его. Родители же вопроша его: «Где толикое время был еси после обедни?» Он поведаше: «Аз был в доме отца моего крестного!» Они же не поняша ему веры: «Чадо! Неправду глаголешь; како тебе быти у отца твоего крестного! И мы его не знаем; ты же како знаеши дом его?» И рече им с клятвою: «Воистинно я был у него!»

Легенда оканчивается так: мальчик ради душевного спасения покидает родительский дом, удаляется в непроходимые леса, и, затворившись в пещере, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончине, мощи труженика были прославлены даром исцеление больных, недужных и скорбных.

Народная немецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» имеет близкую связь с этою апокрифическою повестью. Портной приходит к дверям рая и упрашивает апостола Петра впустить его на небо. Сначала тот не соглашается; но после — тронутый чувством сострадания — отворяет ему райские врата; портной должен тихо и смиренно усесться в уголку за дверями, так, что бы Господь не заметил его присутствия и не разгневался.

Есть также легенда о крестнице Пресвятой Девы.

У одного бедного человека родилась дочь; долго искал и просил он, чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; все знали, что он беден, и никто не соглашался. Тогда представила ему прекрасная жена в великолепном одеянии, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила девочку и взяла ее с собою. Прошло много годов; девочка выросла и помнела. Однажды крестная мать собралась в путь. «Ты можешь,— сказала она крестнице,— ходить по всему дому; не входи только в эти три комнаты». Любопытная девушка нарушила приказание и заглянула в одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, как вдруг улетела оттуда звезда. Воротясь домой, крестная мать хотела прогнать виновную, но девушка так горько плакала и так упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и после того не выдержала крестница испытания, и, заглянув во вторую запретную комнату, видеда, как улетел оттуда месяц; и на этот раз ей удалось вымолить себе прощение. Наконец решилась она отво-

ритель дверь и в третью комнату, и только отворила, как улетело оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей: «Выбирай какое хочешь наказание: или будешь ты немою, но зато красивее всех женщин, или сохранишь дар слова, но сделаешься самою безобразною». Девушка выбрала первое.

Немая — она должна была покинуть свой счастливый приют и искать себе другого пристанища. Долго шла она темным лесом, и когда настала ночь — влезла на дерево, возле которого протекал источник; села на его ветвях и крепко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка из королевского замка, и только хотела почерпнуть — глазам ее представился прекрасный образ девушки, отражавшийся в чистом зеркале источника. «Это я!» — подумала она, бросила ведро, воротилась домой и сказала: «Я слишком хороша, чтобы таскать воду!» Пошла другая служанка, и с нею случилось то же. Пошел сам король, желая узнать — в чем дело. Он увидел красавицу, взял ее во дворец и сделал своею женою. Когда родилось у них первое дитя, в то время невидимо явилась ее крестная: раз-

резала ребенку палец, вымазала родительнице его кровью рот и руки, а самого ребенка взяла с собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «Жена твоя ведьма! Ты видишь — она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтоб ее немедленно предать сожжению. Но принц так сильно любил свою подругу, что не в силах был расстаться с нею, и потому простил ее. То же самое случилось и со вторым его ребенком, и с третьим. Что могла сделать несчастная, обвиняемая в смерти своих детей? Она была нема, и ни одного слова не могла вымолвить в свое оправдание. Королевич приговорил, наконец, свою жену к страшной казни сожжения, и вот повели ее на костер... в ту самую минуту явилась ей крестная мать. «Я — Дева Мария,— сказала она,— и как тебе было тяжело лишаться своих детей, так мне было тяжело твое непослушание, когда ты выпустила звезду, месяц и солнце. Но теперь ты уж довольно наказана!» Тут возвратила она своей крестнице и дар слова и троих детей. С тех пор все они жили в радости и счастье.

Подобные же рассказы встречаются и у

других народов.

Жил бедный дровосек. С горя и нищеты думал он уже повеситься на дереве, как явился черт. «Что ты хочешь делать?» — спросил нечистый. «Хочу повеситься,— отвечал бедняк,— я не в силах более таскать дрова». Черт обещал доставить ему много золота и серебра, если он обещает уступить ему то, что первое встретит его вечером при возвращении домой. Дровосек согласился. Когда подходил он к своей избе, навстречу к нему выбежала девочка, его единственное дитя, и с радостью сказала: «Скорей, отец! Посмотри, что за чудо сотворил Господь с нами: подстилка, насланная для коз, и клочки пряжи, брошенные на землю,— все превратилось в чистое золото».

На другой день поутру повел дровосек свою дочь на то самое место, где являлся ему черт; там приказал ей дожидаться своего прихода и оставил ее одну. Девочка села на траве и прождала до вечера. Боязнь овладела ею, и она готова была заплакать; в то время явилась святая Дева Мария и спросила: кого она ждет? Потом прибавила: «О мое дитя! Твой отец не воротится, он за богатство уступил те-

бя дьяволу, который возьмет тебя и унесет с собою». Горько заплакал в ужасе бедный ребенок. «Смотри, дочь моя! — сказала Богоматерь, утешая девочку. — Я начерчу около тебя круг, за который ты не должна выходить. Когда я удалюсь, ад пошлет за тобою своих слуг, но будь мужественна — они тебе ничего не сделают». Затем Св. Дева начертила круг и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но все их усилия были напрасны: они не могли переступить таинственного круга; когда снова явилась Св. Дева, они ни минуты не могли вынести ее сияния и тотчас же рассеялись в разные стороны. Св. Дева взяла девочку за руку, привела в чудесный сад, среди которого стоял великолепный дом, и дала ей четыре ключа. «Этими ключами, — сказала она, — ты можешь отворить все двери и гулять по всем комнатам; только не входи, дитя мое, в ту комнату, что отпирается этим деревянным ключом». Но девочка нарушила заповедь, отворила дверь в запретную комнату и увидела, как Богоматерь исцеляла раны своего Божественного сына. В гневе изрекла Св. Дева: «Да развернется земля и да поглотит

неблагодарную!» — «Нет,— сказал Спаситель,— пусть она заплатит за это другим наказанием». Св. Мария привела ее в мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово и удалилась.

Долго жила она в этой пещере. Случилось однажды — охотился вблизи королевич, зашел нечаянно в пещеру и увидел девушку. На все вопросы его она не отвечала ни слова: несмотря на то, пораженный ее красотой, королевич женился на ней. Через год она родила ему двух прелестных золотых малюток. Ночью, когда и мать, и няня спали, пришла Св. Дева и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидела, что детская постелька пуста, она сильно испугалась королевского гнева; поймала гуся, вызолотила его, посадила на постель и донесла, что жена королевича — злая ведьма, что она родное свое дитя превратила в гуся. Король сильно разгневался на свою невестку и пришел к ней в комнату, чтобы разузнать все дело; но тщетно, он ничего не добился от несчастной матери, кроме слёз. На следующую ночь Пречистая Дева взяла и другого ребенка; проснувшись, няня

сделала то же, что и прежде. Тогда король созвал суд и приказал судить королеву. Решено было замуровать ее живою в каменную стену. Приговор был исполнен. Уже положили последний камень на ее голову, уже отчаянье проникло в ее измученную душу — в то время явилась Пречистая Дева, возвратила ей детей, дала позволение говорить и наделила пищею. Целых три года пробыла королева в каменной стене; наконец принц не мог долее противиться своей любви, разрушил стену и нашел свою жену и детей. С тех пор они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собранием В. И. Даля, приводим оттуда русский народный рассказ, в котором то же содержание передается почти с теми же подробностями и обстановкою.

Жил-был мужик; до того обеднял, что остался у него один сундук, и тот порожний. Что теперь делать? Держит он в уме: есть нечего, купить не на что! Кажись, родную дочь свою продал, да кому ее надобно? Только подумал, как вдруг входит в избу Пречистая Дева и говорит: «Здравствуй, мужичек! Продай мне свою дочь». — «Что за диво!» — поду-

мал мужик, еще ни слова не говорил, а уж ей ведомо! «Отчего не продать! — сказал он, — Купи — твоя будет». Взял мужик деньги и отдал дочь. Пресвятая Богородица привела ее в высокие хоромы и говорит: «Оставайся здесь и живи с миром. Если соскучишься — вот тебе ключ, отопри эту дверь и ступай гулять: там тебе будет весело». Девочка отворила дверь и вошла в большой-большой сад: каких только цветов и деревьев в нем ни было! Целый месяц пробыла здесь девочка и все не могла насмотреться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дева другой ключ: «Будет скучно — отопри эту дверь и полюбуйся на Божье создание». Отворила девочка другую дверь и увидела там многое множество разных птиц, точно со всего света сюда собраны. Век бы глядел на них — не нагяделся, век бы слушал их сладкое пение — не наслушался. Опять прошло много времени, и дает ей Пречистая Дева третий ключ: «Будет скучно — ступай в эту дверь, полюбуйся на Божье создание». Отворила девочка третью дверь и увидела там многое множество разных зверей: все звери

ласковые да красивые; стала она играть с ними и на их скачки, на их прыжки долго не могла налюбоваться. После отдала ей Пресвятая Богородица все ключи и говорит: «Позволяю тебе везде ходить и все смотреть; только туда не ходи, где медный замок на двери висит». Вот девочка и стала про себя думать: «Что это такое — везде я хожу, на все я смотрю, а там не была, где медный замок висит? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть отворила дверь, как ударило оттуда пламя, и она едва успела убежать в сторону. «Где ты была, что видела?» — спрашивать Пресвятая Дева. «Я нигде не была, ничего не видела», — отвечала девочка. «Если ты не признаешься, я сделаю тебя и глухою, и немою». — «Я нигде не была, ничего не видела», — повторила девочка. Пречистая Дева сделала ее глухою и немою и отвела в густой и темный лес.

Долго ходила она по лесу, притомилась, приустиала и залезла в дупло отдохнуть. На ту пору охотился тут царский сын; наехал он на дупло и увидел девочку. Засмотрелся на ее красоту, и стал расспрашивать, кто она и как сюда попала. Сколько ни спрашивал, она ни

слова ему не промолвила. Тогда царевич велел своим людям взять ее с собою и привез ее во дворец. Девочка выросла и крепко полюбилась царевичу: захотел он на ней жениться, сказал отцу и матери. Они и говорят ему: «Любезный сын! Мы с тебя воли не снимаем; а совет наш такой: что за охота брать за себя немую? Женись-ка лучше на царевне, али королевне». Но царевич так неотступно упрасивал, что делать нечего — и отец, и мать согласились и дали ему свое родительское навеки нерушимое благословение. У царя не пиво варить, не вино курить; веселым пирком да за свадебку, отпраздновали и стали жить в радости. Ровно через год родила молодая сына; но в ту же ночь, как скоро заснули все крепким сном, пришла Пречистая Дева, разбудила жену царевича и сказала: «Я разрешаю твой язык, признайся только, что видела ты в горнице, где висит медный замок?» — «Я ничего не видала». Тогда Пречистая Дева сделала ее опять глухою и немую, взяла ее ребенка и унесла с собою. Наутро спрашивает царевич о сыне; мамки и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали, и ниче-

го не нашли, ничего не придумали. Царь с царицею стали ему говорить, что жена его — злая ведьма, сама изгубила свое милое детище, и что следует казнить ее. Царевич начал слезно упрашивать своих родителей, и они сжалились на его слезы и простили невестку. Через год родила она другого сына; ночью явилась Пречистая Дева и унесла с собой и другого ребенка. Еще через год родился у царевича третий сын, и с ним случилось то же самое. Тогда царь сильно разгневался и приказал казнить царевичеву жену жестокою казнию. Повели ее казнить; уж все готово: и топор, и плаха! В то самое время явилась Пресвятая Богородица с тремя хорошенькими мальчиками и сказала: «Признайся, что видела ты в горнице, где висит медный замок?» Тут только призналась царевичева жена, и святая Дева простила грешницу, разрешила ей язык и отдала детей. После того царевич стал со своею женою жить, да поживать, да добро наживать, а как умер его отец — он сделался царем, и правил народом долго и мило- стиво. .

Кузнец и черт

Жил-был кузнец, у него был сын лет шести, мальчик бойкой и разумной. Раз пошел старик в церковь, стал перед образом Страшного суда и видит: нарисован черт, да такой страшной — черной, с рогами и с хвостом. «Ишь какой! — подумал он.— Дай-ка я себе намалюю такого в кузнице». Вот и нанял маляра, и велел ему нарисовать на дверях кузницы черта точь-вточь такого, какого видел в церкви. Нарисовал маляр. С той поры старик, как войдет в кузницу, всегда взглянет на черта и скажет: «Здорово, земляк!» А после разведет в горне огонь и примется за работу. Жил эдак кузнец в ладу с чертом лет с десятков; потом заболел и помер. Стал сын его за хозяина, принялся за кузнечное дело; только не захотел он почитать черта, как почитал его старик. Придет ли поутру в кузницу — с ним никогда не поздоровается, а вместо ласкового слова возьмет самый, что ни есть большой молот и огреет этим молотом черта прямо в лоб раза три, да потом и за работу. А как настанет у Бога праздник — сходит он в

церковь, поставит святым по свечке; а к черту придет и плюнет в глаза. Прошли целые три года, а он все угощает нечистого каждое утро то молотом, то плевками. Терпел, терпел черт, да и вышел из терпения; невоготу стало. «Полно,— думает,— принимать мне от него такое надругательство! Дай ухитрюсь, да что-нибудь над ним сделаю».

Вот обернулся черт парнем и приходит в кузницу. «Здравствуй, дядя!» — «Здорово». — «А что, дядя, возьми меня к себе в ученье? Буду тебе хоть уголя таскать да меха раздувать». Кузнец тому и рад: «Отчего не взять! Вдвоем все спорей...» Пошел черт в науку; пожил месяц и узнал кузнечное дело лучше самого хозяина: чего хозяин не сможет, то он сделает. Любо-дорого посмотреть! Кузнец уж так его полюбил, уж так им доволен, что и сказать нельзя. В другой раз сам не идет в кузницу — надеется на работника: он всем управит. Раз как-то не было хозяина дома, а в кузнице оставался один работник. Видит он — едет мимо старая барыня, высунул голову из дверей и давай кричать: «Эй, господа! Вы пожалуйте сюда; здесь новая работа открывается,

старые в молодых переделываются». Барыня сейчас из коляски да в кузницу. «Чем ты это похваляешься? Да вправду ли? Да сумеешь ли?» — спрашивает парня. «Не учиться нам стать! — отвечает нечистой. — Коли б не умел, так и не вызывался бы». — «А что стоит?» — спрашивает барыня. «Да всего пятьсот рублей», — «Ну, вот тебе деньги, сделай из меня молодую». Нечистой взял деньги, посылает кучера на деревню: «Ступай, — говорит, — притащи сюда два ушата молока». А саму барыню схватил клещами за ноги, бросил в горн и сжег всю дочиста, только одни косточки и остались. Как принесли два ушата с молоком, он вылил их в кадушку, собрал все косточки и побросал в молоко. Глядь — минуты через три выходит из молока барыня: живая да молодая, да красивая!

Села она в коляску и поехала домой; входит к барину, а тот уставил на нее глаза, и не узнает своей жены. «Что глаза-то выпучил? — говорит барыня, — Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтоб у меня муж был старой! Сейчас же поезжай в кузницу, пускай и тебя перекуют в молодого, а то и знать тебя не хочу!»

Нечего делать, поехал барин.

А тем временем кузнец воротился домой и пошел в кузницу; смотрит — нету работника; искал-искал его, спрашивал-спрашивал — нет как нет, и след простыл. Принялся один за работу, только молотом постукивает. Приезжает барин и прямо в кузницу: «Сделай,— говорит,— из меня молодого». — «В уме ли ты, барин? Как сделать из тебя молодого?» — «Ну, там как знаешь!» — «Я ничего не знаю». — «Врешь, мошенник! Коли переделали мою старуху, переделывайте и меня; а то мне життя от нее не будет...» — «Да я твоей барыни и в глаза то не видал». — «Все равно твой работник видел. Если он сумел дело повершить, так ты, старой мастер, и подавно должен уметь. Ну, живей поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани». Принужден был кузнец переделывать барина. Расспросил потихоньку у кучера, как и что, сделал работник его с барыней, и думает: «Куда не шло! Стану то же делать; попаду на лад — хорошо, не попаду — все равно пропадать!» Тотчас раздел барина донага, схватил его клещами за ноги, сунул в горн и давай

поддуть мехами; сжег всего в пепел. После того вынул кости, покидал в молоко, и ждет — скоро ли выскочит оттуда молодой барин. Ждет час, и другой — нет ничего; посмотрел в кадушку — одни косточки плавают, и те обгорелые... А барыня шлет послов в кузницу: скоро ли будет готов барин? Отвечает бедный кузнец, что барин приказал долго жить; поминайте, как звали! Как узнала барыня, что кузнец только сжег ее мужа, а молодым не сделал, сильно разгневалась, созвала своих верных слуг и велела тащить кузнеца на виселицу. Сказано-сделано. Побежали слуги в кузницу, схватили его, связали и потащили на виселицу. Вдруг нагоняет их тот самый малой, что у кузнеца жил в работниках, и спрашивает: «Куда ведут тебя, хозяин?» — «Хотят повесить», — отвечал кузнец, и рассказал все, что с ним случилось. «Ну, дядя! — молвил нечистый. — Поклянись, что никогда не будешь бить меня своим молотом, а станешь ко мне такую же честь держать, какую твой отец держал, — и барин сейчас будет и жив, и молод». Кузнец забожился, заклился, что никогда не подымет на черта молота, а будет от-

давать ему всякую почесть. Тут работник побежал в кузницу и наскоро воротился оттуда вместе с барином: «Стой,— кричит слугам,— не вешайте! Вот ваш барин!» Они сейчас развязали веревки и отпустили кузнеца на все на четыре стороны; с тех пор перестал кузнец плевать на черта и бить его молотом, работник его скрылся и больше на глаза не показывался, а барин с барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живут, коли не умерли.

(Из собрания В. И. Даля.)

Примечания

Вариант этой легенды напечатан в Отечественных Записках 1840 года (см. «Шесть малороссийских простонародных баллад» Л. Боровиковского, № 2, с. 50—51).

«Славный у старых панов был Яремка-кузнец: бывало, сделает серп ли к дверям рукоятку ль, задвижку, крючок ли, завески ли к скрыне — ну так ведь прехитро украсит резьбой да насечкой, что, ей, загляденье! Вот так бы сидел да глядел бы! Ну, а кузница-то у Яремки: право, и хата другая не будет про-

сторней и краше... Подле горнила, на самой на печке, висел на холсте намалеванный черт, повешенный кверху ногами, ну дай списанный точно! Кто ни посмотрит, узнает: черт да и черт тебе! Черный, с рогами, с предлинным хвостом, с бороною, с калиткою денег в когтях и с людскими грехами. Черта Яремка повыпачкал грязью и дегтем, очи проклятые выжег, всего исколол, исцарапал. Если Яремка кует — уж он так норовит, чтобы к черту спиной повернуться.... А если и глянет, бывало, на черта, то, верно, чтоб плюнуть на чертову харю». Черт разозлился и решил отомстить. Вот нанялся в кузницу новый работник, цыган, и какой работник! Десять против него не сработают; Яремка только смотрит да деньги считает.

Приехал однажды к Яремке хромой атаман. Цыган предложил ему сковать ногу. Атаман согласился. «Цыган пригораздил к жаровне хромую ногу; ударил молотом, sprыснул водою, посыпал песком. Атаман лишь вышел из рук кузнеца — да в присядку! С этой поры к кузнецу приносили не лом да железо, а увечье, недуг да калечество». Много перековал

цыган: стариков и старух в молодых, калек в здоровых, безобразных в красавцев. «Как-то работник цыган отлучился: а барин Яремкин, дряхлой старик, приходит к Яремке с приказом — перековать его в молодцы. Недолго думал кузнец: завязал его в мешок, подложил угольков в жаровню, и, бросив в горнило, сам принялся раздувать. Отчаянный крик и стоны господские скоро затихли. Вынул Яремка с огня обгорелые кости... Цыган пропал без вести! Уж палач и Сибирь ожидают Яремку!» Велел он позвать священника с молитвою; вот священник прочитал молитву, стал кропить святою водою и прямо попал в намалеванного черта. Вдруг откуда ни взялся — пришел цыган, вызвал Яремку и сказал: «Что хочешь надо мной делай, глумись и ругайся, только не кропи святою водою! Сейчас приведу твоего барина». Скоро явился барин молодец молодцом! Яремку простили, а работник его сгинул без вести, Яремка снял чертов портрет и швырнул в огонь: с той поры черт почернел еще хуже и любимым местом его стали кузнечные трубы.

Смотри также легенду: «Пустынник и дья-

ВОЛ».

В немецкой сказке совсем иначе обставлено предание о перековке дряхлых стариков в юношей, полных сил и здоровья; здесь оно связывается с Христом и апостолами. Однажды шел Господь по земле вместе с апостолом Петром. Дело было к вечеру, и они попросились ночевать к кузнецу. Случилось, что в то же время пришел туда за милостиной бедный нищий, совсем согнувшийся от старости и недостатка сил. «Господи! — сказал св. Петр. — Даруй ему, чтобы он сам мог добывать свой хлеб». Господь приказал кузнецу развести огонь: «Я желаю, — говорил он, — помолодить этого больного старика». Кузнец положил в горнило горячих угольев, св. Петр принялся за меха, и когда все было готово, взял Господь старого нищего, положил его в горнило на самый жар и раскалил до красна, после того бросил его в воду, дал охладиться горячему телу и благословил: и тотчас восстал нищий здоровым, сильным, молодым, как будто ему было только двадцать лет. На другой день то же самое повторяет кузнец с полуслепою, сгорбленною старухою, но его опыт ока-

зывается неудачным.

Любопытно то целебное и животворное свойство, какое в этой легенде и во многих других народных сказках, приписывается воде и огню: это, поверье, по своему происхождению, принадлежит глубокой доисторической старине, когда обожались стихии, и когда знахарство (лечение больных) входило в область религиозных священнодействий. С принятием христианства многое из этих старинных представлений — в массе народа, по преимуществу живущей преданием, было удержано и сказалось. В ее поэтических созданиях, между тем как самая обстановка нередко заимствовалась из иного мира. Так было у всех народов, так было у славянских племен.

Norwegische VolksmUchen (ч. 1, N 21) передают сказание о кузнеце отчасти сходно с немецкою легендою, напечатанною братьями Гримм, отчасти со своеобразными дополнениями.

Кузнец заключил с чертом договор, что ровно через семь лет готов отдаться ему, если на все это время нечистый сделает его первым мастером в кузнечном искусстве. Одна-

жды как-то Христос и св. Петр, странствуя по земле, зашли к этому кузнецу. У него была мать-старуха: со сгорбленною спиною, со сморщенным лицом, она-едва ноги передвигала от дряхлости. Господь взял ее, положил в горнило и начал ковать — и старуха сделалась молодою и красивою. Кузнец попробовал тоже сделать, но ему вовсе не удалось хитрая работа. Раздраженный тем, что черт плохо ему помогает, он вздумал его проучить. «Правду ли говорят люди,— спросил кузнец нечистого,— что ты можешь настолько умять себя, насколько захочешь?» — «Правду». — «А ну, полезай в этот кошель!» — «Изволь!» — сказал черт, сделался маленьким и влез в кошель. Но едва он влез туда, как в ту же минуту кузнец затянул кошелек, завязал, положил в горнило и давай поджаривать нечистого. Черт кричать, молить пощады! Не тут-то было. «Я не могу тебя избавить», — сказал кузнец. Пословица говорит: куй железо, пока горячо!» Бросил кошелек на наковальню и ну ударять по нем большим молотом. Вдоволь натешился над чертом и выпустил его: черт выскочил и давай Бог ноги!

Прошло довольно времени; взял кузнец свой молот и пошел искать дороги в ад. Шел, шел и добрался до перекрестка, где тропинка разделялась надвое: один путь вел на небо, другой в пекло. Здесь повстречался он с портным. «Добрый день! — сказал кузнец. — Ты куда идешь?» — «На небо; а ты куда?» — «Ну, брат, мне с тобой не по дороге: я иду в пекло». Распрощались и пошли каждый своею дорогою. Вот пришел кузнец к адским воротам. «Кто идет?» — спрашивает черт, поставленный на страже. — «Я, тот самый кузнец, у которого есть кошель и молот». Как услышал это дьявол, сейчас велел запереть двери на все на девять замков. «Видно, здесь нет для меня квартиры, — подумал кузнец, — пойду в рай». Пустился в дорогу, и достиг райских ворот в то самое время, как св. Петр впускал на небо портного; но попал ли туда кузнец — не известно.

В «Москвитянине» 1843 года г. П. К. передал со слов одного казака народную сказку «Коваль Захарко». Черт позавидовал доброму и работающему ковалю и стал отзываться от него всех, кто только ехал к нему с работою. Захар-

ко с горя продался черту; но с того времени был столь милостив к бедным и столь набожен, что свыше дано ему было во власть два слова: стань и сядь. Когда наступил срок и явилась за ним нечистая сила, он одному черту сказал: стань! А другому: сядь! И оба они не могли уже тронуться с места. Самого сатану посадил он в кожаный кошель и разбил молотом на наковальне. (Сличи с легендою: «Солдат и Смерть».)

Волк

Дело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадается навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Поди,— сказал ему Христос,— съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу; увидел ее, подходит и говорит:

«Кобыла! Господь велел тебя съесть». Она отвечает: «Ну, нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть виде (паспорт), только далеко забит». — «Ну, покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажио (так что) волк на три сажени назад отлетел! А ко: была убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит к Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану, прибежал и говорит: «Баран! Я тебя съем, Господь приказал». — «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбегусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!»

Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы, да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног, да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана.

Опять отправился с жалобой; приходит к Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!»— Поди,— сказал Христос,— съешь портного». Побежал волк; попадаетеся ему навстречу портной. «Портной! Я тебя съем, Господь приказал». — «Погоди, дай хоть с родными проститься». — «Нет, и с родными не дам проститься». — «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку, и давай серого утюжить (бить). Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост, да давай Бог ноги. Бежит, что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! — говорят,— что ты, серой, без хвоста?» — «Портной оторвал». — «Где портной?» — «Вон идет по дороге». — «Давай нагонять его», — и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело

плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит. Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузой (бесхвостый), ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку устанемся,— авось достанем!» Кургузой лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уж последний взлезает. Видит портной беду неминуемую: вот-вот достанут и закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому!» Кургузой как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь, да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошел домой. (Из собрания В. И. Даля.)

Примечания

См. «Народные русские сказки», вып. IV, с. 44—47, 155—158, и легенду о бедной вдове.

В сказке «О Георгии Храбром и о волке», записанной казаком Луганским, волк обращается со своими просьбами к этому святому. Георгий Храбрый между простолюдинами почитается покровителем стад и начальником волков, которым раздает приказания: где и чем кормиться.

Народные поговорки говорят: «Св. Юрий коров запасает»; «Егорий да Влас всему богатству глаз»; «Что у волка в зубах, то Егорий дал». Существует поверье, что волк ни одной твари не задавит без Божьего дозволения. Под Юрьев день, и осенью, и весною, в Курской губернии ничего не работают из шерсти, опасаясь, чтобы волки не поели за то овец.

От одного поселянина слышали мы такой рассказ. Пасли два пастуха овечье стадо; захотелось одному водицы испить, и пошел он через лес к колодцу. Шел, шел и увидел большой, ветвистый дуб, а под ним вся трава прижата и выбита. «Дай, посмотрю, что тут дела-

ется»,— сказал пастух и влез на самую верхушку дерева. Глядь — едет св. Георгий, а вслед за ним бежит многое множество волков. Остановился Георгий у самого дуба; начал рассылать волков в разные стороны, и наказывает всякому, чем и где пропитаться. Всех разослал; собирается уж ехать, на ту пору тащится хромой волк и спрашивает: «А мне-то что ж?» Егорий говорит: «А тебе вон на дубу сидит!» Волк день ждал, и два ждал, чтобы пастух слез с дерева, так и не дождался; отошел подальше и схоронился за куст. Пастух огляделся, спустился с дуба — и бежать! А волк как выскочит из-за куста: схватил его и тут же съел.

Петух и жерновцы

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-та прорубить; пускай дуб растет выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; дерево росло-росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растет да растет, и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб. Лез-лез и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит кочеток-золотой гребенек, маслена головка, и стоят жерновцы. Вот старик-ат долго не думал, захватил с собою и кочетка, и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» — «Постой,— молвила старуха,— я попробую жер-

новцы». Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог! И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин, и заехал к старику со старухой в хату. «Нет ли спрашивает, чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимой, дать поесть, разве блинков?» Взяла жерновцы и намолочила: нападали блинчики да пирожки. Проезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы». — «Нет, — говорит старушка, — продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как уведали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой, — говорит кочеток-золотой гребенек, — я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин!. Отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услышал барин, сейчас приказывает: «Эй, малой! Возьми, брось его в воду».

Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик! Пей во-

ду. Ротик, ротик! Пей воду»,— и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик! Лей воду. Ротик, ротик! Лей воду»,— и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы золотые голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток-золотой гребенек схватил жерновцы, да и улетел с ними.

(Записана издателем в Воронежском уезде?)

Примечания

Сличи с началом сказки: «Лиса-лекарка» и с рассказом о бедняке, у которого было много детей: вырос дуб до самого неба; бедный мужик влез на верхушку и давай стучаться. «Посмотри,— сказал Господь апостолу Петру,— кто сюда стучится?» — «Кто там?» — спросил св. Петр. «Я, бедный человек, у которого много детей». Апостол Петр дал ему два хлеба. В другой раз мужик выпросил себе булку; а в третий раз был прогнан палкою.

Чудесные жерновки, которые дают своему хозяину сколько угодно блинов и пирогов, напоминают собой сказочную скатерть-самобранку. Воронежская сказка упоминает о такой же мельнице.

В старое время было два брата: богатый и бедный. Наступал праздник Рождества Христова; у бедного не было ни куска мяса, ни хлеба в доме; он пошел к брату и стая просить у него ради Христа. Богатый не очень обрадовался такому посещению. «Сделай то, что прикажу тебе,— сказал он,— и я тебе дам целый окорок». — «Хорошо»,— отвечал бедный.

Тогда богатый бросил ему окорок и сказал: «Возьми и убирайся к черту». — «Я обещал и должен выполнить», — подумал бедняк, взял окорок и пошел в ад. Целый день шел он и, наконец, увидел старика с длинною белою бородою. «Здесь ли дорога в ад?» — «Здесь. Только послушай: когда ты придешь туда, все черти и большие и малые станут покупать у тебя окорок; но ты не отдавай его за деньги, а прося в обмен старую ручную мельницу, что у дверей стоит». Бедный послушался и получил мельницу.

Воротясь домой, он поставил ее на стол и приказал молоть: все, что только он ей приказывал, сейчас же давала чудесная мельница. Узнал о том богатый, пришел торговать мельницу и купил ее за 300 талеров. Принес домой и говорит жене: «Ступай в поле убирать сено, а я обед приготавливаю». Жена ушла, а муж поставил мельницу на стол и приказывает, чтоб молола сельдь и молочный суп. Начала мельница молоть сельдь и молочный суп: наполнила все чашки, чугуны, кадки; уж и подставлять нечего, а она все мелет. Как не останавливал ее богатый, как не трудился —

ничего не мог сделать; затопила она всю избу, запрудила целый двор и потекло молоко с сельдями в открытое поле. Богатый бросился к брату: возьми назад свою мельницу. Тот взял мельницу и еще в придачу 300 талеров и стал жить весело и счастливо. Заехал к нему однажды корабельщик и пожелал видеть мельницу. «Может ли она молотить соль?» — «Может». — «Продай ее мне». — «Купи». Сторговал за тысячу талеров, поставил ее на корабль, поехал в море и заставил молотить соль. Тотчас же посыпалась соль и наполнила целое судно: сколько ни старался корабельщик — не мог остановить: кучи соли росли выше и выше и, наконец, потопили корабль со всем, что на нем было. Там, на дне моря, стоит чудная мельница и до сего дня мелет соль: от того-то и солона морская вода.

Сказки

Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове

Пришел Лещ на Ерша подал челобитну, а в челобитной пишет тако: «Господам моим от рыб великому Осетру и Белуге и Белой рыбице. Бьем челом на лихого Ерша, что он владеет насильством нашими вотчинами. Собою он мал, а щетины у него как острые рогатины, и где он ни попросится ночевать и кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина вон выжить. А мы хотим быть оправлены вами, праведными судьями». Судья спросил Леща: «Чем, Лещ, Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовут их Сиг и Ладога, на них я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ерш сказал: «Сиг и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малые; а се они с Лещом хлеб-соль водят вместе, и они правды не скажут». Судьи спросили Леща: «Еще чем Ерша уличаешь?» Лещ

сказал: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовут ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на общую правду — Сельдь?» Ерш сказал: «То общая правда; на ту и я шлюся».

Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошел, взял в понятия Сома, и Сом с большим усом сказал, что-де я в понятия не гожусь, имею брюхо велико, ходить не могу, глазами вдоль не вижу. И Окунь отпустил Сома и взял в понятия Язя, и поставили Сельдь перед судьями. Судьи спросили Сельдь: «Чье Ростовское озеро, исстари ли Ершово? и знают ли Ерша на Москве все богатые, покупают ли его для похмелья дорогою ценою и с похмелья им оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро исстари Лещево, а тот-де Ерш где ни попросится ночевать, кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина выжить, а знают его все богатые, у кого одна полушка есть, — и на ту ершов много купит: столько не съедят, сколько расплюют его! Судьи приговорили: истца Леща оправить, а ответчика Ерша обвинить, и в соль

осолить, и против солнышка повесить. И как Ерш сие услышал, вильнул хвостом, ушел в хворост: только Ерша и видели! И всему тому конец.

Послали миром Першу заложить вершу; пришел Богдан, Ерша бог дал; пришел Устин, опять Ерша упустил; пришел Иван, опять Ерша поймал; пришел Потап, стал Ерша топтать; пришел Давид, стал Ерша давить: пришел сосед, бросил Ерша в сусек; пришел Лазарь, по Ерша слазил; пришел Назар, понес Ерша на базар: недорог! Пришел Константин, дает за Ерша шесть алтын: уступи, Назар! Пришел Мартын, дает Константину барыша алтын; пришел Анос и даром Ерша унес; пришел Копрон, сустиг на коне; пришел Павел, котел поставил; пришел Ерема, принес дров беремя; пришел Селиван, воды в котел наливал; пришел Обросим, Ерша в котел бросил: пусть попрееет, к ужину поспеет! Пришел Перша, посыпал перцу; пришел Лука, покрошил луку; пришел Савва, положил полтора пуда коровьего сала; пришел Глеб, принес хлеб; пришел Пахом, хлеба напахал; пришел Логин, принес ложек; пришел Вавила, поднял

Ерша на вила; пришел Филипп, стал Ерша пилить; пришел Демид, стал Ерша делить; пришел Мина, мякнул Демида в рыло; пришел Тит, только походя бз.; пришел Андрей, Тита по плечи огрел; пришел Яков один Ерша смякал, сам убежал, только ножки показал! Пришел Елизар, только котла полизал, а Ерша и в глаза не видал; пришел Данила да сестра его Ненила, только по Ерше голосом повыли и конец ему сотворили.

Сказка о золотом, серебряном и медном царствах

В некотором было царстве, в некотором государстве жил царь с супругою своею, и имели они у себя трех прекрасных сыновей, из которых называли большого Василий-царевич, а среднего Федор-царевич, а меньшого Иван-царевич. В один день царь прогуливался в саду, и с супругою своею. Вдруг поднялся вихорь и унес царицу из глаз его, о чем царь весьма был печален, долгое время соболезуя о своей супруге. Старшие его два сына испросили у печального отца своего благословение и отправились в путь свой искать матери сво-

ей. Едучи с своими людьми долгое время, захали они в дикую степь, раскинули палатки и ожидали не увидят ли кого, кто бы указал им дорогу; однако чрез три года никого не видали, а между тем подрос меньшей брат Иван-царевич. И тот также, испрося у отца своего благословение и простясь, отправился в путь. По долговременном путешествии увидел он вдали палатки и поехал к ним и как стал подъезжать ближе, то и узнал, что это были его братья. Приехавши, сказал он: «Что вы, братцы, в какой дикой степи остановились? Отпустимте своих людей в наше государство и поедем лучше одни искать своей матери». Братья по его совету учинили и поехали в путь, и ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесен такою же стеною вокруг, и приехали к оному. Тогда Иван-царевич, найдя ворота, въехал на двор и, подъезжая к крыльцу, увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продевши повод в оба кольца, привязал он своего коня богатырско-

го, потом пошел на крыльцо. И встречает его сам король, и по довольном разговоре король узнал, что он был ему племянник, и повел его в покои, куда и братьев Ивана-царевича пригласил. Погостили они недолгое время и получили от короля в подарок волшебный шар, который покатая перед собою — доехали до высочайшей горы, где и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлезть им никак было не можно.

После того Иван-царевич нашел скважину, где попались ему на руки и на ноги железные когти, помощью коих взошел он на самый верх горы. Уставши, сел он под дуб для отдохновения, и лишь только снял с себя когти — вдруг оные исчезли. Вставши, увидел он вдали палатку, сделанную из самого тонкого батисту, на коем изображалось медное государство, а на верху оной палатки поставлен был шар медный. При входе оной лежали два превеликие льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-царевич, увидя стоявшие при них тазы пустые, налил воды и утолил их жажду, и они дали свободный вход в палатку. По входе в оную увидел он на софе сидящую

прекрасную царевну, а в ногах у ней спал змей трехглавый, которому, он одним махом все три головы отсек, — за что царевна его благодарила и подарила ему яйцо медное, сокрывающее в себе медное государство. Итак, царевич, простясь с нею, отправился в путь и, шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флеру и привязанную к кедровым деревьям серебряными шнурками, у коих кисти были изумрудные, а на палатке изображено серебряное государство, и на верху был поставлен серебряный шар. При входе оной палатки лежали два превеличайшие тигра, которых жажду от солнечного зноя утолил водою и сделал себе свободный вход в палатку. И как вошел туда Иван-царевич, то увидел на софе сидящую весьма богато убранную царевну, красотой превосходящее первой. У ног ее лежал шестиглавый змей и вдвое против прежнего больший, которому он за один раз отрубил все головы, — за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебряное яйцо, сокрывающее в себе серебряное государство. Простясь и с этой царевной, пошел Иван-царевич

далее и достиг, наконец, до третьей палатки, которая была сделана из самого чистого каротку (?), на коем было вышито золотое государство, а на палатке был шар из самого чистого золота; она была прикреплена к лавровым деревьям золотыми шнурками, у коих были привешены алмазные кисти. При входе оной лежали два великие крокодила, которые от великого жару испущали огненное пламя. Царевич, видя их жажду, наполнил их пустые тазы водою и тем учинил себе свободный вход в палатку. И там увидел царевич на софе сидящую царевну, красотою превосходнее прежних; у ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому с двух раз все головы отрубил. Царевна за сие подарила ему золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, а с яйцом вручила ему свое сердце и по довольном разговоре указала ему, где живет его мать, и желала ему счастливо предприятие окончить.

По довольном путешествии достиг Иван-царевич до великолепного дворца и в нем прошел многие покои и не нашел ни одного человека. Напоследок пришел в пребогато

убранную залу и увидел мать свою в царской одежде, сидящую в креслах, и по нежных между ими ласкательствах и учтивых разговорах объявил ей, что он с братьями многие лета странствовал. Вдруг мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; он подыметя на воздух — ты не страшися, а как опустится на землю и рассыплется на мелкие части — ты все собери и сожги, а пепел развей по полю». Лишь только мать успела сказать и спрятать Ивана-царевича под свою одежду, ту минуту Вихорь прилетел и начал ласкаться к царице. Тогда царевич, по совету матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Царевич, все части подобрав, сжег, а пепел развеял по полю и овладел волшебною палицею. Взявши мать свою и трех царевен, Иван-царевич пришел к дубу, где всех по полотну спустил книзу. Братья его, как Иван-царевич один остался на горе, обре-

зали плотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство и велели им клясться, что отцу скажут, будто они найдены старшими царевичами. А Иван-царевич, оставшись один на горé, не смел спуститься с оной, видя, что полотна обрезаны, и ходил по горе, перекидывая палицу с руки на руку. Как вдруг предстал перед него человек, который снес его с горы и поставил на площади его государства, где Иван-царевич и встретился с одним башмачником, у коего нанялся он в работники. Хозяин, накупя кож довольное число, напился пьян и лег спать. Иван-царевич, видя, что в хозяине проку мало, призвал Духа, который снес его с горы, и приказал ему к утру сделать башмаки; Дух по приказу его все учинил. Поутру Иван-царевич, разбудя хозяина, послал с товаром в город, где тот и продал башмаки купцу, который рекомендовал его знатым господам. Наконец сам царь, увидя его работу, приказал ему носить к себе во дворец; а между тем находившаяся тут золотого государства царевна, приметя, что сия работа золотого государства Духа, приказала призвать к себе сапожника. А как скоро он при-

шел, то и приказала ему, чтобы завтрашнего дня поутру пред сим дворцом поставил дворец золотого государства, а от него золотой мост до самого царского дворца, покрытый зеленым бархатом, — и с тем от него пошла. Хозяин пришел домой весьма печален и сказал все то работнику, а сам с горя так напился пьян, что и сам себя не помнил, только и говорит: «Теперь хотя голову руби, так и нужды нет!» Царевич, услыша сие, приказал Духу, чтоб немедленно к завтраму поставил дворец и золотое государство, сокрывающееся в золотом яйце; Дух по приказанию все исполнил и поутру рано перенес туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встречи отца своего и матери, послал по ним великолепные колесницы, а по братьев самые срамные телеги, прося притом всех откусать. Царь, услыша, что сын его меньшей Иван-царевич жив и здравствует, весьма обрадовался и сел с царицею и с тремя царевнами в присланную для них пребогато убранную колесницу, а детей своих насильно приказал посадить в срамные телеги, говоря притом, что вы по вине своей и того не заслуживаете. Иван-царевич

встретил их великолепно и простил братьям своим их вину; потом назначил Василью-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Федору-царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну Плениру и отдал братьям серебряное и медное яйца, сокрывающие в себе оные государства. На другой день совершен был брак всех братьев, к великой радости подданных. И так обладали они своими подданными и всеми государствами, которые были поставлены на одном море.

Сказка о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею, еще мамушки и сеньные девушки, но никто из князей и богатырей не видал ее лица. А царевна-краса называлась Василиса золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных и камней дорогих, но царевна скучала:

душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса. Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжались, собирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косячатого, из-за решетки золотой, на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила ее отпустить в сад — с девицами поиграть. «Государь батюшка! — она говорила. — Я еще свету божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозвожь мне с мамушками, с сенными девушками в саду проходиться».

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. От-

ворились ворота тесовы, очутилась она на зеленом лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разнovidные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек — в молодом уме осторожности не было; лицо ее было открыто, красота без покрыва... Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видно, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядь — подхватил вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся; но только и увидели, как помчал ее вихорь! И унесло Василису золотую косу через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое — в область змея лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются: «Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихорь унес наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо — куда». Всё рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гневе бедных помиловал.

Вот наутро князя и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилось? «Грех надо мною! — сказал им царь. — Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису косу золотую, и не знаю — куда!» Рассказал все, как было. Пошел говор меж приезжими, и князя и королевичи подумали, перемолвились, не от них ли царь отрекается, выдать дочь не решается? Бросились в терем царевны — нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей: «Отпусти ты нас, государь-отец, благовослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!» — «Сыновья мои милые, дети родимые, — сказал царь невесело, — куда же вы поедете?» — «Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!» Царь их благословил, царица в путь снарядила; поплакали, расстались. Едут два царе-

вича; близко ли путь, далеко ли, долго ль в езде, коротко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синенеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого. И спрашивают царевици встречных: не слышали ли, не видали ли, где царица Василиса золотая коса? И от встречных в ответ им: «Мы ее не знали; где она — не слышали». Дав ответ, идут в сторону. Подъезжают царевици к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевици, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слышал ли чего о царице Василисе золотой косе, непокрытой красе? «Эх, дружки, — отвечал старик, — знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютой змеи запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; нам под страхом наказано говорить, пересказывать, как пронес мимо города вихрь царицу прекрасную». Тут догадались царевици, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на

одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решетку золотую, и от радости вскрикнула — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало. И царица тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а змей лютей в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходились лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигаться. Царица испугалась и братьям говорит: «Змей летит, змей летит, оттого и дворец кругом повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, как змей лютей влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Кто тут живой человек?» — «Мы, змей лютей! — не робея, отвечали царевичи. — Из родной земли за сестрой пришли». — «А, это вы, молодцы! — вскрикнул змей, крыльями хлопая. — Незачем бы вам от

меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!» И змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мертвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров! Залилась царевна слезами, Василиса коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит — ей не умирать стать, умереть не решилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от змея избавиться, и стала выведывать ласкою. «Змей лютый! — сказала она. — Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе супротивника нет!» — «Еще не пора! — молвил змей. — На роду моем написано, что будет мне супротивник Иван-Горох, и родится он от горошинки».

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День

был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжелешенько; горошинка растёт да растёт, а царицу все тягчит да гнетет. Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растёт он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестер, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унес — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали. «Батюшка, матушка, — просился Иван-Горох, — и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите». — «Что ты, дитя мое! — в один голос сказали царь и царица. — Ты еще зеленехонек-молодехонек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдешь — пропадешь!» —

«Авось не пропаду! — сказал Иван-Горох. — Я братьев и сестры доискаться хочу». Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью — «Избушка, избушка, — молвил Иван, подув на нее, — стань к лесу задом, ко мне передом». И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит: «Кого бог несет?» Иван поклонился, спросить торопился: «Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую он сторону уносит красных девиц?» — «Ох-ох, мóлодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая. — Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижусь, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит! Ведь это не вихорь, а змей лютый!» — «Как бы дойти к нему?» — спросил Иван. «Что ты, мой свет, змей проглотит тебя». — «Авось не про-

глотит!» — «Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснешься — помолодеешь!» — промолвила она, через силу шевеля губами. «Добуду — принесу, бабушка! Слово даю». — «Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до Лисьей горы, там спроси — где дорога в змеиное царство». — «Спасибо, бабушка!» — «Не на чем, батюшка!» Вот Иван-Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеиного царства. Перед городскими воротами увидел он нищего — хромого, слепого старика с клюкой, и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, молодой Василисы косы золотой. «Есть, да не велено сказывать!» — отвечал ему нищий. Иван догадался, что сестра его там; добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошел.

На ту пору Василиса-краса золотая коса смотрит в окошко, не летит ли змей лютый, и заметила издалека богатыря молодого, знать об нем пожелала, тихонько разведать

послала: из какой он земли, из какого он рода, не от бабушки ли прислан, не от матушки ли родимой? Услышав, что пришел Иван, брат меньшой (а царица его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами. «Беги поскорее, — закричала, — беги, братец! Скоро змей будет, увидит — погубит!» — «Сестрица любезная! — отвечал ей Иван. — Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я змея и всей силы его». — «Да разве ты — Горох, — спросила Василиса коса золотая, — чтоб сладить с ним мог?» — «Погоди, друг-сестрица, прежде напой меня; шел я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить». — «Что же ты пьешь, братец?» — «По ведру меду сладкого, сестрица любезная!» Василиса коса золотая велела принести ведро меду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царица приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась. «Ну, братец, — сказала, — тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох». — «Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги». Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в

куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся. «Ах, братец, — вскричала царица, — это стул змея лютого». — «Ну, видно, я потяжеле!» — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет — море расхлестнет, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошел, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит.

Тогда Горох выскочил на площадь, руку подставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец.

Вдруг послышался страшный свист — мчится змей лютый, конь его вихорь стрелою летит, пламенем пышет; с виду змей — богатырь, а голова змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начнет повертываться, с места на место передвигаться; а тут дворец с места не трогается. Видно, седок есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул черною гривой, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается. «Ого! — заревел змей лютый. — Видно, есть супротивник; не Горох ли в гостях у меня?» Скоро пришел богатырь. «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут!» — «Увидим!» — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а змей с вихря кричит: «Расходись, Горох, не катайся!» — «Лютый змей, разъезжайся!» — Иван отвечал, посох поднял. Змей раз-

летелся ударить Ивана, взоткнуть на копье — промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся. «Теперь я тебя!» — зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорошил, что змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство. Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величал; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подзвал и народу сказал: «Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея». Иван добыл и живо-мертвой воды, спрыснул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают: «Долго спали мы; бог весть, что сделалось!» — «Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые!» — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу. Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косою поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодицей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и

мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась. Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой! Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

Сказка о семи Семионах, родных братьях

В одном месте у мужика было семь сынов, все семь Семенов — все молодец молодца лучше, а такие лентяи, неработицы — по всем свете поискать! Ничего не делали. Отец мучился-мучился с ними и повез к царю; привозит туда, сдает всех в царскую службу. Царь поблагодарил его за таких молодцов и спросил, что они умеют делать. «У самих спросите, ваше царско величество!» Царь наперво созвал большого Семена, спросил: «Чего ты умеешь делать?» — «Воровать, ваше царско величество». — «Ладно; мне такой человек на время надобен». Созвал второго: «А ты чего?» — «Я умею ковать всяки дорогí вещи». — «Мне и такой человек надобен». Созвал третьего Семена, спрашивает: «А ты чего умеешь делать?» — «Я умею стрелять на лету птицу, ваше царско величество». — «Ладно!» Спрашивает четвертого: «А ты чего?» — «Если стрелец подстрелит птицу, я вместо собаки сплаваю за ней и притащу». — «Ладно! — говорит царь. — А ты чему мастер?» — спросил пятого.

«Я буду смотреть с высокого места во все царства и стану сказывать, где чего делается». — «Хорошо, хорошо!» Спросил шестого. «Я знаю делать корабли; только тят-ляп, у меня и будет корабль». — «Хорошо, а ты чего знаешь?» — спросил седьмого. «Я умею лечить людей». — «Ладно!» Царь отпустил их. Живут долго уж; царь и вздумал попытать одного Семена: «Нука, Семен, узнай, где чего делается?» Семен забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал: «Тут вот то-то делается, там то-то». После сличили с газетами — точно так! Прошло опять много время; царь вздумал жениться на одной царевне: как ее достать? Не знат, некого послать! И вспомнил семь Семенов, созвал их, дал службу: достать эту царевну; дал им сколько-то солдатства. Семены скоро собрались, все мастера — тят да ляп, и сделали корабль, сели и поплыли. Подплывают под то царство, где была невеста-царевна; один посмотрел с высокого шеста, сказал, что царевна теперь одна — украсть можно; другой сковал какие-то самые дорогие вещи, и пошли с воров продавать: только дошли, вор тотчас и украл царевну. Отсекли якоря, по-

плыли. Царевна видит, что ее везут, обернулась белой лебедью и полетела с корабля. Стрелец не оробел, схватил ружье, стрелил и попал ей в левое крыло; вместо собаки кинулся другой Семен, схватил лебедь на море и принес на корабль. Лебедь обернулась опять царевной, только левая рука у нее была подстрелена. Лекарь у них свой, тотчас руку у царевны вылечил.

Приехали к своему царству здоровы, благополучны, выстрелили из пушки. Царь услышал, и забыл уж про Семенов — думат: что за корабль пришел там? «Поди-ка, — говорит, — сбегайте, узнайте там». Кто-то сбегал ли, съездил ли; сколь скоро доложили царю о семи Семенах вместе с царской невестой, — он обрадовался Семеновым трудам, приказал встретить их с честью, с пушечной пальбой, с барабанным боем. Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уж стар. Он ее и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: «За того, кто меня воровал!» — а вор Сенька был бравый детина, царевне поглянулся. Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на

спокой, Семена поставил на свое место, а братовой его сделал всех большими боярами.

Сказка о богатыре Иван-Царевиче и его прекрасной супружнице Царь-девице

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья обеременила, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую называли Луною; чрез год родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: называли ее Звездою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зеленый сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич

кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выспрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отrekliсь от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сестрах; пришел к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить: «Милостивый батюшка! Я пришел к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришел просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и про-

ведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!» — «Ох ты гой еси, молодой юноша Иван-царевич! — сказал ему царь Ахридей. — Куда тебя бог несет и в какую пойдешь ты сторону? Ведь ты еще млад и к дорожным трудам непривычен». Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошел один, как перст, без провожатого. Идет царевич путем-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим тóропом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошел к ним. «Послушайте, — спрашивает, — за что вы деретесь? Скажите-ка мне, я вас помирю». Отвечал ему один леший: «Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из нее двенадцать добрых молодцев да

двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку». — «Хорошо, — сказал Иван-царевич, — я ваше дело разберу, только дайте и мне долю». Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им: «Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трех верстах опередит, тому и достанется вся находка». Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошел дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нем была надета шляпа-невидимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шел несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к

нему задом; подошел к ней и молвил: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом». Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошел в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок уперши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?» — «Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич. — Ты прежде меня, доброго молодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: «Как ты сюда зашел, добрый молодец, волею или неволею?» Ответ держал Иван-царевич: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а

где их сыскать — сам не ведаю». — «Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга. — Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее». Царевич лег спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить: «Добрый мóлодец! Пора тебе в путь идти». Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе надобно — в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый мóлодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять ее, потому что живет с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком».

Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошел в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестри-

це, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошел к кровати, начал ее будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таков и зачем сюда пришел?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич. — Я твой брат единоутробный Иван-царевич; принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовались, миловались, а после того царевна сказала: «Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасюсь, чтоб не пришел Медведь и не съел бы тебя». — «Не крушись о том, — молвил ей царевич, — я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе: «Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя». — «Не бойся!» — ска-

зал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Медведь вошел в комнату и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет». — «Ах, мой свет, — сказала Луна, — тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится». — «Да не пришел ли брат твой Иван-царевич? — спросил Медведь. — Ведь он давно уж родился». — «Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришел, ведь ты бы съел его?» — «Нет, — отвечал Медведь, — я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Поклянись прежде!» — «Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь». — «Когда так, — сказала царевна Луна, — то брат мой здесь и сидит возле тебя». — «Что ты! Как же я его не вижу?» — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил: «Иван-царевич!

Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю».

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю: «Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Медведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про все ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает. «Она живет не очень далеко, — сказала царевна Луна, — только, братец, не чаю, чтоб ты ее увидал, потому что живет она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — всё водяные

черти; они тебя убьют до смерти». — «Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу». Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошел в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошел в ворота; у ворот стоят два водяных черта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают. «Пропустите меня, — сказал царевич, — ведь я нарочно пришел всех вас с караула сменить». — «Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдет гром по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!» Царевич ничего не уstraшилcя и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту же минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошел с тóропом в палаты, нашел прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил ее от крепкого сна. Она проснулась

и закричала: «Кто ты и зачем пришел?» — «Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич. — Я твой брат родной Иван-царевич, принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; она вельми по тебе сокрушаются».

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит: «Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придет сюда Морское Чудище и как тебя увидит — тотчас съест». — «Не крушись, — молвил царевич, — я не боюсь!» Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошел Морское Чудище и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?» — «Ах, мой свет, — отвечала царевна Звезда, — кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!» — «Полно, не пришел ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился». — «Я сроду ника-

кого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?» — «Нет, — отвечал Чудовище, — я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь». — «Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь». — «Когда так, — молвила царица Звезда, — то брат мой здесь и сидит против тебя». — «Что ты врешь? — сказал Морское Чудо. — Как же я его не вижу?» — «Он, право, здесь!» — отвечала Звезда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал: «Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и завсегда рад тебя гостем видеть».

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу: «Не хочешь ли ты мо-

его дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял ее. Иван-царевич обо всем ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться. Прожил царевич у меньшей сестры своей близ года. Когда Чудовица не было дома, стал он говорить царевне Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу к матери. «Что ты, братец! — отвечала она, — Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст». — «Как же мне тебя и сестру нашу выручить?» — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за то-

го Царь-девица замуж выйдет; а с ее помощью можно и меня и сестру выручить». Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошел за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашел в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошел к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерегся, махнул палицей и за один раз отсек змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассек его надвое, потом наклал костер дров, зажег и положил все змеиные головы и туловище на огонь, а сам пошел через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и

сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любуется на их красоту и ждет, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошел к ним, поклонился и сказал: «Честные де́вицы, скажите мне, кто этим царством владеет?» — «Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый мóлодец, как сюда зашел?» — «Я пришел через калиновый мост, — отвечал царевич, — и по ту сторону убил змея о двенадцати головах». Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали: «Если ты убил двенадцатиглавого змея, то должен быть нашим государем!» — и повели его к Царь-девице. Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала полюбовно; в тот же день царевич на ней и женился.

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестер, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом:

«Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в темном погребе». Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в темном погребе». Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принес обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

Сказка про перстень о двенадцати ВИНТАХ

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избенке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба черствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того еще не было. Мать сидит, пряжу прядет, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему: «Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шел бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки — все хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак; взял и пошел себе к корчме. Навстречу ему человек попадает: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу иду наниматься». — «Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и все прочее». Согласился Иван, пошел к нему в службу. А у того че-

ловека сука была, и оценилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и вы́ходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Дает хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему: «Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас вы́ходил». Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

Пришел Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться: «Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чем кормить собаку-то будем?» Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему: «Что сидишь-то без толку? Шел бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак, взял собачку свою и пошел. Навстречу другой хозяин ему: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу, — говорит, — наниматься». — «Ступай ко мне служить!» — «Ладно!» Договори-

лись они, и пошел дурак опять в батраки. А у хозяйина у этого кошка была; вот она и окотилась. Полюбился дураку один котенок, он и выходил его. Приходит время к расчету. Иван-дурак и говорит хозяйину: «Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котеночка». — «Изволь!» — говорит. Вот пришел дурак домой, мать еще пуще того стала плакаться: «Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь еще две лишних души кормить надобно».

Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле. Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой — пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нем змея корчится и горит на каленных угольях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом: «Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу». Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он ее, глядит — а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему: «Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую

службу, сослужу я тебе еще и больше того! Пойдем, — говорит, — к моей матери; будет она тебе давать медные деньги — ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будет давать серебряные — также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото — и того не бери, потому что вместо золота там будет черепье да кирпич; а проси ты у нее в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его». Вот все так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

Вот идет Иван полем и думает себе: «Что же я теперь с этим перстнем буду делать?» Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит: «Ты, Иван, чего ни пожелаешь только, — все это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов — и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай, — все тебе будет исполнено!» Пришел Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришел вечер, легли они спать; Иван выждал

время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» И говорит им Иван: «Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне». — «Ложись себе с богом, — говорят ему люди, — все будет по слову твоему исполнено».

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало — самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин!

Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они — сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану. «А сказать ему, — говорит, — что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!» Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

Вот теперь и царю в свой черед тоже поломаться захотелось: «Отдать-то, — говорит, — отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы

был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона — серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг нее пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, — говорит, — сделаешь все это, быть дочери за тобою, а не сделаешь — на себя пеняй!» Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует. «Ладно, — говорит, — извольте; готовьте к завтраму свадьбу!» С тем и уехал.

Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — встали перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Так и так, — говорит, — нужно мне то-то и то-то». — «Ладно, — говорят, — ложись себе с богом». Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило — ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост, одна полоса серебряная, другая золотая,

так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. — «Ну, — думает царь, дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проступили; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать к Ивану: «Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты все это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?» Иван-дурак долго не хотел говорить ей; однако так как уж очень ее любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот

надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевичу один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорилась, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить за море. Вот только как пришел вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов — и явились перед нею двенадцать тысяч человек: «Ты — наша госпожа, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» Она говорит им: «Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за море, а на сем месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком». — «Ложись себе с богом, — говорят ей люди, — все будет по слову твоему исполнено».

Наутро Иван просыпается — смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько заплакался он и пошел к царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришел-де зять. Тот как увидал его: «Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять?»

У меня зятя в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?» Сказано — сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через нее поесть ему пищу приносят.

Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по саду гуляет, мужа своего судачит. «Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану», — говорит кошечка и пошла себе. «Мяу-мяу!» — под дверью. Услыхала королевишна: «А, это кошка того мерзавца, — говорит, — впустите да накормите ее!» Вот ее впустили и накормили, а она все ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну, — думает, — слава богу!

Теперь только бы дождаться ночи, а там достану перстень — и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверью. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то разбита. «Ах, — говорит, — это, верно кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вон!» Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке: «Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой».

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка — сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет — сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей: «Садись ты на меня, ты уж устала!» Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слезно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бегает по полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу,

ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит: «Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала ее есть, а в рыбке-то и был этот перстень». Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Разнесите, — говорит, — сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!» Тотчас же все так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает: «Где, любезный зятюшка, побывать изволил?» — «Я, — говорит Иван, — был за морем». — «То-то, — говорит, — за морем!

Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя

приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, — говорит, — и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды виды-вал?» — «А видывал я, — говорит, — разные виды; за морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить». — «Какое ж такое это дело?» — «А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?» — «По своей царской мудрости я, — говорит, — скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!» — «Ну коли так, так ладно же! — говорит Иван. — Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво». Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж

тут нечего делать — по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

Примечания

Не почтила.

[^^^]

Женская одежда. (Опыт обл. великор. словаря,
с. 269.)

[^^^]

Мочка — прядь льна или поскони (*ibidem*, с. 17).

[^^^]

4

Мочальная или веревочная узда. (Опыт обл. великор. словаря, с. 135.)

[^^^]